ISSN 2078-7898

ВЕСТНИК ПЕРМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Научный журнал

Выходит 4 раза в год

Серия ФИЛОСОФИЯ. ПСИХОЛОГИЯ. СОЦИОЛОГИЯ

2015

Выпуск 1 (21)

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Пермский государственный национальный исследовательский университет»

Founder: Federal State Budgetary Educational Establishment of Higher Professional Education «Perm State University»

Серия «Философия. Психология. Социология» издается философско-социологическим факультетом Пермского государственного национального исследовательского университета с 2010 г.

Тематика статей серии «Философия. Психология. Социология» отражает научные интересы специалистов в области социально-гуманитарного знания. В публикуемых материалах рассматриваются актуальные проблемы философии, психологии и социологии, обсуждаются результаты эмпирических исследований. Приоритетным правом на публикацию пользуются статьи молодых ученых.

Subjects of articles of a series «Philosophy. Psychology. Sociology» reflect scientific interests of experts in the field of socially-humanitarian knowledge. Actual problems of philosophy, psychology and sociology are considered in published materials. Results of empirical researches are also discussed in the articles. The papers of young scientists use the priority right to the publication.

Издание включено в национальную информационно-аналитическую систему «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ)

Журнал зарегистрирован в Роскомнадзоре, свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-39902 от 19 мая 2010 г.

Перерегистрирован в связи со сменой наименования учредителя, Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-53180 от 14 марта 2013 г.)

Территория распространения — Российская Федерация

Подписной индекс журнала «Вестник Пермского университета. Серия: Философия. Психология. Социология» в Объединенном каталоге «Пресса России» на 2015 год — 41011

© ФГБОУ ВПО «ПГНИУ», 2015

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор
Александр Юрьевич Внутских (профессор, докт. филос. наук)

Заместитель главного редактора
Александра Юрьевна Бергфельд (доцент, канд. психол. наук)

Ответственный секретарь
Ирина Николаевна Черемных (инженер деканата философско-социологического факультета)

ФИЛОСОФИЯ
Олег Александрович Барг (профессор, докт. филос. наук, Пермь), *Наталья Ириковна Береснева* (профессор, докт. филос. наук, Пермь), *Владимир Николаевич Железняк* (профессор, докт. филос. наук, Пермь), *Владимир Васильевич Ким* (профессор, докт. филос. наук, Екатеринбург), *Михаил Иванович Ненашев* (профессор, докт. филос. наук, Киров), *Сергей Анатольевич Никольский* (профессор, докт. филос. наук, Москва), *Владимир Вячеславович Орлов* (профессор, докт. филос. наук, Пермь), *Сергей Владимирович Орлов* (профессор, докт. филос. наук, Санкт-Петербург), *Александр Владимирович Перцев* (профессор, докт. филос. наук, Екатеринбург)

ПСИХОЛОГИЯ
Виктор Дмитриевич Балин (профессор, докт. психол. наук, Санкт-Петербург), *Асия Гарафовна Исмагилова* (профессор, докт. психол. наук, Пермь), *Елена Васильевна Левченко* (профессор, докт. психол. наук, Пермь), *Наталья Анатольевна Логинова* (профессор, докт. психол. наук, Санкт-Петербург), *Ирина Анатольевна Мироненко* (профессор, докт. психол. наук, Санкт-Петербург), *Людмила Александровна Мосунова* (профессор, докт. психол. наук, Киров), *Александр Октябринович Прохоров* (профессор, докт. психол. наук, Казань), *Елена Евгеньевна Сапогова* (профессор, докт. психол. наук, Тула), *Дьёрдь Сарвари* (доктор философии, директор Neosys Organisational Developmental Consulting, Венгрия)

СОЦИОЛОГИЯ
Зинаида Петровна Замараева (профессор, докт. социол. наук,

Пермь), *Евгения Анатольевна Когай* (профессор, докт. филос. наук, Курск), *Елена Леонидовна Омельченко* (профессор, докт. социол. наук, Санкт-Петербург), *Галина Ивановна Осадчая* (профессор, докт. социол. наук, Москва), *Татьяна Николаевна Юдина* (профессор, докт. социол. наук, Москва), *Растко Мочник* (профессор отделения социологии Люблянского университета, Словения)

Международный редакционный совет
Джорджио Де Маркис (профессор департамента аудиовизуальных коммуникаций и рекламы, Мадридский университет Комплютенсе, Испания), *Стивен МакДауэлл* (профессор, директор Школы коммуникации, Университет штата Флорида, США), *Майкл Рьюз* (профессор философского факультета, университет штата Флорида, США), *Александр Строканов* (профессор, руководитель департамента социальных наук, директор Института русского языка, истории и культуры, государственный колледж в Линдоне, Вермонт, США), *Дмитрий Широканов* (профессор, докт, филос. наук, акад. Национальной академии наук Беларуси, Минск, Белоруссия), *Жига Кнап* (профессор, докт. философии, Люблянский университет, Словения), *Исаак Эберштейн (*профессор социологии, заведующий кафедрой социологии, университет штата Флорида, США), *Пол Эйткен* (адъюнкт-профессор факультета бизнеса, Университет Бонд, Австралия)

Адрес редакционной коллегии
614990, Пермь, ул. Букирева, 15. Тел. +7(342) 2396-823.
E-mail: fsf-nir@yandex.ru, dekanatfsf@psu.ru, fsf-vestnik@yandex.ru.
Web-site: http://philsoc.psu.ru/nauka-na-fsf/nauchnyj-zhurnal-fsf

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief
Alexander Yu. Vnutskikh (Professor, Doctor of Philosophy)
Deputy Editor-in-Chief
Alexandra Yu. Bergfeld (Associate Professor, Candidate of Psychology)
Executive Editor
Irina N. Cheremnych
(Engineer of the Philosophy and Sociology Department's Dean Office)

PHILOSOPHY
Oleg A. Barg (Professor, Doctor of Philosophy, Perm), *Natalya I. Beresneva* (Professor, Doctor of Philosophy, Perm), *Vladimir N. Zheleznyak* (Professor, Doctor of Philosophy, Perm), *Vladimir V. Kim* (Professor, Doctor of Philosophy, Yekaterinburg), *Mikhail I. Nenashev* (Professor, Doctor of Philosophy, Kirov), *Sergey A. Nikolsky* (Professor, Doctor of Philosophy, Moscow), *Vladimir V. Orlov* (Professor, Doctor of Philosophy, Perm), *Sergey V. Orlov* (Professor, Doctor of Philosophy, Saint Petersburg), *Alexander V. Pertsev* (Professor, Doctor of Philosophy, Yekaterinburg)

PSYCHOLOGY
Viktor D. Balin (Professor, Doctor of Psychology, Saint Petersburg), *Asiya G. Ismagilova* (Professor, Doctor of Psychology, Perm), *Elena V. Levchenko* (Professor, Doctor of Psychology, Perm), *Natalya A. Loginova* (Professor, Doctor of Psychology, Saint Petersburg), *Irina A. Mironenko* (Professor, Doctor of Psychology, Saint Petersburg), *Lyudmila A. Mosunova* (Professor, Doctor of Psychology, Kirov), *Alexander O. Prokhorov* (Professor, Doctor of Psychology, Kazan), Elena E. Sapogova (Professor, Doctor of Psychology, Tula), György Sarvari (Doctor of Philosophy, Director of Neosys Organisational Developmental Consulting, Hungary)

SOCIOLOGY
Zinaida P. Zamaraeva (Professor, Doctor of Sociology, Perm), Evgeniya A. Kogai (Professor, Doctor of Philosophy, Kursk), Elena L. Omelchenko (Professor, Doctor of Sociology, Saint Petersburg),Galina I. Osadchaya (Professor, Doctor of Sociology, Moscow), Tatyana N. Yudina (Professor, Doctor of Sociology, Moscow), Rastko Močnik (Professor of the Department of Sociology, University of Ljubljana, Slovenia)

International Editorial Council
Giorgio De Marchis (Professor of the Department of Audiovisual Communication and Advertising, Complutense University of Madrid, Spain),
Stefan McDowell (John H. Phipps Professor of Communication, Florida State University, USA),
Michael Ruse (Lucyle T. Werkmeister Professor and Director of the History and Philosophy of Science Program, Florida State University, USA),
Alexandre Strokanov (Professor, Head of the Department of Social Sciences, Director of the Institute of the Russian Language, History and Culture, Lyndon State College, Vermont, USA),
Dmitri Shirokanov (Professor, Doctor of Philosophy, Academician of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus),
Žiga Knap (Professor, Doctor of Philosophy, University of Ljubljana, Slovenia),
Isaac Eberstein (Charles Meade Grigg Professor of Sociology, Florida State University, USA), *Paul Aitken* (Adjunct Professor of the School of Business, Bond University, Australia)

Address of Editorial Board
Perm State University, Bukirev str., build. 15, Perm, Russia, 614990
Tel. +7(342) 2396-823.
E-mail: fsf-vestnik@yandex.ru, fsf-nir@yandex.ru, dekanatfsf@psu.ru
Web-site: http://philsoc.psu.ru/nauka-na-fsf/nauchnyj-zhurnal-fsf

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ

Глобализация как способ перехода к новому качеству в общественном развитии ***Зубкевич Л.А.***	5	Globalization as a way of transition to a new quality of social development ***Lada A. Zubkevich***
Девальвация международного права. Статья вторая: Цивилизационные, формационные и геополитические факторы кризиса международного права ***Мусаелян Л.А.***	16	The devaluation of international law. The second paper: Civilization, formational and geopolitical factors of international law crisis ***Lyeva A. Musayelyan***
Феномен одиночества: гендерный аспект ***Тихонов Г.М.***	26	The loneliness phenomenon: gender aspect ***Gennadiy M. Tikhonov***
Культурный герой и трикстер: функциональные и онтологические сходства ***Шевякова А.В.***	32	Culture hero and trickster: functional and ontological similarities ***Alina V. Shevyakova***
Христианская гносеология В.В. Зеньковского: критика автономного разума ***Сидорин В.В.***	43	Christian gnoceology of V.V. Zenkovskij: critique of autonomous reason ***Vladimir V. Sidorin***
«Удвоенная диалектика»: эрософия Ж.Батая ***Наумов О.Д.***	49	«Doubled dialectic»: philosophy of Eros by G. Bataille ***Oleg D. Naumov***

ПСИХОЛОГИЯ

Представления об информационно-психологичсекой безопасности политического текста ***Пузырёва Л.О.***	55	Ideas of information and psychological security of political text ***Liubava O. Pouzyreva***
Возможности моделирования предрасположенности к наркозависимости методами искусственного интеллекта ***Ясницкий Л.Н., Грацилёв В.И., Куляшова Ю.С., Черепанов Ф.М.***	61	Possibilities of artificial intellect in detection of predisposition to drug addiction ***Leonid N. Yasnitskiy, Vadim I. Gratsilev, Julia S. Kulyashova, Fyodor M. Cherepanov***
Влияние типа организационной культуры на служебное взаимодействие военнослужащих ***Колосович А.С.***	74	Organizational culture influence on military service interaction ***Alexander S. Kolosovich***

Особенности мотивационной сферы военнослужащих подразделений по конвоированию, экстрадиции и охране подсудимых
Юрьева Н.В.
84
The specifics of motivational sphere of servicemen of units of escorting, extradition and protection of people under the jurisdiction
Natalya V. Yurieva

СОЦИОЛОГИЯ

Внутренняя трудовая миграция: подходы к рассмотрению, перспективы, угрозы и пути преодоления (на примере г. Березовского Свердловской области)
Пить В.В., Заполева Е.О., Пономарева И.В.
94
Internal labor migration: theoretical approaches, prospects, threats and ways of negotiation (by the example of the city of Berezovsky, Sverdlovsk Region)
Victor V. Pit', Evgeniya O. Zapoleva, Irina V. Ponomareva

Исследования проблемы удовлетворенности трудом в СССР и постсоветской России
Хагур Ф.Р.
102
Studies of a problem of job satisfaction in the USSR and post-Soviet Russia
Fatima R. Hagur

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Н.В. Коротков. Онтология и гносеология фантастики. Киров: Радуга–ПРЕСС, 2014. 155 с.
Хайруллин К.Х.
110
N.V. Korotkov. Ontology and gnoseology of fiction. Kirov: Raduga–PRESS, 2014. 155 p.
Kamil H. Khajrullin

Информация для авторов
114
Guidelines for English-speaking authors

ФИЛОСОФИЯ

УДК 101.1:316

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ КАК СПОСОБ ПЕРЕХОДА К НОВОМУ КАЧЕСТВУ В ОБЩЕСТВЕННОМ РАЗВИТИИ

Зубкевич Лада Альбертовна,
кандидат философских наук,
старший преподватель факультета социальных наук
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
603950, Нижний Новогород, пр. Гагарина, 23;
e-mail: lada-zubk@rambler.ru

В статье на основе анализа философской литературы даются основные характеристики глобализации и исследуются пути ее реализации. Используется сравнительный метод с целью выявления концептуальных сходств в понимании глобализационных процессов, обнаружение которых указывает на объективное существование соответствующих феноменов. Глобализация рассматривается как неотъемлемое свойство современного переходного периода в общественном развитии. Автор анализирует определения глобализации, исследует, что именно подвергается глобализации, как конкретно происходит процесс глобализации в наши дни, какие варианты (или векторы) глобализационных процессов возможны в будущем.
Ключевые слова: глобализация; интеграция; глобализм; империализм; американизация; вестернизация.

В философской и политической литературе последних 10–15 лет устойчиво закрепилась характеристика современного этапа развития человечества как переходной эпохи или переходного периода. Все чаще эта характеристика связывается с такими понятиями, как глобализация, интеграция и т.п.; очевидно, что решение любых вопросов развития или простого функционирования конкретных обществ в современной социокультурной ситуации возможно только при их глобальном рассмотрении с позиций глобалистики.

Переходный характер современного общества связан с определенным движением социума из некоего пункта «А» в пункт «Б». Именно это движение, а не сам по себе феномен переходного периода [15] стало целью нашего исследования. Современный этап общественного развития определяется в научной и публицистической литературе как глобализация.

Сегодня в науке существует множество подходов к определению глобализации. Эти подходы неоднократно пытались классифицировать. В данной статье не ставится задача перечислить их многообразие, проводится сравнительный анализ авторских позиций с целью выявления точек соприкосновения в концепциях, обнаружение которых указывает на объективное существование соответствующих феноменов.

Для понимания сущности современного глобального развития необходимо решить следующие задачи: проанализировать определения глобализации, понять, что именно подвергается глобализации, как конкретно происходит процесс глобализации в наши дни, какие варианты (или векторы) глобализационных процессов возможны в будущем.

Как следует определять глобализацию?

Некоторые исследователи глобализацию понимают как универсальный социальный процесс, соотнесенный с предыдущими стадиями развития человечества, как тенденцию общепланетарного объединения стран, народов, культур [27, с. 48]. Это «особый рискогенный этап взаимодействия цивилизаций» [25, с. 12].

Следующее определение глобализации указывает на технологическике аспекты этого процесса: «Глобализация — процесс … когда, в первую очередь, информационные технологии сделали мир единым» [1, с. 19].

Термин «глобализация» употребляется для обозначения объективных, собирательных, а также

© Зубкевич Л.А., 2015

«интеграционных процессов» — «становления единого мирового рынка, свободного движения товаров и капитала, а также распространения информации» [18, с. 76].

Глобализация носит общемировой характер и захватывает всех социальных субъектов современного мира. Это «совокупность процессов и структур, соотносимых с явлением взаимозависимости, взаимопроникновения и взаимообусловленности в планетарных рамках, результат которых — возникающая целостность бытия человечества» [3, с. 31]. В ходе нее «происходит коренное преобразование основных сфер человеческого бытия: экономической, политической, идеологической, социокультурной» [7, с. 35].

Моментом, в котором приведенные определения совпадают, является признание объективности, универсальности глобализации. Процесс направлен в сторону формирования определенного единства социального мира, но на новой, специфической основе, хотя сама эта основа определяется авторами по-разному. Авторы едины в признании тотальной вовлеченности в процесс глобализации всех сфер человеческого бытия и всех субъектов мирового развития.

Какие стороны бытия современного социума глобализация затрагивает?

Многочисленные исследователи выделяют следующие факторы глобализации. Во-первых, глобализируется экономика и финансовая сфера [2, с. 165], открываются новые возможности для государств в торговле [13, с. 3].

Во-вторых, глобализируются права человека и гражданские права, глобальной становится борьба людей за свои права [11].

В-третьих, происходит процесс глобального разделения труда посредством национальной экономической интеграции [13, с. 4–5].

В-четвертых, политическая интеграция отдельных государств приводит к изменениям правовых систем из-за появления «новых геополитических и экономических проблем, которые все сильнее объединяют и связывают людей из разных стран и континентов в единую глобальную систему» [13, с. 5].

В-пятых, глобализируется социальная сфера. «Здесь надо различать интеграцию социальных институтов (учреждений, организаций); деятельности этих институтов; знаний, необходимых для такой деятельности; идеалов (ценностных ориентиров), определяющих мотивы этой деятельности; норм поведения, диктуемых идеалами; и ценностей, создаваемых этой деятельностью в результате реализации соответствующих идеалов (ценностных ориентиров, идеологических установок)» [5, с. 29].

В-шестых, для возникновения глобализации как явления должно сформироваться глобальное сознание. Например, И.В. Богдан Богдан характеризовал его в следующих терминах: «направленность сознания индивида на решение глобальных проблем», «информационное поле земли», «глобальное бессознательное», «общечеловеческая составляющая психики индивида» [4, с. 33–34].

Как происходят и к чему приводят глобализационные процессы?

О финальных результатах этих процессов говорить пока рано, но четко вырисовывается тенденция, которая позволяет констатировать промежуточные изменения и прогнозировать результаты развития при сохранении условий реализации этой тенденции.

Данная тенденция анализируется многими авторами. Например, М.В. Елизаров констатирует, что происходит «расширение общественного и государственного характера за пределы естественных территорий», «ослабление традиционных форм социальной организации», «потеря контроля над внутренними и внешними рынками, а также над капиталом», «конфликт традиционной и современной систем ценностей», «утрата культурной и языковой идентичности», «“перекраивание” карты мира» [13, с. 7, 13].

Глобализация «бросает вызов традиционной позиции государства», разрушает государство в современном его понимании (четкие границы территорий, институт гражданства, разделение властей, и др.) [13, с. 13]. Формируется тенденция возникновения некоего нового образования, пока надгосударственного характера, но в будущем возможно и возникновение новой версии собственно государства с «глобальными» характеристиками.

Идея формирования некоего нового глобального сообщества анализируется и другими авторами. Например, пишут о возникновении «мегаобщества, мегакультуры, суперэтноса» в результате формирования единого мирового рынка, свободного движения капиталов, слияния культур посредством информационной революции [18, с. 76].

Известны также идеи «нового мирового порядка», который формируется принудительным слиянием «национальных экономик в одну единую экономическую систему, уничтожением национальных государственных правительств, а значит, и государственных границ. Результатом этого является глобальное сверхобщество, управляемое мировым правительством» [27, с. 11]. О «форми-

ровании глобального человеческого сообщества» пишет и В.Л. Иноземцев [16, с. 60].

Некоторые авторы видят во главе глобальной «общественной иерархии» финансовых олигархов (МВФ, Всемирный банк и т.д.) [2, с. 165], а в качестве мирового правительства — США [1, с. 20].

На наш взгляд, авторы указанных подходов преувеличивают масштабы происходящего, но в то же время при таком «доведении до абсурда» становятся очевидны перспективы, грядущие результаты указанных процессов.

Глобализацию нельзя рассматривать вне контекста исторического развития. Эту позицию мы встречаем во многих исследованиях. Вся история человечества, а отнюдь не только ее период конца XX – начала XXI вв., может быть рассмотрена как процесс интеграции. Варианты зависят от времени (исторического периода), от устойчивости или неустойчивости общественных систем. В рамках периодов неустойчивости в развитии этих систем существенную роль начинают и играть субъективные факторы.

Глобализация может быть рассмотрена как объективная и естественная для исторического процесса. Но, как у любой объективной тенденции, у глобализации могут быть разные варианты реализации. Варианты зависят от времени (исторического периода), от устойчивости или неустойчивости систем. При неустойчивом периоде в развитии систем — от субъективных факторов, т.е. имеют субъективный характер.

В литературе можно встретить характеристики различных вариантов реализации объективной тенденции глобализации. Одна из таких концепций, которая сегодня, на наш взгляд, находит фактическое подтверждение, — это представление социальной реальности как глобальной системы или сети. Согласно этой концепции мир системен, т.е. целостен. Но «...точнее было бы изображать социальные системы в виде сетей, “системность” которых не предполагает их полную внутреннюю взаимосвязанность. Такой подход позволит установить несколько перекрещивающихся, но при этом частично независимых друг от друга наборов связей внутри “системы”» [9, с. 68]. Понимание системы как сети дает возможность исключить жесткую обусловленность (детерминированность) внутри системы и предполагает большую пластичность в вариантах развития. Э. Гидденс выделяет три ключевые связи, современности: 1) «возрастающая сложность международного разделения труда, лишающего автономии многие национальные экономики...». Это выгодно субъектам процесса: «свобода международной торговли, в общем и целом, выгодна тем, кто в ней участвует»; 2) «распределение власти в глобальной системе национальных государств»; 3) «это мировой военный порядок, то есть сеть военных союзов и объединений оборонного характера». С точки зрения автора, в мировую сеть входят отнюдь не все население планеты Земля, а только включенные в эту сеть, привязанные этими тремя ниточками, при этом «включение отдельных обществ или типов обществ в мировую систему влияет на траектории их развития» [9, с. 68–69].

Такова реальная, фактически действующая сегодня модель глобализации. Современный мир поделен на систему и тех, кто вне ее.

В аналогичном ключе рассматривают глобализацию и другие авторы. Главная идея, объединяющая эти позиции, — мир глобализуется посредством возникновения и развития глобализирующих факторов, которые представляют собой нити, связывающие мир в целое. Причем эти факторы становятся доминирующими в развитии и тем самым влияют на системные изменения в обществах. Глобализирующийся мир становится не сущностно целостным, а «целостным» лишь «суммарно».

В логике сетевой концепции глобализация представляется нелинейным процессом. То есть, с одной стороны, происходит стирание культурных особенностей, перемешивание культур на мировом уровне. С другой — происходят важные изменения и в локальных сообществах. Вследствие этого устанавливаются локально-глобальные связи. Локальные территории обретают новые тенденции развития.

Основным глобализирующим фактором часто считается экономическая глобализация. В ней «...участвуют межнациональные и национальные структуры: государства и их учреждения, многонациональные объединения, международные организации, чьи отношения характеризуются переплетением конкуренции с их растущим взаимодействием и сотрудничеством...» [17, с. 61].

Наряду с собственно экономическими факторами, в литературе выделяются и другие факторы глобализации, такие как средства массовой коммуникации, разделение труда, деятельность ТНК, изменение правовых систем, социальные изменения на глобальном уровне и новые геополитические факторы. Данные позиции систематизировал М.В. Елизаров: 1) авторы выделяют возрастание значимости «многонациональных и транснациональных корпораций, мобильность капитала, высокую скорость оперативности глобальных рынков и т.п.»; 2) «больший акцент делают на политической интеграции отдельных государств как основном измерении глобализации, на тенденциях изменения правовых систем, появлении новых геопо-

литических и экологических проблем, которые все сильнее объединяют и связывают людей из разных стран и континентов в единую глобальную систему»; 3) «интенсификация социальных отношений по всей планете, пространственно-временное “сжатие” и, как следствие, уменьшение территориального параметра в социальной жизни, появление нового феномена мировой истории — “мира без границ”, “сетевого общества”»; 4) масштабные культурные трансформации, в числе которых «“гомогенизации” и “гибридизации” культурного разнообразия, “стирание” культурных границ и многое другое» [13, с. 4–5].

В.П. Бранский и С.Д. Пожарский выделяют «односторонний» и «всесторонний» варианты глобализации: «…односторонняя охватывает только одну сферу социальной жизни (например, только экономическую). Всесторонняя распространяется на все сферы — экономическую, политическую и социокультурную» [5, с. 35].

С точки же зрения сетевой концепции глобализации совокупное действие факторов глобализации превращает последнюю в «системное и комплексное геоэкономическое, геополитическое, геодемографическое и другое явление, оказывающее мощное воздействие на все стороны жизни мирового сообщества» [27, с. 15].

Другая концепция, которая отражает вторую объективную тенденцию, реализующуюся сегодня, — это концепция глобализма (в одной интерпретации) или империализма (в другой, более ранней интерпретации). «Глобализм — это некая идеология (как правило, неолиберальная), которая “навязывается мировой закулисой” всему человечеству» [7, с. 35].

Согласно концепции глобализма, субъектом глобализации рассматривается некая политическая воля, которая навязывается объекту — остальному миру, в ущерб последнему. Деятельность субъекта направлена «на достижение того, что одни деликатно называют однополярным миром, а другие — стремлением США к мировому господству» [21]. Глобализация — управляемый процесс, спровоцированный субъектом. Это скорее интерсубъективный процесс, чем объективный: «глобализация развивается в современном мире в той мере, в какой “глобальные игроки” (их перечень общеизвестен: это ТНК, такие наднациональные институты, как НАТО, МВФ, ВТО и т.п., сверхдержавы и пр.) оказывают влияние (вплоть до решающего) на экономические, социальные, политические и духовные процессы, протекающие в национальных государствах и на международной арене» [6].

«Зеркальным отражением» теории глобализма является теория, утверждающая о существовании в объективном мире нового мирового порядка с диктатурой «золотого миллиарда» или диктатором (указывается конкретно США). Само существование этих различных концепций, авторы которых приходят, в сущности, к одним и тем же выводам, подтверждает объективность описанных процессов и реальность соответствующих фактов. Идеологами этого подхода являются З. Бжезинский, Х. Макрей, П. Тейлор и др. Е.И. Яковлева обобщила их аргументы следующим образом: «1. Безальтернативность однополярности мира, поскольку американская гегемония является единственной надежной защитой от краха мира и установления международного порядка в XXI веке. 2. Мировое сообщество согласится с американским могуществом, т. к. противостояние США опасно и мало перспективно. 3. Доминирование в мире США предпочтительнее ввиду относительной сдержанности этой страны, не злоупотребляющей своим могуществом. 4. Американское лидерство имеет поддержку извне, ибо многие народы рассматривают США как гаранта международного миропорядка, способного сгладить противоречия между такими геополитическими центрами, как Европа, Китай, Россия, Япония, мусульманский мир» [27, с. 25].

Данная теория — идеология, действующая во внешней политике ряда сверхразвитых стран во главе с США. Противниками этой теории являются все, кто не вошел в круг избранных. Они занимаются разработкой контраргументов и контридеологии. Контраргументы проанализировал В.Н. Купин: 1) «однополярный мир является конструктивно и геополитически неустойчивой системой»; 2) рост «мультикультурализма американского общества, в котором набирают силы тенденции расового, языкового, религиозного, социально-этнического, культурного, социально-группового разъединения»; 3) наряду с глобализацией «набирают силы и тенденции к регионализации, плюрализму (китайская, славяно-православная, исламская, индуистская, латино-американская, японская цивилизации)»; 4) «объективным препятствием для установления однополярного мира является многоязычие и религиозный плюрализм мирового сообщества» [19, с. 19].

Теоретической ширмой глобализма в варианте американизации является идеология глобального открытого общества. Много внимания уделено этой проблеме в работах А. Панарина. Он утверждает, что глобализация является своекорыстно-элитарным проектом нашего времени, а не некой естественно-исторической реальностью, которой нет альтернативы [22]. Он связывает глобализацию с беспрецедентным по своим масштабам проектом

США, результатом реализации которого должно стать построение однополярного мира. «Под глобализацией имеется в виду переход от старой системы, представленной совокупностью независимых национальных государств, к новой, более напоминающей всемирное открытое общество без жестких границ и других барьеров. Идеология глобального “открытого” общества пришлась как нельзя более кстати в период, когда США задумали построить свой однополярный мир и демонтировать препятствующие такому миру национальные суверенитеты. Претенденту на мировую гегемонию выгодно, чтобы его волюнтаристские намерения выглядели как “веление времени”, которому нет альтернативы» [23].

В этом же направлении рассуждает и Е.И. Яковлева Она считает, что американизация — это некий субъективный процесс. Лидеры США пытаются «оседлать» объективный процесс интеграции и увести его в сторону собственной выгоды и провести на свой лад лад с помощью распространения в качестве безальтернативного американского образа жизни, растворения в нем всего национально-специфического. Фактически — это новая мировая война нетрадиционными средствами (экономическими и финансовыми, локальными войнами и пр.) [27, с. 46–53].

Глобализм некоторые авторы рассматривают как современную форму империализма, т.е. как процесс объективный, обусловленный условиями позднего капитализма. В.И. Табаков считает, что «глобализация представляет собой последнюю ступень империализма» [26, с. 620]. Сходной позиции придерживается и Л.А. Зеленов: «важным в современном глобалистическом движении является его сущность — капиталистическая сущность: прибыль, сверхприбыль, мультиприбыль» [14, с. 225].

Классиком теории империализма был, как известно, В.И. Ленин. В его труде «Империализм, как высшая стадия капитализма» (1916 г.) были изложены основные принципы империализма: 1) монополизация капиталистического производства и решающая роль монополий в жизни общества; 2) слияние финансового и промышленного капитала; 3) вывод капитала из стран; 4) раздел мира международными монополистическими союзами; 5) территориальный раздел мира крупнейшими капиталистическими державами [20].

Если не принимать во внимание терминологические особенности, то теории империализма и глобализма схожи по ряду существенных признаков. Современные последователи этих теорий отмечают не только наличие в современном мире черт, отмеченных В.И. Лениным, но и их многократное усиление и развитие: «экономическая экспансия капитализма расширилась за счет капиталистической экспансии всех сфер общественной жизни», сегодня происходит «сексуальная, демографическая, военная, культурная, управленческая, этническая, образовательная, научная глобализации и т.д.» [27, с. 20]. Политика — концентрированное выражение экономики, поэтому политика США — это выражение экономических интересов ТНК, которые по счастливо сложившимся для США обстоятельствам после Второй мировой войны образовались, росли и крепли в США.

Следующая концепция — концепция вестернизации. Очень похожая на предыдущую, часто авторы разделяют оба эти подхода. Сутью вестернизации является «представление сверхразвитыми странами своих национальных интересов в качестве “универсальных” и общечеловеческих» [10, с. 9]. Американизация вкладывается в этот контекст как послевоенный этап вестернизации, которая, впрочем, началась еще во времена Великих географических открытий. С тех пор постепенно, разными способами происходит навязывание «всем странам и государствам мира западного экономического, политического, культурного, технологического и информационного кода» [12].

Наиболее полно этот подход разработана у В.Л. Иноземцева. Автор выделяет две волны вестернизации. Первая — с XV в. до Второй мировой войны, вторая — после нее. Первую волну вестернизации В.Л. Иноземцев делит на две части и считает ее успешной по следующим причинам: 1) европейцы «обладали самыми передовыми на тот момент социальными институтами ... пригодными для копирования»; 2) европейцы «считали территории, над которыми устанавливали контроль, составной частью своих империй»; 3) в период «европейского доминирования» над миром «Европа рассеяла по всем континентам свои капиталы, свою технику, свои языки и самих европейцев» [16, с. 61].

Далее Иноземцев приводит характерные черты вестернизации первой волны: 1) имела четкую направленность: «Потоки технологий, товаров, финансовых ресурсов и людей двигались … из Европы в направлении колоний»; 2) европейцы выступали «ее субъектом, народы мировой периферии — ее объектом» [16, с. 62]; 3) вестернизация «не была спонтанным и самоподдерживающимся процессом» [16, с.63]; 4) «европейцы поддерживали жесткий контроль над мировой периферией»; 5) поддержание «мощи стран-гегемонов» требовало «тонкого политического лавирования и образования альянсов и союзов с колонизированными

народами». Автор приводит пример Индии [16, с. 63].

К концу 60-х гг. XX в. «управляемая вестернизация» закончилась, наступила эпоха второй волны — американизация. Она основывается на американских идеалах свободы и вере в рыночное регулирование. Процесс стал спонтанным. Это стратегия ускоренного развития стран «третьего мира» в смысле форсированного включения их в мировую систему разделения труда. В страны направляются инвестиции, при этом сохраняются глубокие различия, разрывы между странами и регионами. Единство мира иллюзорно. Инвесторы — частные компании, не регулируемые государством. Рыночные кризисы становятся мировыми. Нет рычагов системного политического воздействия на страны третьего мира, вместо этого приходится применять тактику «точечного вмешательства» как способа защиты интересов американских корпораций, что в итоге приводит к росту неуправляемого насилия. Таким образом, автор делает вывод, что глобализация «неизбежно превращается в инструмент углубления мирового неравенства...» [16, с. 64]. «Основной бедой» современной глобализации Иноземцев считает то, что «главным ее действующим лицом оказалась страна, привыкшая использовать мир в своекорыстных целях...» [16, с. 66]. Кроме того, неудовлетворительность глобализации сегодня объясняется тем, что «субъектом глобализации оказалось практически все человечество, а контроль над этим процессом остается весьма неэффективным» [16, с. 69].

Несмотря на то, что при построении данной концепции Иноземцев использовал реальные факты мировой истории, интерпретация и сопоставление этих фактов носит умозрительный характер и полностью зависит от гносеологических нужд выстраиваемой концепции. Например, автор из своего исследования глобализационных процессов XIX–XX вв. исключает Россию, которая с XVIII в. стала полноценным участником колонизационных процессов, с которым считались европейские империи, и переделы мира происходили между этими империями и Россией. А также не принимает во внимание тот факт, что Европа политически никогда не была едина в колонизационном вопросе, поэтому там периодически создавались и распадались межгосударственные блоки.

Сомнительны и причины успеха вестернизации, о которых говорит автор: ни один социальный институт не прижился вполне на колонизированных территориях. По сей день там существует «двоевластие» национальных и колониальных форм управления. Местное население вынужденно подстраивается под европейскую форму управления, но сохраняет национальное содержание. С концом колониализма в освободившихся странах остались только центральные органы власти, подобные западным, другие социальные институты были заменены местными. Сегодня демонтируются и они. Европеизированные центральные органы власти служили средством преодоления внутреннего раскола в обществах, так как эволюционно на этих территориях, кроме Китая, не сложилось собственно национальных вариантов центральной государственной власти из-за многовекового господства колонизаторов. Игнорируется автором и национальный гнет в колониях, хотя это установленный наукой факт, признанный мировым сообществом.

Теория, претендующая на всестороннее рассмотрение объективного процесса глобализации, — теория интеграции. Представители этой теории рассматривают существование человеческого общества с возникновения до наших дней как непрерывный интеграционный процесс. В разные исторические эпохи он проявляется поразному, сохраняя сущность — сближение и взаимопроникновение человеческих коллективов, объединение их в общество нового качества.

Глобализация понимается как объективный исторический процесс. Это процесс складывания общечеловеческой культуры и «единой цивилизации». Единство человеческой цивилизации осуществляется через культурное разнообразие: интеграция «нисколько не отменяет ни культурного разнообразия, ни специфических особенностей цивилизационного развития, как отдельных стран и регионов, так и мирового сообщества в целом» [8, с. 38]. Кроме того, единство общечеловеческой культуры подразумевает существование глобального духовного производства и глобального сознания [8, с. 39]. Здесь глобализация — это линейный и в силу своей объективности положительно оцениваемый процесс.

С точки зрения синергетики интеграционные процессы рассматриваются как закономерные (динамические). В интеграционном процессе противоречие единства осуществляется через бесконечное локальное разнообразие. Интеграционные мировые процессы так же неотвратимы, как закон всемирного тяготения: «глобализация наблюдается потому, что имеет место движение социума к суператтрактору, причем это движение к единству происходит на основе не статистического, а динамического разнообразия». «Вперед к глобальному единству, но на основе не конечного, а потенциально бесконечного локального разнообразия!» [5, с. 35].

Подобная однозначность интеграции в мировой системе обеспечивается аналогичными процессами во всех общественных подсистемах. Это стало возможным посредством «четвертой информационной революции» (Интернет). В результате происходит «иерархизация диссипативных структур», которая приводит «к образованию надстроечных диссипативных структур более высокого порядка (“сетевизация”)» [5, с. 35].

Теория интеграции включает в интеграционный процесс отдельного индивида. При этом индивид рассматривается и как субъект: «...глобализация и сетевая революция ведут не только к большей связанности людей друг с другом, но и к повышению роли отдельного индивида в историческом процессе» [24, с. 73], и как объект глобализационного процесса: «глобализация — это не только то, что делают люди, это то, что происходит, делается с ними» [21].

Следующим аспектом рассмотрения данной теории можно считать выделение ею различных форм интеграционных процессов: гомогенную («чистую») и гетерогенную («смешанную») глобализацию. «Гомогенная глобализация предлагает интеграцию диссипативных структур в рамках одной социальной сферы», «гетерогенная связана с интеграцией структур, принадлежавших к разным сферам (например, экономических и политических ...)» [5, с. 36].

Также выделяют устойчивую (стабильную) и неустойчивую (нестабильную) глобализацию. Устойчивая глобализация имеет «мощный экономический фундамент в виде экономической глобализации, связанной с “четвертой” информационной революцией...» Неустойчивая такого фундамента не имеет [5, с. 36].

За рамками синергетической парадигмы Е.И. Яковлева также выделяет разные формы интеграционных процессов в обществе. Они совпадают со сферами и видами деятельности человеческого общества. Такими формами являются экологический кризис, экономическая проблема, развитие научного потенциала планеты, политическая глобализация, спортивно-экскурсионно-туристическая деятельность, система культурного общения стран и народов, проблемы космонавтики. Проявляются эти формы в виде глобальных проблем человечества [27, с. 29–46].

Интеграционные процессы имманентны человеческому обществу, совечны ему. Поэтому человечество в процессе интеграции достичь абсолютной интеграции не может, так как это означает окончание процесса и распад системы. Глобализация происходит лишь «методом последовательных приближений». Это приближение происходит посредством «чередования процессов иерархизации и деиерархизации диссипативных структур», что приводит к достижению «состояния неустойчивости» и к «деглобализации». После чего процесс достижения устойчивости повторяется, обеспечивая дальнейшее последовательное приближение [5, с. 37].

Подводя итог нашему анализу концепций глобализации, можно сделать следующие выводы. Существуют разные варианты реализации данной объективной тенденции. Иногда их рассматривают как «формы» проявления единой сущности глобализации. Но термин «варианты реализации» предполагает субъектность, что характерно для современного периода глобализации. «Форма» сама по себе вещь объективная.

Под вариантами реализации понимается то, как конкретный субъект через свою деятельность или умозрительно воплощает объективную тенденцию. Первый вариант — формирование мировой системы. Здесь мир представляется как система государств, связанных между собой «нитями» по типу сети. Эта взаимосвязанность объективна по отношению к гостям системы, через эти «нити» обеспечивается целостность мира. Данный вариант имеет реальную деятельностную основу, это один из реализующихся сценариев глобализации. Здесь глобализация нелинейное, многоуровневое явление. Уровни — национальный, локальный, глобальный. Связь осуществляется в разных областях деятельности, рождая все новые факторы глобализации.

Второй вариант также опирается на реальную деятельностную основу, более того, он отражает объективный исторический процесс — это глобализм. Он рассматривается как очередная стадия развития капитализма, как современный империализм, отличительной чертой которого является целенаправленная деятельность конкретных людей (мирового правительства) по установлению мирового господства США (в более широком варианте однополярного мира с гегемонией западной культуры). Близка к данному варианту концепция вестернизации. Это некое умозрительное обобщение объективно-исторических процессов XV–XX вв. по колонизации мира странами Европы. Современный процесс рассматривается как этап этой вестернизации — американизация.

Третий вариант — глобализация как интеграция. Это объективный исторический процесс сближения и взаимопроникновения человеческих коллективов, финалом которого может стать формирование некого нового глобального общества (цивилизации). Здесь глобализация — линейный

процесс, движение от разрозненного множества к единству в многообразии.

В результате анализа изученной литературы вырисовывается следующая картина глобализации.

Во-первых, выявлены следующие характеристики глобализации:

1) универсальный социальный процесс, соотнесенный с предыдущими стадиями развития человечества;

2) тенденция общепланитарного объединения стран, народов, культур;

3) рискогенный тип взаимодействия цивилизаций;

4) объективный интеграционный процесс;

5) информационное единство мира;

6) взаимосвязанность всех мировых процессов, явлений.

Во-вторых, в результате этого процесса глобализируются:

1) экономика, финансы, торговля;

2) права человека, гражданские права;

3) взаимопомощь и солидарность, преодоление различий;

4) глобальное разделение труда;

5) политическая интеграция;

6) социальные структуры, институты, идеалы, ценности;

7) распространение передовых технологий (модернизация);

8) сознание как фактор глобального выживания.

В-третьих, этот процесс происходит следующим образом:

1) ослабляются традиционные формы социальной организации, национального государства: экономически, политически, территориально, культурно, ценностно;

2) формируются мегаобщества, мегакультуры, мегаэтносы;

3) складываются единый мировой рынок, единое информационное пространство как основы слияния культур;

4) происходит уничтожение национальных государственных границ, национальных правительств;

5) создаются глобальные сверхобщества, управляемые мировым правительством;

6) постепенно вырабатывается понимание основных принципов жизнеустройства на Земле;

7) интеграционный процесс проходит на протяжении многих веков (или с XV в., или с момента образования человеческих сообществ в первобытности), каждый конкретный исторический период имеет свои особенности.

Концепт глобализации представляется так: это — объективный, универсальный, свойственный социальной природе человека процесс объединения людей в глобальную общность, где все сопутствующие этому процессу подпроцессы приобретают глобальный характер (глобальная экономика, глобальное управление и пр.).

На современном этапе глобализация как объективный процесс-тенденция реализуется в трех вариантах: формирование мировой системы (сети), глобализма и интеграции. Все эти варианты существуют параллельно и одновременно, представляя собой три реальных вектора выхода человечества из современного переходного процесса. Как любые векторы-направления, они абстрактны и конкретизируются многообразием переходного процесса как такового: действиями субъектов, случайностями, конкуренцией возникших форм и жизнеспособностью старых форм организации (наций, этносов, культур и пр.).

Список литературы

1. *Аксюмов Б.В.* К вопросу об объективности процессов глобализации // Материалы Междунар. науч. конгресса «Глобалистика – 2009: пути выхода из глобального кризиса и модели нового мироустройства», Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова. 20–23 мая 2009 г.: в 2 т. / под общ. ред. И.И. Абылгазиева, И.В. Ильина. М.: МАКС Пресс, 2009. Т. 1. С. 19–21.
2. *Бекарев А.М.* Свобода человека в социальном пространстве. 2-е изд. Н. Новгород: Изд-во Нижегорожского университета, 2000. 212 с.
3. *Бобылева Ю.Н.* Теоретические интерпретации глобалистики и ее значение для современного мира // Материалы Междунар. науч. конгресса «Глобалистика – 2009: пути выхода из глобального кризиса и модели нового мироустройства», Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова. 20–23 мая 2009 г.: в 2 т. / под общ. ред. И.И. Абылгазиева, И.В. Ильина. М.: МАКС Пресс, 2009. Т. 1. 600 с.
4. *Богдан И.В.* Глобальное сознание как категории глобалистики // Материалы Междунар. науч. конгресса «Глобалистика – 2009: пути выхода из глобального кризиса и модели нового мироустройства», Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова. 20–23 мая 2009 г.: в 2 т. / под общ. ред. И.И. Абылгазиева, И.В. Ильина. М.: МАКС Пресс, 2009. Т. 1. 600 с.
5. *Бранский В.П.*, Пожарский С.Д. Синергетическая теория глобализации // Социальная синергетика: безопасность и глобализация в парадигме современного научного знания и практики: сб. науч. трудов / под ред. В.П. Шалаева. Йошкар-Ола: МарГТУ, 2006. 296 с.
6. *Бузгалин А.* Основные «пласты» глобализации и

ее конфликтогенный потенциал // Международные процессы. 2003. Т. 1, № 2(2). URL: http://www.intertrends.ru/two/003.htm (дата обращения: 11.01.2015).
7. *Выходец Р.С.* Теоретические основы изучения глобализационных процессов // Материалы Междунар. науч. конгресса «Глобалистика – 2009: пути выхода из глобального кризиса и модели нового мироустройства», Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова. 20–23 мая 2009 г.: в 2 т. / под общ. ред. И.И. Абылгазиева, И.В. Ильина. М.: МАКС Пресс, 2009. Т. 1. 600 с.
8. *Гезалов А.А.*, Гамзаев А.А. Объективные и субъективные аспекты глобализации (социально-философский анализ) // Материалы Междунар. науч. конгресса «Глобалистика – 2009: пути выхода из глобального кризиса и модели нового мироустройства», Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова. 20–23 мая 2009 г.: в 2 т. / под общ. ред. И.И. Абылгазиева, И.В. Ильина. М.: МАКС Пресс, 2009. Т. 1. 600 с.
9. *Гидденс Э.* Девять тезисов о будущем социологии // Альманах THESIS. Теория и история экономических и социальных институтов и систем. 1993. Т.1, вып. 1. С. 57–82.
10. *Даллакян А.*К. Самоиндентификация культуры в эпоху глобализации: автореф. дис. … канд. филос. наук. Уфа, 2010 17 с.
11. *Доклад* о развитии человека 2004. Культурная свобода в современном многообразном мире. М.: Весь мир, 2004. 328 с.
12. *Дугин А.Г.* Тезисы о глобализме (глобализации) // Глобализация: сущность, проблемы, перспективы: материалы «круглого стола» / под общ. ред. В.А. Михайлова, В.С. Буянова. М.: Книга и бизнес, 2003. 320 с.
13. *Елизаров М.В.* Современное государство в эпоху глобализации: социально-философский анализ: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Уфа, 2010. 17 с.
14. *Зеленов Л.А.* Капитализм — империализм — глобализм // Ленинская теория империализма и современная глобализация. СПб.: ПАНИ, 2003. Кн. 2. С. 255–258.
15. *Зубкевич Л.А.* Переходные периоды как часть закономерного исторического процесса: дис. … канд. филос. наук. Н. Новгород, 2005. 183 с.
16. *Иноземцев В.Л.* Вестернизация как глобализация и «глобализация» как американизация // Вопросы философии. 2004. № 4. С. 58–69.
17. *Иваненков С.П.*, Кусжанова А.Ж. Некоторые проблемы современной глобалистики // Материалы Междунар. науч. конгресса «Глобалистика – 2009: пути выхода из глобального кризиса и модели нового мироустройства», Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова. 20–23 мая 2009 г.: в 2 т. / под общ. ред. И.И. Абылгазиева, И.В. Ильина. М.: МАКС Пресс, 2009. Т. 1. 600 с.
18. *Кессиди Ф.Х.* Глобализация и культурная идентичность // Вопросы философии. 2003. № 1. С. 76–79.
19. *Купин В.Н.* Геополитические императивы глобальной безопасности: социально-философский анализ: автореф. дис. … д. филос. наук. СПб.: РГПУ, 2004. 19 с.
20. *Ленин В.И.* Империализм, как высшая стадия капитализма / Полн. собр. соч. 5-е изд. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1968. Т. 27. С. 299–426.
21. *Момждян К.Х.* Несколько слов о глобализации // Личность. Культура. Общество. 2003. Т. V, № 3–4. С. 55–61.
22. *Панарин А.С.* Глобальные деструкции как новейшая стадия развития нигилизма // Полигнозис. 2003. № 3(23). URL: http://www.polygnozis.ru/default.asp?num=5&num1=23 (дата обращения: 11.01.2015).
23. *Панарин А.С.* «Имперская республика» на пути к мировому господству // Общественные науки и современность. 1999. № 4. С. 147–157.
24. *Пригожин И.* Творящая натура // Эксперт. 2000. № 48(260). С. 72–73. URL: http://expert.ru/expert/2000/48/48ex-pigozh_21916/ (время обращения: 11.01.2015).
25. *Стеклова Н.А.* Коммуникационные конфликты в обществе риска: социально-философский анализ: автореф. дис. … канд. филос. наук. Саратов, 2012. 19 с.
26. *Табаков В.И.* От ультеримериализма к строительству социализма // Ленинская теория империализма и современная глобализация. СПб.: ПАНИ, 2003. Кн. 2. 756 с.
27. *Яковлева Е.И.* Социально-аксиологический анализ глобализации. Н. Новгород: Интелсервис, 2005. 116 с.

Получено 14.01.2015

References

1. Aksyumov B.V. [Considering objectiveness of globalization processes]. *Materialy mezhdunar. nauch. kongressa «Globalistika – 2009: puti vyhoda iz global'nogo krizisa i modeli novogo miroustrojstva». Moskva, MGU im. M.V. Lomonosova: 20–23 maya 2009: v 2 t.* [Proceedings of international scientific congress «Global studies – 2009: ways of quit from global crisis and models of a new world order». Moscow, Lomonosov Moscow State University: May 20–23, 2009: in 2 vol.]. Moscow, MAKS Press Publ., 2009, vol. 1, pp. 19–21. (In Russian).
2. Bekarev A.M. *Svoboda cheloveka v sotsial'nom prostranstve. 2 izd.* [Freedom of a man in social space: 2nd ed.]. Nizhniy Novgorod, Nizhniy Novgorod University Publ., 2000, 212 p. (In Russian).

3. Bobyleva Yu.N. [Theoretical interpretations of global studies and its value for modern world]. *Materialy mezhdunar. nauch. kongressa «Globalistika – 2009: puti vyhoda iz global'nogo krizisa i modeli novogo miroustrojstva». Moskva, MGU im. M.V. Lomonosova: 20–23 maya 2009: v 2 t.* [Proceedings of international scientific congress «Global studies – 2009: ways of quit from global crisis and models of a new world order». Moscow, Lomonosov Moscow State University: May 20–23, 2009: in 2 vol.]. Moscow, MAKS Press Publ., 2009, vol. 1, 600 p. (In Russian).
4. Bogdan I.V. [Global consciousness as global studies categorial concepts]. *Materialy mezhdunar. nauch. kongressa «Globalistika – 2009: puti vyhoda iz global'nogo krizisa i modeli novogo miroustrojstva». Moskva, MGU im. M.V. Lomonosova: 20–23 maya 2009: v 2 t.* [Proceedings of international scientific congress «Global studies – 2009: ways of quit from global crisis and models of a new world order». Moscow, Lomonosov Moscow State University: May 20–23, 2009: in 2 vol.]. Moscow, MAKS Press Publ., 2009, vol. 1, 600 p. (In Russian).
5. Branskij V.P., Pozharskij S.D. [Synergetic theory of globalization]. *Sotsial'naya sinergetika: bezopasnost' i globalizatsiya v paradigme sovremennogo nauchnogo znaniya i paktiki: sb. nauch. trudov* [Social synergetics: safety and globalization in paradigm of modern scientific knowledge and practice: collection of scientific papers]. Yoshkar-Ola, Mari El State Technical University Publ, 2006, 296 p. (In Russian).
6. Buzgalin A. [Main layers of globalization and its conflictogenic potential]. *Mezhdunarodnye protsessy* [International processes]. 2003, vol. 1, no 2(2). Available at: http://www.intertrends.ru/two/003.htm (Accessed 11.01.2015). (In Russian).
7. Vyhodets R.S. [Theoretical foundations of global processes studying]. *Materialy mezhdunar. nauch. kongressa «Globalistika – 2009: puti vyhoda iz global'nogo krizisa i modeli novogo miroustrojstva». Moskva, MGU im. M.V. Lomonosova: 20–23 maya 2009: v 2 t.* [Proceedings of international scientific congress «Global studies – 2009: ways of quit from global crisis and models of a new world order». Moscow, Lomonosov Moscow State University: May 20–23, 2009: in 2 vol.]. Moscow, MAKS Press Publ., 2009, vol. 1, 600 p. (In Russian).
8. Gazelov A.A., Gamzaev A.A. [Objective and subjective aspects of globalization (social and philosophic analysis]. *Materialy mezhdunar. nauch. kongressa «Globalistika – 2009: puti vyhoda iz global'nogo krizisa i modeli novogo miroustrojstva». Moskva, MGU im. M.V. Lomonosova: 20–23 maya 2009: v 2 t.* [Proceedings of international scientific congress «Global studies – 2009: ways of quit from global crisis and models of a new world order». Moscow, Lomonosov Moscow State University: May 20–23, 2009: in 2 vol.]. Moscow, MAKS Press Publ., 2009, vol. 1, 600 p. (In Russian).
9. Giddens A. [Nine theses about the future of sociology]. *Al'manah THESIS. Teoriya i istoriya ekonomicheskih i sotsial'nyh institutov i sistem. Zima 1993* [Almanac THESIS. Theory and history of economic and social institutions and systems]. 1993, vol. 1, no 1, pp. 57–82. (In Russian).
10. Dallakyan A.K. *Samoidentifikatsiya kul'tury v epohu globalizatsii: avtoref. dis. … kand. philos. nauk* [Culture's self-definition in the epoch of globalization: author's abstract for procuring of degree of candidate of philosophic sciences]. Ufa, 2010, 17 p. (In Russian).
11. *Doklad o razvitii cheloveka 2004. Kul'turnaya svoboda v sovremennom mnogoobraznom mire* [Report on development of a man 2004. Culture freedom in modern varied world]. Moscow, Ves' mir Publ., 2004, 328 p. (In Russian).
12. Dugin A.G. [Theses about globalism (globalization)]. *Globalizatsiya: suschnost', problemy, perspektivy: materialy «kruglogo stola»* [Globalization: essence, problems, prospects: proceedings of the round-table conference]. Moscow, Kniga i biznes Publ., 2003, 320 p. (In Russian).
13. Elizarov M.V. *Sovremennoe gosudarstvo v epohu globalizatsii: sotsial'no-filosofskij analiz:* avtoref. dis. … kand. philos. nauk [Modern state in the epoch of globalization: social and philosophic analysis: Author's abstract for procuring of degree of candidate of philosophic sciences]. Ufa, 2010, 17 p. (In Russian).
14. Zelenov L.A. [Capitalis — imperialism — globalism]. *Leninskaya teoriya iperialisma i sovreennaya globalizatsiya. Kn. 1* [Lenin theory of imperialism and modern globalization. Book 1]. Saint Petersburg, PANI, 2003, pp. 255–258. (In Russian).
15. Zubkevich L.A. *Perehodnye periody kak chast' zakonomernogo istoricheskogo protsessa:* dis. … kand. philos. nauk [Transition periods as a part of naturally determined historical process: Dissertation for procuring of degree of candidate of philosophic sciences]. Nizhniy Novgorod, 2005, 183 p. (In Russian).
16. Inozemtsev V.L. [Westernization as globalization and «globalization» as Americanization]. *Voprosy filosofii* [Issues on philosophy]. 2004, no 4, pp. 58–69. (In Russian).
17. Ivanenkov S.P., Kuszhanova A.Zh. [Some problems of modern global studies]. *Materialy mezhdunar. nauch. kongressa «Globalistika – 2009: puti vyhoda iz global'nogo krizisa i modeli novogo miroustrojstva». Moskva, MGU im. M.V. Lomonosova: 20–23 maya 2009: v 2 t.* [Proceedings of international scientific congress «Global studies – 2009: ways of quit from global crisis and models of a new world order». Moscow, Lomonosov Moscow State University:

May 20–23, 2009: in 2 vol.]. Moscow, MAKS Press Publ., 2009, vol. 1, 600 p. (In Russian).
18. Cassidy F.H. [Globalization and culture identity]. *Voprosy filosofii* [Issues on philosophy]. 2003, no 1, pp. 76–79. (In Russian).
19. Kupin V.N. *Geopoliticheskie imperativy global'noj bezopasnosti: sotsial'no-filosofskij analiz:* avtoref. dis. … d. philos. nauk [Geopolitic imperatives of global security: social and philosophic analysis: author's abstract for procuring of degree of doctor of philosophic sciences]. Saint Petersburg, RGPU Publ, 2004, 19 p. (In Russian).
20. Lenin V.I. [Imperialism as the supreme stage of capitalism]. *Polnoe sobranie sochinenij. 5 izd.* [Complete set of works. 5th edition]. Moscow, Izdatel'stvo politicheskoj literatury Publ., 1968, vol. 27, pp. 299–426. (In Russian).
21. Momzhdyan K.H. [Several words about globalization]. *Lichnost'. Kul'tura. Obschestvo* [Personality. Culture. Society]. 2003, vol. 5, no 3–4, pp. 55–61. (In Russian).
22. Panarin A.S. [Global destructions as a new study of nihilism development]. *Polignozis* [Polignozis]. 2003, no 3(23). Available at: http://www.polygnozis.ru/default.asp?num=5&num1=23 (Accessed 11.01.2015). (In Russian).
23. Panarin A.S. [«Imperial republic» on the way to world domination]. Obschestvennye nauki i sovremennost' [Social sciencies and modenity]. 1999, no 4, pp. 147–157. (In Russian).
24. Prigozhin I. [Creating sort]. *Ekspert* [Expert]. 2000, no 48 (260), pp. 72–73. Available at: http://expert.ru/expert/2000/48/48ex-pigozh_21916/ (Accessed 11.01.2015). (In Russian).
25. Steklova N.A. *Kommunikatsionnye konflikty v obschestve riska: sotsial'no-filosofskij analiz: avtoref. dis. … kand. philos. nauk* [Communication conflicts in risk society: social and philosophic analysis: author's abstract for procuring of degree of candidate of philosophic sciences]. Saratov, 2012, 19 p. (In Russian).
26. Tabakov V.I. [Fro ultraimperialism to building of socialism]. *Leninskaya teoriya iperialisma i sovreennaya globalizatsiya. Kn. 2* [Lenin theory of imperialism and modern globalization. Book 2]. Saint Petersburg, PANI, 2003, 756 p. (In Russian).
27. Yakovleva E.I. *Sotsial'no-aksiologicheskij analiz globalizatsii* [Social and psychological analysis of globalization]. Nizhniy Novgorod, Intelservis Publ., 2005, 116 p. (In Russian).

The date of the manuscript receipt 14.01.2015

GLOBALIZATION AS A WAY OF TRANSITION TO A NEW QUALITY OF SOCIAL DEVELOPMENT

Lada A. Zubkevich

Lobachevsky State University of Nizhniy Novgorod; 23, Gagarin av., Nizhniy Novgorod, 603950, Russia

The main characteristics of globalization and possible ways of its realization are explored in the article on the basis of the analysis of the philosophical literature. The author uses the comparative method to identify some similarities in the understanding of globalization processes in different conceptions, because the detection of these similarities indicates the objective existence of the relevant phenomena. Globalization is inherent feature of contemporary transitional period in social development. The author analyzes definitions of the globalization, explores the objects of globalization and the concrete features of globalization's process in nowadays, some possibilities (vectors) of the globalization's processes in the future.

Key words: globalization; integration; globalism; imperialism; Americanization; westernization.

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:
Зубкевич Л.А. Глобализация как способ перехода к новому качеству в общественном развитии // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2015. Вып. 1(21). С. 5–15.

Please cite this article in English as:
Zubkevich L.A. Globalization as a way of transition to a new quality of social development // Perm University Bulletin. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2015. Iss. 1(21). P. 5–15.

УДК 1.316:341.1

ДЕВАЛЬВАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА. СТАТЬЯ ВТОРАЯ: ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ, ФОРМАЦИОННЫЕ И ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ КРИЗИСА МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Мусаелян Лева Асканазович,
доктор философских наук, доцент,
профессор кафедры философии
Пермский государственный национальный исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: lmusaelyan@yandex.ru

В статье продолжен анализ кризиса международного права, который, по мнению автора, является важным аспектом кризиса современной цивилизации. В предыдущей статье рассматривались доктринальные факторы кризиса, в данной — цивилизационные, формационные и геополитические. Они играют определяющую роль в разрушении международного права. Согласно автору, особенности становления и развития капитализма в США, а также статус этого государства в современном мире способствовали формированию политического и правового мышления американцев, отличного от народов континентальной Европы. В условиях биполярного мира склонность политической элиты США решать сложные проблемы простыми силовыми методами сдерживалась Советским Союзом. Развал СССР имел негативные последствия для международного права. Правовой нигилизм, практика двойных стандартов стали обычным явлением в условиях монополярного мира.

Неравномерность исторического процесса способствует смещению центра мир-истории с Нового Света в Азию. Этот процесс породил геополитический кризис. США, невзирая на международные институты и международное право, пытаются всеми доступными средствами блокировать центробежные тенденции и вернуть человечество к монополярному миру. Подобная активность ведет к разрушению цивилизации права и возврату человечества к пещерному праву силы.

Ключевые слова: кризис международного права; общепризнанные принципы международного права; государственный суверенитет; правовой нигилизм; девальвация международного права; мировая инерция; цветные революции; геополитический кризис; право силы.

Рассмотренные в предыдущей статье [15] доктринальные факторы девальвации международного права сами по себе не вызывают в обязательном порядке правовой нигилизм, двойные стандарты и другие феномены антиправовой культуры, но формируются условия, при которых происходит сознательное или неосознанное нарушение норм международного права. Поэтому эти факторы можно условно отнести к кондициональным. Для минимизации их негативного влияния на международные отношения необходимо совершенствовать международное право. Международное право, как и любое национальное право, тесно связано с изменяющейся социальной реальностью и предполагает постоянное развитие [12]. В этой связи предложение В. Зорькина о необходимости созыва Всемирного совещания по международному праву, на котором ученые-юристы разработали и приняли бы новые нормы для конкретной реализации общепризнанных принципов международного права; преодоление его пробельности и других изъянов, является, безусловно, своевременной и конструктивной задачей [7]. Совершенствование и развитие международного права есть непременное условие существования цивилизации права.

Помимо доктринальных необходимо выделить еще цивилизационные и геополитические факторы кризиса международного права. Они являются наиболее опасными вызовами существованию современной цивилизации права. Поэтому есть все основания относить их к каузальным факторам

© Мусаелян Л.А., 2015

кризиса международного права. Угроза разрушения цивилизации права является, на наш взгляд, новой глобальной проблемой и для ее устранения требуются коллективные усилия всего человечества.

Анализ каузальных факторов кризиса международного права начнем с их цивилизационной компоненты. Правовые системы различных народов и эпох, отмечал Энгельс, представляют собой отражение соответствующих экономических отношений [23, с. 274]. В этой связи американская правовая система и правовое мышление заметно отличаются от права и правового сознания стран континентальной Европы, несмотря на их общие теоретические истоки [16]. Это различие обусловлено особенностями развития капитализма в США. Свой первый шаг за пределы континентальной Европы буржуазная цивилизация сделала на Британские острова. Переход через Ла-Манш сопровождался заметным уменьшением ее культурно-гуманистического потенциала. Капитал приобретает более высокую эффективность там, где отсутствуют всякие сдерживающие факторы его эффективной деятельности. Капитализм здесь получает второе дыхание, а сама Великобритания превращается в XIX в. в ведущую державу мира. Но этот экономический и политический прогресс в немалой степени был достигнут за счет нравственного и гуманистического регресса. Чем выше прибыль, тем меньше влияние морали и права на деятельность капитала. Об этом свидетельствует известный английский публицист XIX в. Т.Дж. Даннинг. «Капитал, — писал Даннинг, — боится отсутствия прибыли или слишком маленькой прибыли, как природа боится пустоты. Но раз имеется в наличии достаточная прибыль, капитал становится смелым. Обеспечьте 10 процентов, и капитал согласен на всякое применение, при 20 процентах он становится оживленным, при 50 процентах положительно готов сломать себе голову, при 100 процентах он попирает все человеческие законы, при 300 процентах нет такого преступления, на которое он не рискнул бы, хотя бы под страхом виселицы. Если шум и брань приносят прибыль, капитал станет способствовать тому и другому» [24, с. 770]. К сказанному следует добавить, что именно Англии принадлежит «ноу-хау» в создании и использовании на оккупированных территориях концентрационных лагерей.

Свой второй шаг буржуазная цивилизация сделала в Америку на территорию, где напрочь отсутствовали культурные традиции Европы, сдерживающие гиперактивность капитала. Для совершения этого прыжка капитализм еще раз «сбросил вес», оставив на материке «левые» теории, принципы, традиции, заточенные на идею справедливости и сыгравшие немалую роль в формировании европейской политико-правовой системы. О том, что в Америку буржуазная цивилизация ворвалась «налегке», без весомого гуманистического потенциала, свидетельствует судьба коренного населения этого континента, а также то, что потомки американских переселенцев первыми в мире применили атомное оружие. «В Северную Америку пришла не Европа со своей культурой, — пишет В. Пернацкий, — а Великобритания, принесшая к тому же только ту часть своей и европейской культуры, которая была востребована открывающимся Новым Светом. Этой частью был в первую очередь рационализм, оторванный от европейского гуманизма. Позже этот рационализм, пересаженный на американскую почву, мутирует в прагматизм — философский эквивалент американского менталитета» [19, с. 126].

Капитализм, освобожденный от «гуманистических пут», развивался в Америке, по свидетельству Маркса, исполинскими шагами [13, с. 783]. Порождением этого капитализма и его интеллектуальным выражением стала философия прагматизма (Ч. Пирс, У. Джемс, Дж. Дьюи), которая, на наш взгляд, является теоретической основой американской политико-правовой системы. Прагматизм не рассматривает содержание знаний в их отношении к объективной реальности. Характер знаний представители этой философии определяют по их значению для субъекта. Знания истинны, если они полезны для решения данной проблемы в конкретной жизненной ситуации [4, с. 19]. Стало быть, если истина — это то, что полезно, то неполезное не есть истина. Отождествление истины с успехом, пользой, выгодой не может не сказаться на понимании права, законности, справедливости [9, 22]. Согласно распространенным в Америке теориям юридического реализма (М. Каплан, К. Ллевелин, Дж. Фрэнк) и политически объективированному подходу (М. Макдугал и др.) право не есть система абстрактных общеобязательных норм, а процесс принятия судебных и властных решений, принимаемых в конкретных ситуациях [8, 15]. При принятии решений определяющее значение имеет социальный контекст проблемы, а в международном праве — экономические и политические интересы США, а не общепризнанные правовые нормы. Анализируя основополагающие принципы внешнеполитического курса Америки,

Дж. Сорос пишет: «…Международные отношения строятся на основе силы, а не закона: сила доминирует, а закон признает то, что доминирует … Международное законодательство придает легитимность достигнутому с помощью силы» [22, с. 18, 66]. Отождествление истины с пользой, выгодой фактически означает элиминацию института объективной истины из права. И это далеко не случайность. В общественной жизни Америки и ее международной политике кроется глубокий конфликт между интересами ее политической элиты и объективной истиной. «…Расхождение между представлениями и реальным состоянием дел ненормально углубилось, — признает один из ярких представителей американской элиты Дж. Сорос. — Такое может произойти в результате самоуглубляющегося процесса, который набирает силу годами» [22, с. 172]. Это противоречие, о котором мировая общественность узнает post factum после организации очередной цветной революции или военного вторжения в ту или иную страну с целью свержения законной власти, свидетельствует о том, что в иерархии социальных ценностей США объективная истина если и присутствует, то имеет очень низкий статус. Это признает известный американский публицист Патрик Смит. Анализируя подход США к событиям на Украине, Смит характеризует его как «иррациональность, облачившаяся в одежды высококлассной рациональности. А иррациональные умы, — заключает публицист, — не обладают способностью выносить суждения» [21]. Неспособность адекватного отражения социальной реальности определяет неспособность адекватной правовой квалификации происходящих событий.

В странах континентальной Европы, где придерживаются романо-германской семьи правовых систем, отношение к истинным знаниям, к истине юридического факта, насколько нам известно, другое. В немалой степени это вызвано тем, что здесь философия прагматизма не имеет такого влияния, как в Англии и США. Однако в оценке международных событий и их правовой квалификации и в странах континентальной Европы произошли изменения. Это вызвано не столько сближением англосаксонской и романо-германской правовых систем, сколько глобализацией, принявшей форму американизации.

Значительным фактором аберрации политического и правового мышления американской элиты является ее предельная идеологизированность. В основе этой идеологии лежат две идеи — мирового лидерства США и рыночного фундаментализма. После крушения СССР и возникновения однополярного мира эта идеология «социального дарвинизма» (Дж. Сорос) усилиями неоконсерваторов превратилась в новую религию американского истеблишмента. Согласно ей международные отношения — это борьба за существование государств, в которой выживает сильнейший. Лидерство Америки в экономике, финансах и других сферах общественной истории может обеспечиваться ее бесспорным военным превосходством над всеми другими странами. Иначе говоря, мощь «Магдональд–Дуглас» — определяющий фактор экономической экспансии «МакДоналдс» в мире. Смысл указанной идеологии «социального дарвинизма» раскрывает Дж. Сорос: «Раз мы сильнее других, то, значит, умнее их, а право всегда на нашей стороне» [22, с. 25]. Поэтому США, пользуясь правом сильного, обязаны блокировать любые потенциальные угрозы своему лидерству и военному превосходству. Отсюда их особое отношение к международному праву и международным отношениям. США присваивают себе право нанесения превентивных ударов по странам, чья политика с их точки зрения таит угрозу американским национальным интересам, что квалифицируется как угроза международному миру и стабильности.

Очевидно, что нанесение упреждающих ударов, практикуемое США, противоречит общепризнанным принципам: неприменения силы, суверенитета, невмешательства и другим нормам международного права. Разъясняя американскую позицию относительно указанного противоречия, Сорос отмечает, что для США существуют две разновидности суверенитета: один их собственный, имеющий приоритет перед международными договорами и обязательствами, другой — для всех остальных стран, которым, добавим мы, можно в случае необходимости пренебречь [22]. Финансист критикует администрацию Дж. Буша-младшего за подобное отношение к международному праву и чрезмерное применение военной силы при решении международных проблем. Однако считать, что правовой нигилизм, двойные стандарты, злоупотребление своим военным превосходством есть исключительно стиль политики 43-го президента США, на наш взгляд, явная передержка. Послужной список 44-го президента-демократа по части нарушений общепризнанных принципов и норм международного права ничуть не меньше его предшественника-республиканца. Это и применение силы, угроза ее применения, демонстративное вмешательство во внутренние

дела государств, организация государственных переворотов и введение различных санкций против стран, рискнувших проводить самостоятельную внешнюю политику. Парадоксальность ситуации заключается в том, что за нынешним резким обострением международных отношений и фактическим возобновлением холодной войны, чреватой перерастанием в горячую, стоит президент США — лауреат Нобелевской премии мира. Вот уж действительно оруэлловская реальность: мир — это война, правда — это ложь. Заметим, что первый чернокожий президент США, считавшийся до своего избрания юристом-интеллектуалом, нарушил и внутреннее законодательство, предоставив финансовую и техническую помощь новым властям Украины. Однако инициации процедуры импичмента президента со стороны республиканцев не последовала. Это и понятно: в выборе между истиной и пользой, правом и политической целесообразностью у американской элиты существует консенсус. Конечно, нельзя отрицать наличие персональных особенностей в стиле управления американских президентов или различия между республиканцами и демократами во внутренней политике, но во внешней политике, в их отношении к международному праву и международным соглашениям больше сходств, нежели различий. Поэтому Дж. Сорос, критикуя стиль правления Дж. Буша-младшего, фактически изобличает изъяны американской внешней политики, рельефно проявившиеся в эпоху монополярного мира.

Многолетнее американское превосходство над другими странами и возникновение монополярного мира способствовали укоренению в общественном сознании американцев негативного отношения к международным институтам и соглашениям, ибо они мешают США использовать свою силу — определяющий инструмент внешней политики. «Администрация Буша, — отмечает Дж. Сорос, — признает лишь одну форму сотрудничества, при которой США принимают решения, а остальные подчиняются им» [22, с. 86]. Заметим, что такой подход был характерен отнюдь не только для Буша-младшего, но и для Б. Клинтона, Дж. Буша-старшего. Наблюдая за тем, с какой поспешностью страны ЕС выполняют директивы, поступающие из Вашингтона, и принимают экономические санкции против России в ущерб собственным интересам, создается впечатление, что это не суверенные государства, а протекторат США. Между тем любые санкции, если они принимаются в обход СБ ООН, противоправны. Если даже в этих санкциях вынужденно принимают участие более двух десятков стран, они не теряют свой антиправовой характер. Данное обстоятельство означает лишь то, что правовой нигилизм благодаря усилиям США превращается в международное явление. В результате почти три наиболее развитых континента земного шара выпадают из правового пространства, что и дает основание В. Зорькину писать о разрушении «цивилизации права». Глобализация в ее американской форме проявления имеет, таким образом, еще один недостаточно исследованный аспект: превращение правового нигилизма и практики двойных стандартов в глобальное мировое явление. Цивилизация, основывающаяся на силе права, постепенно опускается до варварства, опирающееся на пещерное право силы. Чрезмерная податливость канцлера Германии диктату президента США может, конечно, удивить, если не учитывать, что в этой стране размещено более 300 военных баз США. А с военными базами приходит политическое и экономическое влияние, отмечает американский публицист Чалмерс Джонсон [6]. Еще в начале «нулевых» годов США имели более 730 баз в 130 странах в стратегически важных точках земного шара с числом военнослужащих более 250 тыс. чел. [6]. Глобальное военное присутствие является основой политической, экономической, финансовой, культурной гегемонии Америки в мире. Глобализация, как представляется, есть современная форма тоталитаризма, которая еще слабо изучена. Глобализированный по образу и подобию США мир несет в себе все основные признаки тоталитарного общества. Это претензия на монополию одного политического, экономического, финансового, технологического центра, одной идеологии (основанной на идее превосходства военной силы и рыночного фундаментализма), превращенной в религию, предельная милитаризация страны, преследование и уничтожение политических оппонентов («плохих парней»), тотальный контроль населения. В прошлом ни одно государство не имело такой возможности контролировать подданных, какую сегодня имеют США. К тому же если раньше тоталитарные государства осуществляли контроль собственных подданных, то США не удовлетворяются этим, они контролируют миллиарды людей по всему миру, тем самым грубо и демонстративно нарушая права человека во всем мире. Разумеется, чтобы преследовать и уничтожать политических оппонентов («плохих парней»), право является помехой. Тоталитарная власть не нуждается в праве, а если и

опирается в редких случаях на право, то исключительно в своих интересах — как на инструмент устрашения и устранения своих политических оппонентов (пример тому Гаагский трибунал). Как стало известно, в последнее время среди тех, кого спецслужбы США прослушивают и контролируют, — руководители государств-союзников США по НАТО, поддерживающих Америку в ее силовых операциях и организуемых ею экономических санкциях. Как представляется, сам факт подобной прослушки не является случайностью. Он вполне укладывается в национальные традиции США, а именно в их отношения к другим государствам и подписанным с ними соглашениям. Для пояснения своей мысли обратимся снова к Дж. Соросу. «В международных отношениях участвуют суверенные государства, действующие исходя из собственных интересов. Можно ли доверять им свою безопасность? — вопрошает он. — Ни одно международное соглашение не является абсолютно надежным. Всегда есть вероятность того, что один из участников не выполнит его положения… Опасность обмана усугубляется тем, что другие участники менее демократичны и не так открыты как мы. Перед лицом подобной опасности мы также вынуждены идти на обман» [22, с. 164]. Итак, поскольку бастиону свободы и демократии приходится иметь дело с ущербными, варварскими народами и странами, которым нельзя доверять по определению, США имеют право на обман, на отказ от подписанных соглашений, тем более что эти соглашения ограничивают их свободу действий. Поскольку США в глазах самих американцев и многих их союзников являются образцом демократии, достойным подражания, то такое поведение тиражируется в политике многих других государств, порождая новый феномен «недоговороспособности», о котором в последнее время не раз говорил министр иностранных дел России С. Лавров. В качестве примера можно привести судьбу подписанного 21 февраля 2014 г. в Киеве соглашения о путях мирного разрешения политического кризиса на Украине. Если тогдашний президент страны выполнил требования оппозиции и вывел силовые структуры из столицы, то оппозиция, управляемая США и поддерживаемая Западом, грубо нарушила взятые на себя обязательства и, воспользовавшись ситуацией, перешла к силовому захвату власти. Министры иностранных дел «веймарской тройки», подписавшие этот документ со стороны Евросоюза как гаранты выполнения оппозицией взятых на себя обязательств (создание правительства народного доверия, разоружение боевиков, реформа конституции и т.д.), фактически поддержали действия путчистов по свержению законно избранного президента. Такая же участь постигла и Женевские договоренности. Активное подключение стран Евросоюза к санкциям против России свидетельствует не только о несамостоятельности этих стран, но и о безответственности, ненадежности их как партнеров, нарушивших подписанные соглашения о научно-техническом, экономическом, торговом сотрудничестве со своим восточным соседом. Феномен «недоговороспособности», демонстрируемый многими западными странами, можно характеризовать как нарушение одной из базовых норм международного права — принципа добросовестного выполнения международных обязательств — pacta sunt servanda («договоры должны соблюдаться»). Это один из основных общепризнанных принципов международного права, без соблюдения которого невозможны предсказуемые цивилизованные отношения между народами. Он зафиксирован в уставе ООН, Венской конвенции о праве международных договоров и ряде других документов, являющихся источниками международного права. «Каждый действующий договор, — указывается в ст. 26 Венской конвенции о праве международных договоров (1969 г.), — обязателен для его участников и должен ими добровольно выполняться» [5].

«Недоговороспособность» есть характеристика субъектов права, перманентно нарушающих указанное требование. Поэтому «недоговороспособность» есть разновидность правового нигилизма, причем не менее опасного, чем иные открытые его формы. Договорная реальность есть важная форма бытия права, где абстрактные правовые нормы наполняются конкретным содержанием, придавая определенность, устойчивость, предсказуемость международным отношениям [11]. Правовой нигилизм в этой сфере сдерживает развитие социума и международного права, усиливает подозрительность, конфликтогенность, напряженность в мире, ведет к деградации современной цивилизации права. Возникает вопрос, почему Европа — колыбель правовой цивилизации — оказывает содействие США в разрушении цивилизации права. Ответ на этот вопрос кроется в особенностях военно-политической архитектоники мира и Европы, являющейся результатом глобальной стратегии США по установлению своей гегемонии в Европе и в мире. Эта стратегия активно проводилась в жизнь сразу после Второй мировой войны и осо-

бенно усилилась после распада Советского Союза. Как создавалась существующая архитектоника мира, описывает один из мэтров американской политики З. Бжезинский: «Поскольку подражание американскому пути развития постепенно пронизывает весь мир, это создает более благоприятные условия косвенной и на вид консенсуальной американской гегемонии. Как и в случае с внутренней американской системой, эта гегемония влечет за собой комплексную структуру взаимосвязанных институтов и процедур, предназначенных для выработки консенсуса и незаметной асимметрии власти и влияния. Американское глобальное превосходство, таким образом, подкрепляется сложной системой союзов и коалиций, которые буквально окутывают весь мир» [2, с. 39–40]. Институт, через который США осуществляет свою гегемонию в Европе (и уже не только в Европе), это военно-политический союз НАТО. Не находя должного понимания в ООН, США не раз предпринимали попытки (особенно во времена Дж. Буша-младшего) подменить эту международную организацию Североатлантическим союзом, сфера действия которого после развала Варшавского договора и СССР вышла далеко за границы, установленные уставом этой организации. Идея превосходства силы над правом является определяющим принципом внешней политики созданного США военно-политического союза. НАТО для Запада и, особенно, США — инструмент силовой политики. События в Югославии, Ираке, Ливии, Сирии, а сегодня и в Украине свидетельствуют о том, что этот реликт «холодной войны» является значимым фактором разрушения цивилизации права.

Несмотря на то что западноевропейская властная политическая элита в своей основной массе вынуждена подчиняться гегемонии США, тем не менее политико-правовой менталитет европейцев и американцев существенно отличаются друг от друга. Как замечает один из известных американских неоконсерваторов Роберт Каган, европейцы предпочитают сотрудничество, а американцы — силовые операции. «Американцы представляют Марс, а европейцы — Венеру» [25, с. 85]. Несмотря на то что северная Америка и Европа относятся к одной западной цивилизации, указанные различия можно условно отнести к межцивилизационным особенностям Европы и Америки. Как было уже показано, развитие капитализма в Новом Свете имело свою специфику, что и определило особенности мировоззрения и правового мышления американцев.

Немалое значение в формировании особенностей политико-правовой ментальности любой страны имеет уровень исторической фундаментальности ее культуры. По сравнению с Китаем, Индией или Италией, США не имеют продолжительной истории. Это, как отмечает известный исследователь американской истории Макс Лернер, накладывает отпечаток на национальный характер американцев. «…В отличие от народов Европы и Азии, где каждый камень дышит историей, американцы — это вообще народ без прошлого. Жить без истории — значит первым делом обходиться без традиций и преданий, без сложных мотивировок и тонких нюансов духа» [10]. Отсюда и проявляющаяся во внешней политике США демонстративная агрессивность, правовой нигилизм и цинизм, селективное отношение к международному праву и обычаю. Принято считать, что мораль редко присутствует в политике. США чаще других государств дают основания для подобного вывода.

Кризис международного права способствует нарастанию кризиса цивилизации. Однако существует и обратная связь. Кризис цивилизации в свою очередь вызывает рост правового нигилизма и распространение практики двойных стандартов. Особенность кризиса современной цивилизации заключается в том, что он является наложением глобального геополитического кризиса на кризис формационный. От разрешения этого кризиса, конечно, зависит будущее человечества, но в еще большей степени судьба Америки, ибо оба эти кризиса центрированы на ней — мировой империи и наиболее развитой стране капитализма.

Как уже отмечалось, капитализм, совершив прыжок из Европы в Америку, получил в своем развитии второе дыхание. В результате США в начале XX в. вошли в число великих держав, а к концу столетия превратились в мирового лидера и центр глобализации. В конце нулевых годов стало очевидно, глобализация капитализма в ее американской форме наткнулась на географические границы. Внешние источники развития капитализма оказались практически исчерпаны. Это означает, что сработал закон Монтескье, согласно которому имперские экспансии имеют свои географические пределы, достигнув которые ядро империи начинает слабеть [14]. Ослабление ядра мир-капитализма стало происходить потому, что были исчерпаны также и внутренние ресурсы развития, основанные на искусственном стимулировании спроса (потребления). Политика рыночного фундаментализма, которую США как новую

религию усиленно навязывали по всему миру, обернулась для ядра мир-капитализма критическим государственным долгом, растущим дефицитом торгового баланса с экономическим и политическим конкурентом, ставшим крупнейшим кредитором, ростом социального неравенства и безработицы. Отсюда и критика этой политики даже со стороны такого адепта американского гегемонизма, как Дж. Сорос. Согласно экспертным оценкам грубое вмешательство США во внутренние дела Украины, организация там государственного переворота и создание в центре Европы очага кризиса было продиктовано стремлением экономической и политической элиты Америки вывести свою страну из кризиса, привязав рынки европейских стран к своей экономике [20]. Это — план Маршалла наоборот, поскольку европейские страны и Украина в ущерб себе вынуждены вытаскивать из кризиса американскую экономику.

Анализируя проявление глобального кризиса в Америке, З. Бжезинский выделяет шесть поводов для беспокойства относительно сохранения лидирующей роли США в мире. Во-первых, это растущий из года в год государственный долг, грозящий стать непосильным для экономики. Во-вторых, это устаревшая финансовая система, которая может привести к финансовому краху, подобного тем, какие погубили великие державы прошлого (Древний Рим, Великобритания XIX в.). В-третьих, усиление социального неравенства. США, согласно автору, являются самой несправедливой из крупных развитых стран. В-четвертых, упадок национальной инфраструктуры. В-пятых, очень слабые знания американцев об остальном мире. Не только американские обыватели, но и лица, принимающие серьезные решения, плохо знают географию, мировую историю, слабо разбираются в актуальных мировых событиях. Налицо кризис американской системы образования. В-шестых, буксующая политическая система, ее сильная зависимость от денежных мешков [3]. По мнению З. Бжезинского, если США не пересмотрят концепцию глобальной роли «Богом избранного гегемона в мировой политике», то их ждет такой же системный кризис, который погубил СССР.

Системный кризис капитализма и неравномерность исторического процесса способствуют смещению центра мир-истории. Изменение мировой архитектоники в свою очередь вызывает *геополитический кризис* современной цивилизации. Этот кризис оказался еще одним фактором, усилившим разрушительные тенденции в области международного права. После Второй мировой войны США превратились в ведущую экономическую и военную державу мира. Однако СССР и созданный им в противовес НАТО Варшавский договор существенно сдерживали реализацию глобальной стратегии США силовыми методами. В этой связи развал СССР помимо всего прочего имел негативные юридические последствия для международного права. С возникновением монополярного мира предпринимаются попытки ревизии Вестфальских соглашений и элиминации из международного права принципа национального суверенитета. «Принципы суверенитета необходимо пересмотреть», — пишет Дж. Сорос. Установив, что суверенитет принадлежит народу, «мы можем вмешаться в национальное государство и защитить права людей» [22, с. 103]. Как защищают права людей США и их союзники, хорошо уяснили сербы, население Ирака, Ливии, Сирии, Афганистана и многих других стран. Параллельно с попытками устранения принципа суверенитета из международного права предпринята «атака» на понятие «нация» с целью его устранения из политической и научной лексики [17]. Это и понятно: невозможно отрицание суверенитета без отрицания нации. В начале XXI в. все более очевидными становятся признаки очередного смещения центра мир-истории с Нового Света в регион Азии. Это сопровождается изменением сложившейся в годы «холодной войны» и, особенно, монополярного мира финансовой, экономической, промышленной, политической архитектоники мира, порождающей очаги напряженности и локальных конфликтов. «В мире, — отмечает З. Бжезинский, — идет процесс децентрализации. Мощь, сила, влияние неотвратимо смещаются с Запада на Восток» [1]. Автор глубоко сожалеет о том, что Америка не воспользовалась уникальной возможностью, возникшей после развала Советского Союза, «начать переделывать мир, а в результате получилась ситуация куда более неспокойная и сложная, чем была до этого» [1]. На наш взгляд, З. Бжезинский явно лукавит, когда говорит о том, что США не воспользовались возможностью переделки мира. Доктрины «Нового мирового порядка» Дж. Буша, продолженная его сыном, и «Расчистка площадей» Б. Клинтона как раз были нацелены на радикальную перестройку мироустройства. В результате и возник глобальный монополярный мир. Но в начале нулевых годов стали появляться признаки действия закона Монтескье. Сформировавшаяся в конце XX в. мировая империя медленно, нехотя, сопротивляясь, стала сдавать свои позиции. Череда «цветных ре-

волюций», происшедших в арабских странах, государственный переворот в Украине — это попытка США переформатировать складывающуюся новую архитектонику мира, блокировать всеми доступными средствами тенденции, ведущие к постамериканской эпохе. Противодействовать объективным историческим процессам неимоверно сложно. Отсюда, с одной стороны, неизбежное нарушение норм международного права, призванного обеспечить стабильность мира и развитие социума, с другой, поиск союзников среди различных маргинальных движений, обладающих мощной энергетикой, способной радикально изменить политическую и социально-экономическую ситуацию в отдельных странах и регионах. Такая возможность используется США для блокирования центробежных тенденций, разваливающих монополярный мир. Инструментализация Америкой националистических, откровенно фашистских, религиозно-экстремистских организаций для своих геополитических целей тоже имеет свои юридические последствия. Целые страны и регионы вырываются из правового пространства и погружаются в варварство, где господствует право силы. Понятно, что там, где перестает действовать право, останавливается развитие. Эти страны и регионы отбрасываются на десятки лет назад. Но то же можно сказать относительно человечества в целом. Деградация, разрушение цивилизации права могут отбросить человечество к стадии варварства. Для современной цивилизации это будет катастрофа. И здесь не важно, под каким флагом это будет проводиться — под звездно-полосатым США или черным знаменем исламских джихадистов.

Список литературы

1. *Бжезинский З.* Америка потеряла чувство меры во внешней политике. URL: http://www.kp.ru/daily/25829/2805033/ (дата обращения: 20.02.2012).
2. *Бжезинский З.* Великая шахматная доска. М.: Междунар. отношения, 2009. 280 с.
3. *Бжезинский З.* Стратегический взгляд: Америка и глобальный кризис. М.: АСТ: Астрель, 2013. 288 с. URL: http://mexalib.com/view/69169 (дата обращения: 10.09.2014).
4. *Богомолов А.С.* Буржуазная философия США XX века. М.: Мысль, 1974. 343 с.
5. *Венская* конвенция о праве международных договоров 23 мая 1969 г. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml (дата обращения: 27.09.2014).
6. *Джонсон Ч.* Американская империя военных баз во всем мире «Норт Стар Компас». URL: http://www.anti-nato.com/lib/amerikanskaya-imperiya-voennyh-baz-vo-vsem-mire.html (дата обращения: 27.09.2014).
7. *Зорькин В.* Кризис международного права: современный контекст // Рос. газ. 2014. 20 июня.
8. *История* политических и правовых учений / под ред. д. юрид. н., проф. О.Э. Лейста. М., 1999. URL: http://www.kursach.com/biblio/0030006/000.htm (дата обращения: 10.09.2014).
9. *Калинина Е.Ю.* Легитимация насилия: истина и справедливость в праве // Вестник Московского института государственного управления и права. 2013. № 3. С. 43–48.
10. *Лернер М.* Развитие цивилизации в Америке. Образ жизни и мыслей в Соединенных штатах сегодня: в 2 т. М., 1992. Т. 1. URL: http://www.twirpx.com/file/238480/ (дата обращения: 18.09.2014).
11. *Лихачев В.* Парламент России и международные договоры // Стратегия России. 2014. № 4(124). С. 31–46.
12. *Лукашук И.И.* Международное право. Общая часть: учебник. М.: Волтерс Клувер, 2010. 432 с.
13. *Маркс К.* Капитал. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. 907 с.
14. *Мигранян А.* Конец России // Свободная мысль. 2012. № 7–8. С. 155–165.
15. *Мусаелян Л.А.* Девальвация международного права. Статья первая: Феноменология и доктринальные факторы возникновения правового нигилизма и двойных стандартов в международных отношениях // Вестник Пермского университета. Философия. Социология. Психология. 2014. Вып. 4(20). С. 5–13.
16. *Мусаелян Л.А.* К проблеме введения в уголовное производство института установления объективной истины по делу // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2014. № 2(24). С. 218–228.
17. *Мусаелян Л.А.* Национальный вопрос в России: опыт прошлого и некоторые аспекты его современного политико-правового решения // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2010. Вып. 4(10). С. 32–48.
18. *Мусаелян Л.А.* Юридическая правда: содержание и сущность концепта // Философия и общество. 2011. № 2. С. 77–104
19. *Пернацкий В.И.* Философия политики и права: учеб. пособие. М.: Инфра-М, 2013. 224 с.
20. *Примаков Е.* Украина: тяжелое сегодня и сложное завтра // Рос. газ. 2014. 8 сент.
21. *Смит П.* Россия как темная сторона луны URL: http://inosmi.ru/world/20140519/220397309.html (дата обращения: 01.09.2014).

22. *Сорос Дж.* Мыльный пузырь американского превосходства. На что следует направить американскую мощь. М.: Koob, 2014. 192 с.
23. *Энгельс Ф.* К жилищному вопросу // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. М.: Госполитиздат, 1961. Т. 18. С. 203–284.
24. *Dunning T.J.* Trades Unions and Strikes. London. 1860. P. 35–36 (цит. по: Маркс К. Капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23).
25. *Kagan R.* Of paradise and Power: America and Evrope in the new world Order. N.Y., 2003 (цит. по: Сорос Дж. Мыльный пузырь американского превосходства…).

Получено 19.01.2015

References

1. Bzhezinskiy Z. *Amerika poteryala chuvstvo mery vo vneshnej politike* [America has lost a sense of proportion in the external policy]. Available at: http://www.kp.ru/daily/25829/2805033/ (accessed 20.02.2012). (In Russian).
2. Bzhezinskiy Z. *Velikaya shahmatnaya doska* [The great chessboard]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 2009. 280 p. (In Russian).
3. Bzhezinskiy Z. *Strategicheskij vzglyad: Amerika i global'nyj krizis* [Strategic view: America and the global crisis]. Moscow, AST, Astrel' Publ., 2013, 280 p. Available at: http://mexalib.com/view/69169 (accessed 19.10.2014). (In Russian).
4. Bogoolov A.S. *Burzhuaznaya filosofiya SSHA XX veka* [Bourgeois philosophy of the USA of the XXth century]. Moscow, Mysl' Publ., 1974, 343 p. (In Russian).
5. *Venskaya konventsiya o prave mezhdunarodnyh dogovorov 23 maya 1969* [Viennese convention on the international treaties law of May 23, 1969]. Available at: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml (accessed 27.09.2014).
6. Jonson Ch. *Amerikanskaya iperiya voennyh baz vo vsyom mire «Nort Star Kompas»* [American empire of military installations in the whole world «North Star Compas»]. Available at: http://www.anti-nato.com/lib/amerikanskaya-imperiya-voennyh-baz-vo-vsem-mire.html (accessed 27.09.2014).
7. Zor'kin V. [Crisis of international law: modern context]. *Rossijskaya gazeta* [Russian gazette]. 2014, 20 June. (In Russian).
8. *Istoriya politicheskih i pravovyh uchenij* [History of political and legal doctrines]. Moscow, 1999. Available at: http://www.kursach.com/biblio/0030006/000.htm (accessed 10.09.2014).
9. Kalinina E.Yu. [Legitimation of violence: truth and fairness in the law]. *Vestnik Moskovskogo instituta gosudarstvennogo upravleniya i prava* [Moscow State Institute of Public Administration and Law Bulletin]. 2013, no 3, pp. 43–48. (In Russian).
10. Lerner M. *Razvitie tsivilizatsii v Amerike. Obraz zhizni i myslej v Soedinyonnyh Shtatah segodnya: v 2 t. T. 1.* [Civilization development in America. Way of life and thinking in the USA today: in 2 vol. Vol. 1]. Moscow, 1962. Available at: http://www.twirpx.com/file/238480/ (accessed 18.09.2014). (In Russian).
11. Likhachev V. [Parliament in Russia and international treaties]. *Strategiya Rossii* [Russian strategy]. 2014, no 4(124), pp. 31–46. (In Russian).
12. Lukashuk I.I. *Mezhdunarodnoe pravo. Obschaya chast': uchebnik* [International law. General part. Textbook]. Moscow, Volters Kluver Publ., 2010, 432 p. (In Russian).
13. Marx K. [Capital. Vol. 1]. *Marks K., Engel's F. Sobr. soch. T. 23* [Marx K., Engels F. Oeuvre. Vol. 23]. 907 p. (In Russian).
14. Migranyan A. [The end of Russia]. *Svobodnaya mysl'* [The free thought]. 2012, no 7–8, pp. 155–165. (In Russian).
15. Musayelyan L.A. [The devaluation of international law. The first paper: Phenomenology and doctrinal factors of legal nihilism and double standards within the sphere of international relations]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sotsiologiya* [Perm University Bulletin. Series «Philosophy. Psychology. Sociology»]. 2014, no. 4(20), pp. 5–13. (In Russian).
16. Musayelyan L.A. [Revisited the problem of the introduction of the institute of the establishing objective truth on the case in the criminal proceedings]. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki* [Perm University Bulletin. Juridical sciences]. 2014, no 2(24), pp. 218–228.
17. Musayelyan L.A. [National issue in Russia: experience of the past and some aspects of its modern political and legal determination]. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki* [Perm University Bulletin. Juridical sciences]. 2010, no 4(10), pp. 32–48.
18. Musayelyan L.A. [Juridical truth: the content and the essence of the concept]. *Filosofiya i obschestvo* [Philosophy and society]. 2011, no 2, pp. 77–104. (In Russian).
19. Pernatskij P.I. *Filosofiya politiki i prava: ucheb. posobie* [Philosophy of politics and law: a study guide]. Moscow, INFRA-M Publ., 2013, 224 p. (In Russian).
20. Primakov E. [Ukraine: the hard today and the difficult tomorrow]. *Rossijskaya gazeta* [Russian gazette]. 2014, 8 September. (In Russian).
21. Smith P. *Rossiaya kak tnaya storona luny* [Russia

as the dark side of the moon]. Available at: http://inosmi.ru/world/20140519/220397309.html (accessed 01.09.2014). (In Russian).
22. Soros G. *Myl'nyj puzyr' amerikanskogo prevoshodstva* [The bubble of American supremacy]. Moscow, Koob Publ., 2008, 192 p. (In Russian).
23. Engels F. [The housing question]. *Marks K., Engel's F. Sobr. soch. T. 18* [Marx K., Engels F. Oeuvre. Vol. 18]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1961, pp. 203–284. (In Russian).
24. *Dunning T.J.* Trades Unions and Strikes. London. 1860. P. 35–36. Cited by: Marx K. [Capital. Vol. 1]. *Marks K., Engel's F. Sochineniya. T. 23* [Marx K., Engels F. Oeuvre. Vol. 23].
25. *Kagan R.* Of paradise and Power: America and Evrope in the new world Order. New York, 2003. Cited by: Soros G. *Myl'nyj puzyr' amerikanskogo prevoshodstva* [The bubble of American supremacy].

The date of the manuscript receipt 19.01.2015

THE DEVALUATION OF INTERNATIONAL LAW. THE SECOND PAPER: CIVILIZATION, FORMATIONAL AND GEOPOLITICAL FACTORS OF INTERNATIONAL LAW CRISIS

Lyeva A. Musayelyan

Perm State University; 15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia

The article examines the philosophical theories of reference in the context of cultural semantics and linguistics. The authors analyze the content of the metaphysical theory of meaning, which goes back to Aristotle, and semantic study of language, G. Frege, B. Russell, S. Kripke, D. Davidson, M. Black, K. Donnelan, D. Kaplan. The authors conclude about the constitutive role of metaphors in the language of philosophy. A metaphor is a mode of meaning formation and the formation of concepts in a philosophical text.

Key words: reference; metaphor; culture; philosophy; text; structure; meaning; concept; language.

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:
Мусаелян Л.А. Девальвация международного права. Статья вторая: Цивилизационные, формационные и геополитические факторы кризиса международного права // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2015. Вып. 1(21). С. 16–25.

Please cite this article in English as:
Musayelyan L.A. The devaluation of international law. The second paper: Civilization, formational and geopolitical factors of international law crisis // Perm University Bulletin. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2015. Iss. 1(21). P. 16–25.

УДК 130.3:316.6

ФЕНОМЕН ОДИНОЧЕСТВА: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

Тихонов Геннадий Михайлович,
доктор философских наук, профессор,
заведующий кафедрой социологии, психологии и культурологии
Ижевский государственный технический университет им. М.Т. Калашникова,
426069, Удмуртская Республика, Ижевск, ул. Студенческая, 7;
e-mail: gtichonov@list.ru

В статье исследуются проблемы мужского и женского одиночества. Констатируется, что существует различная предрасположенность к одиночеству у различных полов и что жизни в одиночку наиболее подвержены именно мужчины. Обоснованием этого тезиса являются эмпирические исследования, которые утверждают, что одиночество у мужчин в большей мере связано с нарушением связей в группе, в то время как женщины в основном переживают чувство одиночества в случае отсутствия тесных и личностных диадических контактов.
Ключевые слова: одиночество; демографические группы; брак; диада; социальный статус; социальная роль.

С проблемами ситуаций и характера личности, приводящих к одиночеству, тесно связаны проблемы демографических групп, в которых одиночество встречается особенно часто. Это группы людей, наиболее подверженных «риску». Рассмотрим некоторые из них. Говоря о мужском и женском одиночестве, следует учитывать, что одиночество мужское и женское — разные вещи. Одиночество человека любого пола несет в себе сходные симптомы, ведет к сходным последствиям и имеет лишь те культурные различия, которые современная половая мораль вменяет в обязательное мужчине и женщине. Однако многие ученые высказывают мысль, что существует различная предрасположенность к одиночеству у разных полов.

Исследования психического здоровья одиноких мужчин и женщин выявили, что одинокие мужчины гораздо меньше приспособлены к окружающей обстановке, чем одинокие женщины. Данные предполагают, что брак как социальный институт более благоприятен для мужчин, чем для женщин, и что жизни в одиночку наиболее подвержены именно мужчины. Исследовательница брака и семьи Н. Аристова также утверждает, что «и в прошлом, и в настоящем, и в обозримом будущем брак полностью отвечает интересам мужчины» [1, с. 20–21].

Подтверждением этого вывода служат исследования, проведенные Д. Перлманом и его коллегами. Они обосновали тот факт, что овдовевшие мужчины более одиноки, чем мужчины, состоящие в браке; среди женщин, состоящих в браке, и овдовевших не обнаружено существенного различия в ощущении одиночества. Т. Биксон и Ж. Гудчайлдс выяснили, что одинокие мужчины принадлежат к группе наиболее страдающих от одиночества людей; мужчины, состоящие в браке, относятся к группе наименее подверженных чувству одиночества людей. Полученные данные авторы объясняют различием в организации свободного времени у мужчин и женщин, что обуславливает соответствующее поведение. Результаты показали, что в свободное время 70 % одиноких мужчин занимаются делами, связанными с уединением, тогда как 70 % одиноких женщин посвящают свое свободное время различного рода социальной деятельности.

И еще один аспект, подтверждающий указанный выше вывод. В браке происходит дифференциация ролей на мужские и женские. Однако в случае развода или потери партнера такая жесткая дифференциация ролей может создать непредвиденные трудности и привести к возникновению чувства одиночества. Т. Биксон по этому поводу приводит следующий пример: «Старая женщина, когда она остается одна, у нее очень мало шансов выйти замуж, но… она, как личность, обладает навыками ведения домашнего хозяйства, легко находит друзей, и сама о себе заботится» [2, с. 509]. И поэтому старым женщинам одинокая жизнь причиняет меньше неудобств,

© Тихонов Г.М., 2015

чем старым мужчинам. Хотя старые женщины, живущие одни, лишены некоторых положительных моментов жизни с супругом, но зато вольны в отношении распределения своего времени и расходования жизненной энергии. Для мужчин преклонного возраста развод часто оборачивается трагедией.

Говоря о самоубийстве среди пожилых людей, американский ученый замечает: «Процент самоубийств выше среди овдовевших пожилых людей, чем среди тех, кто еще женат» [3, с. 446]. В этой связи интересные подробности сообщает статистика. Женатый мужчина отличается от холостяка лучшим физическим и психическим здоровьем, он реже болеет, у него меньше шансов попасть под машину, стать алкоголиком, кончить жизнь самоубийством, он удачливее в профессиональней деятельности, дольше живет.

В этой связи возникает вопрос, почему мужчины, как правило, чувствуют себя более одиноко, чем женщины. Ответ на этот вопрос дают исследования Дж. Стокса и И. Левина, которые утверждают, что одиночество у мужчин в большей мере связано с нарушением связей в группе, в то время как женщины в основном переживают чувство одиночества в случае отсутствия тесных и личностных диадических контактов [12]. Таким образом, для мужчин количество групповых контактов намного важнее, чем для женщин, которые ценят больше качество своих контактов.

Соответственно, можно предположить, что высокий социальный статус в группе уменьшает одиночество мужчин, но не женщин. Если лицо мужского пола не имеет достаточного количества групповых контактов в рамках значимых для него отношений, то он чувствует себя социально изолированно и становится одиноким.

Другими словами, чем меньше частота групповых контактов в рамках значимых для мужчин отношений, тем больше вероятность наступления чувства одиночества. Утверждение, касающееся женщин, формулируется по той же схеме: если лицо женского пола испытывает удовлетворение от качества своих диадических контактов, то вероятность наступления одиночества уменьшается.

Особое значение в ряду многочисленных поведенческих компонентов в исследовании одиночества занимает самораскрытие индивида, т.е. та информация, которую индивид сообщает другим о себе. Также была найдена статистически значимая корреляция между открытостью и чувством одиночества [6]. Эту взаимосвязь, действительно, можно было каузально интерпретировать. Причем между самораскрытием и одиночеством была обнаружена обратная связь: самораскрытие снижает одиночество, а одиночество понижает тенденцию к самораскрытию.

Взаимосвязь между этими двумя коррелятами осложняется тем, что при исследовании должен учитываться гендерный аспект. Так, Дж. Берг и Л. Пепло обнаружили, что взаимосвязь между самораскрытием и одиночеством у женщин проявляется сильнее, чем у мужчин [4]. В то время как у женщин почти во всех сферах взаимодействия между самораскрытием и переживанием одиночества существует тесная взаимосвязь, у мужчин, наоборот, эта связь проявляется только тогда, когда они находятся во взаимодействии со своей партнершей и избегают разговоров о себе [11].

Так как отказ или неспособность к самораскрытию является способом поведения, который представляет собой отсутствие социальной компетенции, то, можно сказать, что чем реже женщина самораскрывается, тем ниже уровень ее социальной компетенции и тем выше вероятность наступления одиночества. Что касается мужчин, то у них чем меньше масштаб самораскрытия по отношению к их партнерше и затрагивания тем, связанных с собственной личностью, тем меньше их социальная компетенция и тем больше вероятность наступления одиночества.

Данные выводы отнюдь не свидетельствуют о том, что между самораскрытием и одиночеством существует прямая линейная связь. Тогда это означало бы, что самораскрытие представляет надежную защиту от одиночества. Вероятнее предположить, что между этими величинами существует косвенная связь. Для более детального описания этого феномена был введен конструкт «гибкость самораскрытия», под которым понималось своеобразное «снятие покровов» с человека в той или иной ситуации. Надо признать, что этот конструкт в незначительной мере согласуется с одиночеством [5]. К сожалению, одинокие индивиды не обладают такой способностью вступать в коммуникацию и «снимать с себя покровы». Наоборот, они не готовы, а часто и не хотят иметь интимные отношения. Они их боятся и не верят в искренность своих партнеров. Одинокие люди также не способны рассказать другому о себе так, как им этого бы хотелось, вследствие отсутствия коммуникационного навыка.

Диаду, т.е. группу, состоящую из двух человек, можно описать как социальную микросистему, которая вплетена в большие системы, такие как коллективы, организации, сообщества. При

анализе диадического процесса или процесса взаимодействия двух индивидов выделяют три фазы. В первой фазе, ее можно назвать «стадией стимулов», очень важны определенные качества партнера, например, физическая привлекательность или его социальный статус. Во второй фазе, или «стадии сравнения» ценностей, особую актуальность приобретают мировоззренческие установки партнера, его система ценностей и норм, которые в дальнейшем будут определять процесс взаимодействия. И, наконец, в третьей фазе, или «ролевой стадии», особое значение приобретает совместимость ролей, т.е. то, в какой мере партнерам удается достичь консенсуса между тем, что они ожидают друг от друга, и их реальным ролевым поведением.

В этой связи были исследованы вопросы, касающиеся условий вступления двух лиц в контакт [14]. Было найдено и эмпирически подтверждено, что физическая привлекательность играет очень важную роль. Дальше шел целый ряд факторов, которые можно объединить понятием «социальная досягаемость», как то: потенциальные партнеры имеют единую этническую принадлежность, одинаковый социоэкономический статус, принадлежат к одной вере и т.д. Снижение любого из этих типов досягаемости вызывает риск появления чувства одиночества [8, S. 19]. На основании вышесказанного можно утверждать, что чем меньше взаимная социальная привлекательность двух лиц и чем меньше вероятность завязать контакт и вступить в процесс взаимодействия, тем больше вероятность появления одиночества. Если социальная досягаемость обеспечена, то участники диадического процесса входят в «стадию стимулов». В этой стадии определяющим является то, как воспринимают партнеры друг друга, привлекательны ли они, нравятся ли друг другу, какие качества для них желательны.

Для женщин по отношению к мужчине такими качествами являются: верность, душевность, честность, прилежность, естественность, сексуальная привлекательность, ум, юмор, чистоплотность. Для мужчин при выборе партнерши желательны следующие качества: сексуальная привлекательность, естественность, верность, душевность, чистоплотность, приятная внешность и ум [10]. Качества размещены в порядке убывания. Необходимо отметить, что приоритет определенных качеств зависит от многих причин, в частности, от возраста и культуры партнеров. Однако при выборе партнера и мужчины, и женщины приоритет в большинстве случаев отдают физической привлекательности. При этом лица, делающие выбор, учитывают масштаб собственной привлекательности и ищут партнеров, которые имеют такую же привлекательность, как и они сами. Тем самым акторы взаимодействия пытаются осуществить так называемый «справедливый» обмен на основе личностных установок, предполагающий равенство обмена [13]. Так, оценка женщинами физической привлекательности мужчин в большей степени зависит от того, чувствуют ли они себя сами одинокими. Одинокие женщины считают одиноких мужчин менее привлекательными. У неодиноких женщин наблюдается обратная тенденция.

В основе таких исследований лежит мысль, что физическая привлекательность является своеобразным селективным фильтром перед началом установления контактов. Также хорошо известно, что между одиночеством и физической привлекательностью человека имеется существенная связь [9]. У одиноких людей есть склонность считать себя физически непривлекательными.

Немецкие ученые эмпирически подтвердили данный факт. Ими была найдена небольшая, но статистически важная корреляция между одиночеством и физической привлекательностью ($r = .38$, $p < .01$). Однако говорить о существенном влиянии физической привлекательности на одиночество не приходится. Так как не совсем ясно, действительно ли одинокие люди являются непривлекательными или они сами себя так воспринимают. Таким образом, взаимосвязь между физической привлекательностью и одиночеством является более сложным явлением.

Удовлетворенность браком также можно считать весьма важным маркером в исследовании одиночества. Хотя формально брак и предоставляет определенную защиту от одиночества, все-таки удовлетворенность партнером в браке имеет важное значение в отношении возникновения одиночества. Еще в 1980 г. немецким ученым У. Якелем на базе эмпирических исследований была создана теоретическая модель для объяснения удовлетворенности в браке [7, S. 70]. Исходным условием этой модели является теория ролей, которая, в свою очередь, опирается на выводы символического интеракционизма.

Ученый вводит такие понятия, как «ролевое ожидание», «ролевое самоопределение», а также «ролевое поведение». Ролевое ожидание охватывает все ожидания, связанные с партнером. Ролевое самоопределение включает ролевые ожидания, которые носитель роли ставит самому себе.

Ролевое поведение подразумевает такой тип поведения, который демонстрирует открытую реакцию носителя роли на перцепторные ролевые ожидания со стороны брачного партнера. В браке, по мысли У. Якель, важным условием его удовлетворительности является совпадение ролей, которые, в свою очередь, обусловлены целым рядом факторов, таких как готовность к вербальной коммуникации, способность к эмпатии, готовность к изменению ролевых представлений партнера. Определенный интерес в этих исследованиях имел конструкт «андрогинность», которым обозначали лиц, демонстрирующих как мужские, так и женские черты. От них отличались, с одной стороны, недифференцированные лица, у которых не было акцента на мужских или женских чертах, и, с другой стороны, от тех лиц, которые имели ярко выраженные мужские или женские черты.

Некоторые данные говорят о том, что андрогинные личности испытывают меньше чувства одиночества, чем другие типы [15]. Это объясняется тем, что такие личности имеют высокую готовность к изменению ролевых представлений и поэтому им легче удается построить удовлетворительные диадические отношения. У. Якель в своей модели показывает циклический динамический процесс, который ведет к удовлетворению эмпатии и готовности к принятию другого. В этой модели отчетливо постулируется сильная обратная связь, которая идет от нарастающего удовлетворения в браке к выравниванию ролевых представлений и от них вновь к удовлетворению в браке. Таким образом, данная модель распространяется и на ролевые действия. На основании вышесказанного сформулируем мысль о том, что чем меньше готовность к вербальной коммуникации, чем меньше эмпатия и чем меньше способность к изменению ролевых представлений, тем меньше вероятность того, что индивид будет удовлетворен браком.

Как ранее было указано, на удовлетворенность в браке влияют многие переменные. Ученые исследовали влияние не только личностных качеств, таких как невротизм, психотизм, экстроверсия, но и значение «фоновых переменных», таких как географические данные, отношение к родителям, доход и развитие отношений между партнерами. Анализу подвергались социальные и политические взгляды, а также сексуальные предпочтения. Обобщение всех этих переменных позволило сделать следующие выводы:

1. Компоненты сексуального поведения и сексуальных предпочтений стояли на первом месте, затем шли «фоновые переменные», личностные качества. На последнем месте были социальные и политические взгляды, которые в общем не оказывали никакого влияния на удовлетворенность в браке.

2. Сходство между партнерами также не оказывает влияния на удовлетворенность в браке. Хотя в начале установления диадических процессов эта переменная имела большое значение.

3. Личностные качества связаны с асимметрией: т.е. отклонение между партнерами тем меньше, чем выше шкала психотизма у мужчин и чем выше шкала невротизма у женщин. Тем самым подтверждается традиционное распределение долей и указывается, что женщины более сенсибельны, а мужчинам скорее свойственно агрессивное начало.

4. Личностные качества в конечном итоге являются тем индикатором, на котором проверяется удовлетворенность партнеров браком. Более того, они их детерминируют. Построить удовлетворительный брак могут те люди, которые не являются невротиками, т.к. имеют низкие тенденции к психотизму и обладают умеренным либидо. Невротизм же ведет к ригидности в поведении. Если личность обладает высоким уровнем невротизма и психотизма и имеет ярко выраженное либидо, то вероятность того, что при взаимодействии партнеров удастся достичь сходства ролевых представлений и построить удовлетворительный брак, становится очень низкой. Другими словами, если уровень психотизма женщины выше, чем у мужчины, и если уровень невротизма мужчины выше, чем у женщины, то снижается вероятность того, что партнерам удастся верно распределить роли и достичь удовлетворенности в браке.

Список литературы

1. *Аристова Н.* Семья настоящая и предстоящая // Узы брака, узы свободы. М.: Просвещение, 1990. С. 6–31.
2. *Биксон Т.*, Пепло Л. Жизнь старого и одинокого человека // Лабиринты одиночества. М.: Прогресс, 1989. С. 485–511.
3. *Эйсенсен И.* Одиночество и разведенный мужчина преклонного возраста // Лабиринты одиночества. М.: Прогресс, 1989. С. 433–452.
4. *Berg J.H.*, Peplau L.A. Loneliness: The relationship of self-disclosure and androgyny // Personality and Social Psychology Bulletin. 1982. № 8. P. 624–630.
5. *Chelune G.J.*, Sultan F.E., Williams C.L. Loneli-

ness, self-disclosure and interpersonal effectiveness // Journal of Counseling Psychology. 1980. № 27. P. 462–468.
6. *Davis M.H.*, Franzoi S.L. Adolescent loneliness, self-disclosure and private self-consciousness: Longitudinal investigation // Journal of Personality and Social Psychology. 1986. № 51. P. 595–608.
7. *Jackel U.* Partnerwahl und Eheerfolg: eine Analyse der Bedingungen und Prozesseehelicher Sozialisation in einem rollentheoretischen Ansatz. Stuttgart: Enke, 1980. 129 S.
8. *Jerusalem M.* Selbstkonzept, Angstlichkeit und Sozialklima von jugendlichen Migranten // Arbeitsberichte des Institutus fur Psychologie. Berlin: Freud Universitat, 1987. № 1. 82 S.
9. *Lamm H.*, Stephan E. Zur Messung von Einsamkeit: Entwicklung einer deutschen Fassung des Fragebogens von Russell und Peplau. // Psychologie und Praxis: Zeitschrift fur Arbeits — und Organisationspsychologie. 1986. № 30. S. 132–134.
10. *Noelle-Neumann E.*, Piel E. Allensbacher Jahrbuch der Demoskopie. 1978–1983. Bd. VIII. Munchen: Saur, 1983. 716 S.
11. *Solano C.H.*, Batten P.G., Parish E.A. Loneliness and patterns of self-disclosure // Journal of Personality and Social Psychology. 1982. № 43. P. 524–531.
12. *Stokes J.P.*, Levin I. Gender differences in predicting loneliness from social network characteristics // Journal of Personality and Social Psychology. 1986. № 51. P. 1069–1074.
13. *Walster E.*, Utne M.K., Traupman J. Equity-Theorie und intime Sozialbeziehungen // G. Mikula, W. Stroebe (Hrsg.). Sympathie, Freundschaft und Ehe. Psychologische Grundlagen zwischenmenschlicher Beziehungen. Bern: Huber, 1977. S. 193–220.
14. *Wienold H.* Kontakt, Einfuhlung und Attraktion. Zur Entwicklung von Paarbeziehungen. Stuttgart: Enke, 1972. 126 S.
15. *Wittenberg M.T.*, Reis H.T. Loneliness, social skills and social perception // Personality and Social Psychology Bulletin. 1986. № 12. P. 126–130.

Получено 22.01.2015

References

1. Aristova N. [Family at hand and in future]. *Uzy braka, uzy svobody* [Bonds of marriage, bonds of freedom]. Moscow, Prosveschenie Publ., 1990, pp. 6–31.
2. Bikson T., Peplau L. [Life of an old and lonely man]. *Labirinty odinochestva* [Labyrinths of loneliness]. Moscow, Progress Publ., 1989, pp. 485–511. (In Russian).
3. Eysensen I. [Loneliness and divorced old man]. *Labirinty odinochestva* [Labyrinths of loneliness]. Moscow, Progress Publ., 1989, pp. 433–452. (In Russian).
4. Berg J.H., Peplau L.A. Loneliness: The relationship of self-disclosure and androgyny // Personality and Social Psychology Bulletin. 1982. № 8. P. 624–630.
5. Chelune G.J., Sultan F.E., Williams C.L. Loneliness, self-disclosure and interpersonal effectiveness // Journal of Counseling Psychology. 1980. № 27. P. 462–468.
6. Davis M.H., Franzoi S.L. Adolescent loneliness, self-disclosure and private self-consciousness: Longitudinal investigation // Journal of Personality and Social Psychology. 1986. № 51. P. 595–608.
7. Jackel U. Partnerwahl und Eheerfolg: eine Analyse der Bedingungen und Prozesseehelicher Sozialisation in einem rollentheoretischen Ansatz. Stuttgart: Enke, 1980. 129 S.
8. Jerusalem M. Selbstkonzept, Angstlichkeit und Sozialklima von jugendlichen Migranten // Arbeitsberichte des Institutus fur Psychologie. Berlin: Freud Universitat, 1987. № 1. 82 S.
9. Lamm H., Stephan E. Zur Messung von Einsamkeit: Entwicklung einer deutschen Fassung des Fragebogens von Russell und Peplau. // Psychologie und Praxis: Zeitschrift fur Arbeits — und Organisationspsychologie. 1986. № 30. S. 132–134.
10. Noelle-Neumann E., Piel E. Allensbacher Jahrbuch der Demoskopie. 1978–1983. Bd. VIII. Munchen: Saur, 1983. 716 S.
11. Solano C.H., Batten P.G., Parish E.A. Loneliness and patterns of self-disclosure // Journal of Personality and Social Psychology. 1982. № 43. P. 524–531.
12. Stokes J.P., Levin I. Gender differences in predicting loneliness from social network characteristics // Journal of Personality and Social Psychology. 1986. № 51. P. 1069–1074.
13. Walster E., Utne M.K., Traupman J. Equity-Theorie und intime Sozialbeziehungen // G. Mikula, W. Stroebe (Hrsg.). Sympathie, Freundschaft und Ehe. Psychologische Grundlagen zwischenmenschlicher Beziehungen. Bern: Huber, 1977. S. 193–220.
14. Wienold H. Kontakt, Einfuhlung und Attraktion. Zur Entwicklung von Paarbeziehungen. Stuttgart: Enke, 1972. 126 S.
15. Wittenberg M.T., Reis H.T. Loneliness, social skills and social perception // Personality and Social Psychology Bulletin. 1986. № 12. P. 126–130.

The date of the manuscript receipt 22.01.2015

THE LONELINESS PHENOMENON: GENDER ASPECT

Gennadiy M. Tikhonov

Izhevsk State Technical University named after M.T. Kalashnikov;
7, Studencheskaya str.,Izhevsk, 426069,Udmurt Republic, Russia

In the article male and female loneliness is studied. It is stated that there is different disposition to loneliness regarding to sexes and that men are more liable to living alone. This thesis is based on the empirical researches stating that male loneliness is more tied with a group connection failure whereas females generally feel lonely in case of tight personal dyadic contacts absence.

Key words: loneliness; demographic groups; marriage; dyad; social status; social role.

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:
Тихонов Г.М. Феномен одиночества: гендерный аспект // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2015. Вып. 1(21). С. 26–31.

Please cite this article in English as:
Tikhonov G.M. The loneliness phenomenon: gender aspect // Perm University Bulletin. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2015. Iss. 1(21). P. 26–31.

ВЕСТНИК ПЕРМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2015 **Философия. Психология. Социология** Выпуск 1 (21)

УДК 141.42

КУЛЬТУРНЫЙ ГЕРОЙ И ТРИКСТЕР: ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ И ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ СХОДСТВА

Шевякова Алина Вячеславовна,

аспирант
Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России,
119454, Москва, пр. Вернадского, 76;
e-mail: shevyakova-alina@mail.ru

В статье рассматривается вопрос о функциональных особенностях образов культурного героя и трикстера в условиях современного общества и массового сознания. Культурный герой и трикстер как важные элементы культурной матрицы оказывают большое влияние на состояние и развитие системы социальных онтологий, в которых отражается мифологизированное общественное сознание. Различия в восприятии обществом образов культурного героя и трикстера определяют набор инструментов, с помощью которых происходит трансформация социальной онтологии в зависимости от стоящих перед обществом задач в конкретный исторический период.

Ключевые слова: культурный герой; трикстер; общественное сознание; миф; социальная онтология; научное мышление; бытие.

Зарождение культуры как важной составляющей человеческого бытия связано с материальными выражениями представлений древних о тех или иных явлениях природы, а также той или иной деятельности человека, которая не была свойственна первобытным обществам [35, с. 141–142]. В этой связи культурный герой выступал в качестве дарителя, учителя людей, принесшим облегчение и развитие в противоречивый и сложный быт.

Стоит отметить, что история культурного героя насчитывает тысячелетия, так как практически в каждой древней культуре Европы присутствуют персонажи, которых принято называть культурными героями [39, с. 275]. Парадоксально, но встреча европейцев с коренным населением Нового Света, знакомство с мифологией и религией Индии и Китая существенно обогатили представления о культурном герое как феномене культуры. Общим правилом в данном вопросе можно назвать наличие существенного элемента «трюка» у культурных героев менее развитых народов, так как эти народы имели меньший в сравнении с европейцами научный багаж, а собственное бытие по традиции связывали только с милостью персонажа, обманувшего прародительницу, подземных духов и т.д. [33].

Однако в свою очередь анализ поведения культурного героя позволял перейти человеческому сознанию от обывательского отношения к бытию, к его онтологии, что в свою очередь, стало важным шагом на пути к гносеологии. В самой абстрактной перспективе культурный герой отождествляет приход человечества к философии как способу познания мира [8], возводя мыслительный процесс в ранг базового элемента цивилизации [38, с. 55].

Такой взгляд позволяет сделать важное замечание — культурный герой является мифологическим выразителем перспективы научного мышления и горизонта научных открытий [34, с. 15–18], тогда как трикстер остается далеким от человека, а его деятельность связана с решением конкретной, зачастую бытовой задачи и не несёт в себе никакого намёка на перспективу дальнейшего развития [11, с. 39–55].

В то же самое время трикстер как культурологическое явление обеспечивает резерв для развития массового сознания, так как сам по себе трикстер уже несет значительную архетипическую функцию для массового сознания. «Ибо основная функция Трикстера — быть точкой совмещения несовместимого, которая порождает новое» [43, с. 38]. Важно понимать, что в современной информационной ситуации именно трикстеры становятся маркерами новых онтологических границ [18, с. 43], внутри которых и существует современное информационное общество.

© Шевякова А.В., 2015

Следовательно, рассмотрение функциональной дихотомии во взаимоотношении культурного героя и трикстера является важным элементом в уяснении основных элементов структурной матрицы культуры на современном этапе ее развития [36]. Стоит отметить, что функциональные особенности культурного героя и трикстера представляют собой результат продолжительной эволюции архетипической мифологемы в массовом сознании. Именно поэтому принципиальным вопросом является выяснение функциональных особенностей как культурных героев, так и трикстеров в условиях современной культурной матрицы, а также массового сознания.

Рассмотрение места культурного героя в культурной матрице требует уточнения значения этого термина, так как, не имея чёткого представления о нем, исследователь рискует допустить терминологическую путаницу, которая в свою очередь может стать проблемой при выяснении места культурного героя в культурной матрице. Важно понимать, что кроме семантического анализа важным шагом для определения функциональных особенностей культурного героя в структуре современной культуре является анализ опытов культурологического анализа культурного героя как явления.

Однако стоит отметить, что культурный герой оказывается довольно активным участником творения социальной реальности, так как продуцируемые через культурного героя ценности могут оказывать серьезное мобилизационное воздействие на массы. Культурный герой как мифический сюжет является наиболее ярким средством для сакрализации или десакрализации того или иного опыта социума.

Культурный герой — это важная семантическая единица, изучение значения которой является основой для понимания данного культурного феномена. В английской традиции Culturehero — культурный герой, однако в составе данной смысловой единицы есть очень многозначительный элемент «культура». И здесь подходит скорее второе значение слова culture — setofideas, beliefs, andwaysofbehavingofaparticularorganizationorgroupofpeople (культура — набор идей и верований определенной организации или группы людей) [44, p. 359]. Следовательно, культурный герой в английской традиции — это живое, персонифицированное выражение набора идей.

В немецкой традиции Heilbringer — культурный герой соседствует с еще одним персонажем — Heilland. В первом случае слово мужского рода, во втором среднего. Это является важным, так как общая часть слова — Heil — на русский язык переводится как целостность, благополучие, приветствие. Оба персонажа приходят на землю, чтобы принести людям благо. Однако Heilbringer приходит на землю, чтобы просветить народ (не случайно слово в прямом переводе имеет значение просветитель), тогда как Heilland придёт в конце времен, чтобы создать модель вечного порядка [46, S. 595]. А.В. Кондратьев отмечает, что Heilbringer созидает Космос Истории, который в силу противоречивости своего наполнения довольно быстро превращается в Хаос, преодолением которого и занимается Heilland ради создания Космоса Вечности [19]. Следовательно, в германской традиции культурный герой выступает источником и исторического, и внеисторического прогресса, который обеспечивает устойчивое культурное и философское развитие общества [31, с. 43].

Heros civilisateur во французской традиции имеет на себе отпечаток цивилизаторской функции, т.е. по своему значению приближается к немецкому Heilbringer, однако с небольшой разницей. В немецкой традиции речь идёт о благе, в то время как во французской традиции речь именно о цивилизаторе, т.е. устроителе житейского социального порядка. Французский исследователь Леви-Стросс видит в культурном герое связующее звено между живой и неживой природой [25], жизнью и смертью в конечном счете.

Следовательно, понятие «культурный герой» генетически связано с актом возникновения всей вселенной, так как именно в процессе возникновения вселенной проявляется смысловая связь между кинетической и потенциальной энергией материи. Именно эта связь с философской точки зрения является пространством для действий культурного героя, для реализации его цивилизаторского потенциала, а также для возникновения основных инструментов, с помощью которых человек созидает культуру. «Совершенно очевидно, что магистральной темой мифа, фундаментальным архетипом является “творение” элементов природы и культуры обожествленными предками, которые элементы или магически порождают, или даже “биологически”, как родители детей» [27, с. 106].

Таким образом, при изучении семантики понятия культурного героя можно сделать важное замечание относительно сущности культурного героя как явления. Культурный герой — это нечто или некто, приносящий в мир некое знание или умение, идею или веру, вокруг которых завязы-

ваются социальные, межличностные и семейные отношения. «Архаический миф выступает как способ понимания, интерпретации мира, который первоначально ограничивался общиной, и, более того, как способ магического воздействия. Сознание первобытного человека характеризуется способностью воображения в мельчайших подробностях представлять отсутствующие предметы, а также аутизмом — погружением в мир личных переживаний» [10, с. 15].

Именно поэтому вокруг культурных героев возникали и продолжают возникать особые общественные культы, которые необходимы, дабы преодолеть отчужденность каждого индивида от общественных процессов и производства. Как правило, древние культы рано или поздно либо забывались, либо становились религиозными в полном смысле этого слова. Современные культы тяготеют к закреплению образа культурного героя в том или ином тотеме, который чаще всего становится «мемом» [20] в условиях современной информационной ситуации.

Стоит заметить, что подобная ситуация находит свое отношение в изменении стереотипов поведения индивидов. Социальные сети, которые позволяют делиться личными фотографиями, способствовали появлению нескольких культовых фотографических стереотипов — селфи, например. Каждая ситуация, в которой происходит съемка, автоматически причисляется к геройскому пространству Интернета в виде потенциального мема. Однако популярность социальных сетей для обмена фотографиями может также считаться ответом технологий на вызовы современности.

Отчуждение индивида дошло до самых своих пределов. В связи с этим Э. Фромм писал: «Отчуждение, каким мы видим его в современном обществе, носит почти всеобщий характер; оно пронизывает отношение человека к своей работе, к потребляемым им вещам, к государству, к своим ближним и к самому себе. Человек создал мир рукотворных вещей, какого никогда не существовало прежде» [40, с. 23]. Именно поэтому человеческое сознание в порыве самосохранения прибегло к активизации мифологии в современном обществе, призывая культурных героев оставаться функциональными и ментальными маяками структуры современного общества.

Другими словами, культурный герой является способом определения границ социальных отношений, а его мифологизация — необходимым условием для сохранения в общественном мышлении его дара людям. Как уже отмечалось, культурные герои характерны для всех архаических культур, где они выступают дарителями знания о ремесле, огня, приемов охоты и т.д. Важно понимать, что чем древнее культура, чем архаичнее сознание у ее носителей, тем проще функция культурного героя.

При этом культурный герой занимает как бы подчиненное положение в отношении к культуре, так как не может существовать сам по себе. Однако данное утверждение диалектической связи между культурой и культурным героем не является истинным, так как именно через культурного героя, в его постоянной интерпретации, его постоянном воскрешении во времени проявляется целостность культурной матрицы. Таким образом, культурный герой играет роль хранителя и всей культуры в целом, а в его образе человечество должно хранить отношение к гуманистическим основаниям культуры [5, с. 33].

Например, для присваивающего хозяйства характерны герои, которые дарят людям огонь, творят мир, приносят мудрость. У народов Северной Америки, Центральной Азии, Чукотки таким героем выступает Ворон. Он же, являясь посредником между царством живых и мёртвых, добывает для живущих знания, которые сокрыты у них [29, с. 250]. Он же приносит предметы быта: лук, пресную воду, огонь. Е.М. Мелетинский подробно рассмотрел культурных героев многих народов и пришел к выводу, что «на почве религиозных представлений культурный герой может эволюционировать к богу, на почве народного художественного творчества он может превратиться в героя эпоса» [28]. Таким образом, в основе отношений культурного героя и общества фиксируется определенная польза от взаимодействия друг с другом.

Эволюция культурного героя до уровня Бога автоматически обусловила появления представлений о всеблагом и всемилостивом Боге, который защит и заступится за человечество, защитим его от диких сил природы. Архаизация образа Бога отразилась в Ветхом Завете, где Бог многократно требует у народа Израиля почитания и поклонения. Культ культурного героя перерастал в религиозный, так как само общество развивалось, росло, приобретало новые навыки, автоматически сакрализуя их как очередной божественный дар.

Именно поэтому культурный герой (и историческое развитие представлений о нем) напрямую связан со становлением религиозного мировоззрения у архаических народов. Одним из примеров такой трансформации является древнегреческий бог Гефест, научивший людей кузнечному

ремеслу. Бог-олимпиец он постоянно пропадает в своей кузнице, как бы подчёркивая свою близость к земным заботам и осознанное отречение от рутины бессмертного олимпийца.

При этом важно понимать, что люди, которые творили мифы, обладали смутными представлениями о сущности исторического процесса, а также о возможностях и потенциале развития общества. Именно поэтому представления о культурных героях носят синкретический характер, т.е. они неотделимы от мифа и не могут рассматриваться вне рамок мифологического [17]. Следовательно, для культурного героя не менее важным являются конкретные мифологические формы, в которых образ культурного героя доносится до масс. Если прототип культурного героя представляет собой реальную историческую личность, то для массового сознания гораздо важнее становится именно миф, а не сам прототип, который неосознанно предается историческому забвению.

Культурный герой и миф являются равнозначными понятиями в философском смысле слова. Бытие культурного героя, преодоление им временной и пространственной энтропии связано с формой мифа, который, приспосабливаясь к новой информационной ситуации, продолжает играть решающую роль в определении социальной онтологии. Это влияние на социальное и культурное развитие является объектом отдельных сфер исследования во всех отраслях науки, однако с точки зрения культурологии важным является их функциональное единство в отношении к культуре и обществу в целом. Культурный герой, как и миф, соединяет бытие и небытие, культуру и некультуру. Р. Барт прибегает к сравнению мифа и культурного героя, так как оба этих явления находятся в пограничном отношении ко всем существующим мирам [3].

Стоит отметить, что миф — это коллективная историческая память [26], а следовательно, невозможно говорить о появлении мифа без осознания некой социальной группой своей общности и вычленения себя из социального и этнического окружения. Именно поэтому культурные герои наделяются функциями устроителей порядка. «Процесс гармонизации хаоса проявляется в различных аспектах. Это миротворение: от вышнего, демиургического к вполне земному, “бытийному”. Для Индры — это разделение мира; для Прометея — сотворение, воссотворение человека и организация человеческой жизни; для Йимы — организация упорядоченного мира, космоса посреди хаоса неоформленных стихий; для Гильгамеша — сооружение стен Урука, что тождественно вычленению из хаоса организованного космоса» [17].

Стоит отметить, что развитие религии и укоренение определенных принципов богопочитания и поклонения определило появление нового Хаоса — религиозного. В средневековой Европе данное явление нашло отражение в обожествлении Церкви, которая сравнивалась с Богородицей. Ле Гофф [21] отмечает, что роль, которую на себя взяла католическая церковь, на протяжении всего Средневековья утяжеляла всю философско-социальную нагрузку на общество, что и стало причиной Реформации в начале XVI в.

Архаическое, мифологизированное чувственно-символическое восприятие мира неумолимо сталкивалось с возрастающей гносеологической потребностью интеллектуальных кругов в рациональном объяснении веры [23, с. 63]. Если Ансельм Кентерберийский продолжал еще античную традицию разумного доказательства существования Бога, то Мартин Лютер со всей очевидностью поставил вопрос о необходимости церковного посредничества между человеком и Богом. При этом при переходе образов конкретных исторических деятелей, философов в плоскость мифа эти персонажи приобретают особую функциональную нагрузку, которая по средству идейного воздействия на общество трансформирует его онтологическое наполнение.

Долгое время данное положение в науке и искусстве было определенной константой, так как научные и интеллектуальные круги столкнулись с новой проблемой. Всеобщее образование, развитие СМИ привели к возникновению массового сознания, которое существенно расширило запрос на транслируемые социальные онтологии, обусловив тем самым необходимость в конкретном наборе мифов и культурных героев, сплачивающих и мобилизующих общество.

Несмотря на количественное превосходство населения земли, человечество не успело перейти в новое качественное состояние, что привело к возникновению массового сознания, форме коллективного мышления выражающейся, в частности, в частичном подавлением воли, информационном давлении [4].

Массовое сознание является общепризнанной формой организации онтологии больших национальных и транснациональных сообществ индивидов, объединенных по тому или иному признаку. Традиционно под массовым сознанием принято понимать повседневное знание масс [32]. Сле-

довательно, массовое сознание складывается само собой при активном участии некоторых институтов, которые могут доносить до широкого круга лиц то или иное сообщение. Эти институты требовали высокой степени развития общества, с одной стороны, а с другой — обуславливали определенную монополию на источник информации.

Стоит заметить, что массовое сознание было не характерно для Средневековья или Нового Времени, т.е. до 1914 г., пока у населения не возникла потребность в осознании своей общей судьбы вне рамок своего замкнутого архаичного мира (Средневековье) или своего класса, социального слоя, который вынужден был отстаивать свои классовые, социальные права и свободы (Новое Время). Первая мировая война (1914–1918 гг.) стала катализатором возникновения массового сознания, а развитие СМИ в середине века привело к возникновению массового сознания как отдельного способа мышления больших групп индивидов.

«Повседневное сознание не только массово, оно обладает рядом выразительных черт: строится вокруг субъекта, опирается на “здравый смысл”, подчиняется нормам и правилам, сложившимся в обществе. Оно коммуникативно-направлено» [15]. Следовательно, массовое сознание складывается в результате массовой коммуникации и на основании её определяются основные сущностные аспекты, которые проявляются так или иначе в социальных отношениях.

Благодаря массовому сознанию человечество получило важный урок, который заключается в преступлениях XX в., совершенных теми или иными политическими режимами. При этом невиновность масс не может более быть аргументом, так как слияние индивидуального и массового сознания и есть своего рода преступление перед обществом. Индивид, вручивший свою волю массе — вот преступление, которое сопоставимо с казнью Людовика XVI [16, с. 55]. Отказ человека от собственной воли и, как следствие, отказ от свободы эстетического восприятия. Саморефлексия передана на уровень массового сознания.

Те же явления происходят и сфере культуры. Культурные герои вынуждены играть по правилам массового общества, трансформируя тем самым культурную матрицу. Культура в условиях массового сознания становится заложницей форматов. «Мировая культура — мощная сила, которая не только обновляет, но и переформировывает древние национальные культуры, духовный облик, производство и быт человечества, обогащая национальные идеалы, ценности, приоритеты и подчас остро сталкиваясь с ними. Так, контракт с мировой культурой породил Пушкина, отечественные живопись и оперу, инженерное дело и железные дороги. Разгром этого контракта в декабре 1825 г. законсервировал самодержавие, крепостное право и нищенскую экономику» [9].

Рынок регулирует культуру, предоставляя потребителю право самому выбирать, что он хочет увидеть, что он хочет «купить». В таких условиях умирает не только автор, но и стремление зрителя воспринимать и эстетически анализировать произведения искусства. Реальность смещает акцент зрителя с эстетического удовольствия на потребление. В таких условиях культурные герои появляются практически в каждом поколении, то сходя со страниц литературных произведений, то в качестве реальных исторических персонажей.

«Массы не дают себя никогда убеждать доказательствами, но только утверждениями, и авторитет этих утверждений зависит от того обаяния, каким пользуется тот, кто их высказывает» [24, с. 20]. Именно поэтому, массовое сознание не имеет ничего общего с сознанием отдельного индивида, так как индивидуальное сознание способно к доказательному рассуждению, а также к синтетическим суждениям. С другой стороны, по мнению Лебона, каждое утверждение, усвоенное массовым сознанием, приобретает догматические формы, бороться с которыми абсолютно невозможно.

При всех негативных чертах массового сознания у него есть и очевидный плюс: массовым сознанием проще манипулировать, а индивид (особенно на основании выводов своего «здравого смысла») оказывается неспособен противостоять давлению массового сознания и просто принимает на веру. Сами массы и массовое сознание при этом не обладают постоянной потенцией, ограничиваясь лишь актуальными действиями, связанными с воплощением в жизнь того или иного доминирующего догмата. «Воображению массы представляются колеблющимися где-то между пассивностью и необузданной спонтанностью, но всякий раз как энергия потенциальная, как запас социального и социальной активности: сегодня они — безмолвный объект, завтра, когда возьмут слово и перестанут быть “молчаливым большинством”, — главное действующее лицо истории. Однако истории, достойной описания, — ни прошлого, ни будущего — массы как раз и не имеют» [7].

«В нашей отечественной традиции А.А. Ухтомский, Н.А. Бернштейн, А.Н. Леонтьев, А.В. Запорожец к числу функциональных, а не анатомо-

морфологических органов отнесли живое движение, предметное действие, интегральный образ мира, установку, эмоцию и т.д. В своей совокупности они составляют духовный организм. В этом же ряду или, скорее, в качестве суперпозиции функциональных органов должно выступать сознание» [14]. Массовое сознание как суперпозиция постоянно навязывает собственную имманентную логику тем или иным компонентам, в том числе и мифу.

Говоря о структуре коллективного сознания, стоит отметить его многосоставность. В.Г. Немировский предлагает выделять сознательные и несознательные компоненты массового сознания [30]. «Первый уровень — когнитивный — включает когнитивные элементы ценностных ориентации, существующих в массовом сознании. Второй уровень — аффективный — содержит эмоциональные (аффективные) компоненты ценностных ориентации» [30].

К когнитивным элементам массового сознания можно отнести все попытки дискуссий в СМИ, т.е. актуальное освещение тех или иных событий и споры относительно их сущности и важности для общества. Аффективные компоненты — это уже пережитой опыт, готовая и архетипично закрепленная реакция на тот или иной раздражитель. Зачастую именно на основании аффективных компонентов и развивается когнитивная работа массового сознания как попытка соотнести реальность и новый опыт с переживаниями прошлого. Именно к аффективным компонентам массового сознания стоит относить и миф.

Изучение мифов началось с осмысления мифологического опыта Древнего мира и Средневековья. Сущность исследований Мелетинского, Ле Гоффа, Дибуа сводится к определению и роли мифических героев и персонажей, а также их воздействия на культуру народов мира. Не случайно, что первые исследования мифологии и ее трансформации относятся именно к началу XX в. Вполне закономерно, что уже К.А. Богданов [6] предлагает смотреть на миф как на культурную традицию, порожденную теми или иными социально-политическими реалиями, в которых данный миф был впервые сформулирован.

Однако формирование мифа, а также его прочное закрепление в массовом сознании являются долгосрочным процессом, который, ускоряясь в условиях информационного общества, протекал гораздо медленнее и был связан с литературной и изобразительной традицией. «С того времени, как новая идея водворилась в мире, она кладет свою печать, на малейшие элементы цивилизации; но чтобы эта идея могла произвести все свои следствия, всегда нужно, чтобы она проникла в душу масс» [24]. Более того, долгосрочное существование мифа (более 1000 лет для западноевропейской традиции) вызывает определенную трансформацию мифа в массовом сознании, но в сущности своей миф остается носителем того или иного сообщения.

По своей сути миф — это не простое предание, не простая сентенция, не простая, застывшая формула. Миф выступает катализатором массового сознания, так как «миф есть в словах данная чудесная личностная история» [26], которая способна побудить массовое сознание, указав массам на возможность актуальной реализации их функционального потенциала. В то же самое время, миф является и формой коллективной исторической памяти, т.е. исторического опыта того или иного народа [26].

Именно поэтому под мифом как составной частью массового сознания необходимо понимать *его аффективный компонент, относительно которого воспринимается любая информация, любое событие современности, важное для массового сознания в том или ином масштабе*. Стоит отметить, что раздражитель (триггер), который способен привести миф в действие и пробудить его потенциал, может быть как значительным (военное поражение нации, массовые митинги), так и незначительным (уничтожение музея, создание новой государственной награды). Именно поэтому миф как компонент массового сознания выполняет важные функции в рамках всех составляющих систему массового сознания.

Следовательно, культурный герой как компонент социокультурной матрицы общества имеет своё творческое выражение в мифе, который в свою очередь выступает в качестве релятивной оболочки для сообщения, передаваемого культурным героем обществу. При этом в зависимости от степени сегментации общества в экономическом, социальном, культурном и этническом планах один и тот же культурный герой может восприниматься по-разному в силу различной интерпретацией мифологического смысла героического образа.

Однако сам культурный герой также зависит от того, как его воспринимают, так как именно в восприятии культурного героя выражается гегелевский принцип слияния субъекта и объекта в одну познаваемую и одновременно познающую единицу. С одной стороны, культурный герой выступает

в качестве иконы для общества, а с другой, общество обеспечивает поступательное развитие собственных структур, благодаря ориентации на идеальные образы и образцы социального поведения.

Культурный герой несет в себе смысловую нагрузку центральной опоры любой культуры, основы целостности любого общества. При этом передача информации о культурном герое происходит только чувственным путем, через сказки, мифологию, искусство, а в настоящее время и через СМИ и Интернет [37]. Следовательно, современная культурная матрица формируется далеко не традиционными средствами, что вынуждает культурного героя искать новые формы и форматы, чтобы быть услышанным, чтобы не стать мертвым языком, как любой умерший миф называл Р. Барт [3].

Стоит заметить, что в XX в. миф как икона демонстрировал определенную целостность, сохраняя собственный смысл, продолжая доносить до общества ту или иную информацию. Это выражалось, в частности, в создании кинофильмов в 20–30 гг. в СССР и фашистской Германии, когда воскрешение образа культурного героя в новой форме — кинематографе — как бы приблизило зрителя к героическим временам, к тем культурным кодам, которые были наиболее востребованы в тот период времени. Культурный герой продолжал нести некий смысл, сохраняя собственное смысловое и функциональное наполнение.

При этом, исследования тоталитарного общества [1] четко определили, что именно культурная пропаганда, а также спекуляции с массовым сознанием обеспечивают тотальный контроль над обществом. Именно после Второй мировой войны впервые в истории человечества статус культурной мифологемы, от трактовки смысла которой остро зависит реальность, получило событие — война [2]. Наполнение этой мифологемы смыслом стало задачей нескольких поколений историков, журналистов и литераторов, каждый из которых исследовал исторический опыт войны, пытаясь добиться тех или иных результатов.

В то же самое время ускорение истории [45], повышение объема информации, повышение географического охвата СМИ привели к тому, что культурные герои стали появляться в самой новейшей истории. Ганди, Гевара, Джобс — эти три примера доказывают, с одной стороны, и героичность этих персонажей, а с другой — демонстрируют развитие трех абсолютно различных культур — толерантности, революционности и креативности. Примечательно, что данные культурные герои каждый в своей степени служили живыми антагонистами того общества, в котором они жили [27].

Однако почитателей Ганди по всему миру все больше и больше, а о восстановлении колониальной системы речи идти не может. Следовательно, культурные герои не только осуществляют ограничительные функции для массового сознания, но и устремляют человечество в историю, в развитие, своим примером указывая на далекий и абсолютный предел в развитии в совершенствовании. Именно к такому итогу приходит Гегель, определяя сущность человеческого бытия: «Человек, конечное сознание, есть дух в определении конечности» [12, с. 81].

Именно исходя из такого понимания назначения культурного героя и его роли в современном обществе можно понять суть культурного героя как явления в культуре. Сам по себе мифологизированный персонаж не представляет никакой ценности, так как в условиях современного информационного общества никакое сообщение не может быть услышано в полной мере. Следовательно, именно социальное воплощение культурного героя [см., напр., 23], превращение человека в сотворца реальности, который своим творческим потенциалом может существенно изменить мир, представляет собой гносеологический предел познания культурного героя как объекта исследования [13].

Однако даже переход архетипа культурного героя в массовое сознание не станет достаточным основанием для перестройки всей структуры общества [42]. Именно поэтому большинство общественных деятелей, которые пытаются продемонстрировать миру необходимость успокоения, как правило, являются путешественниками, учеными, литераторами. Современность запирает человека в узкие рамки условностей и невозможности становления новой парадигмы мышления и социального познания.

Именно в такой культурной и философской ситуации человечество стоит перед выбором новых культурных героев для дальнейшего духовного роста и развития. Культурный герой может стать доминирующим архетипом в массовом сознании современности, что автоматически обусловит возникновение новой культурной ситуации, нового времени. История XX в. закончилась символической статьей Ф. Фукуямы «Конец истории». Философ предрекает всемирную победу либерально-демократических институтов, которые статут логическим концом всей человеческой ис-

тории [41]. Матрица современной культуры не является когерентной, именно поэтому возрастает роль культурного героя в определении характеристик всей матрицы.

Таким образом, культурный герой, впервые появившийся в далекой архаике, прошел вместе с человеком практически весь исторический путь, уступив свое господство в искусстве только на короткую эпоху романтизма XVIII–XIX вв. Гуманизм во многом стремился превратить само человеческое бытие в культурно-героическое явление, но человеческий потенциал оказался переоценен, а на смену реальному созидательному бытию человека пришло бытие созерцательное.

Список литературы

1. *Арендт Х.* Истоки тоталитаризма. М.: Центр-Ком, 1996. 672 с.
2. *Афанасьева А.И.*, Меркушин В.И. Великая Отечественная война в исторической памяти россиян // Социологические исследования. 2005. № 5. С. 11–22.
3. *Барт Р.* Миф сегодня // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1994. Т. 1. С. 72–130.
4. *Барышников С.В.* Глобализация и массовое сознание // Материаля LII отчетной научной конференции преподавателей. Воронеж, 2014. С. 31.
5. *Белик А.А.* Культурология: Антропологические теории культур: учеб. пособие / Российский гос. гуманит. ун-т, 2000. 241 с.
6. *Богданов К.А.* Повседневность и мифология: Исследования по семиотике фольклорной действительности. СПб.: Искусство–СПБ, 2001. 438 с.
7. *Бодрийар Ж.* В тени молчаливого большинства. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2000. 96 с.
8. *Боэций.* «Утешение философией» и другие трактаты. М.: Наука, 1990. 415 с.
9. *Васильчук Ю.А.* Социальное развитие человека в XX веке. Фактор культуры // Общественные науки и современность. 2003. № 1. С. 5–29.
10. *Воеводина Л.Н.* Мифология и культура. М.: Инт общегуманитарных исследований, 2002. 384 с.
11. *Гаврилов Д.А.* О функциональной роли Трикстера. Локи и Один как эддические трикстеры // Вестник традиционной культуры: статьи и документы. 2005. Вып. 3. С. 33–59.
12. *Гегель Г.В.Ф.* Философия религии. Т. 2. М., 1977. 540 с.
13. *Гусейнов А.А.* Мораль как предел рациональности // Вопросы философии. 2012. № 5. С. 4–17.
14. *Зинченко В.П.* Миры сознания и структура сознания // Вопросы психологии. 1991. № 2. С. 15–36.
15. *Золотухина-Аболина Е.В.* Постмодернизм: распад сознания // Общественные науки и современность. 1997. № 4. С. 185–192.
16. *Камю А.* Бунтующий человек. М., 1990. 419 с.
17. *Касумова Ф.* Сущность и функции культурного героя-демиурга в мифологии // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. 2012. Т. 25(64), № 3, ч. 1. С. 214–218.
18. *Коктыш К.Е.* Закономерности и динамика развития социальных онтологий // Политические исследования. 2002. № 3(68). С. 41–56.
19. *Кондратьев А.В.* Концепция Спасителя в позднеантичном гностицизме. URL: http://new.philos.msu.ru/uploads/media/26_Kondratev_A._V._Koncepcija_Spasitelja_v_pozdneantichnom_gnosticizme.pdf (дата обращения: 17.09.2014).
20. *Ксенофонтова И.В.* Специфика коммуникации в условиях анонимности: меметика, имиджборды, троллинг // Интернет и фольклор: сб. статей. М.: ГРЦРФ, 2009. С. 285–293.
21. *Ле Гофф Ж.* Цивилизация средневекового запада. М.: Прогресс–Академия, 1992. 376 с.
22. *Ле Гофф Ж.* Интеллектуалы в Средние века. Долгопрудный: Аллегро-Пресс. 1997. 210 с.
23. *Лебедева Н.Б.*, Шкаратан О.И. Очерки истории социалистического соревнования. Л.: Лениздат, 1966. 276 с.
24. *Лебон Г.* Психология народов и масс. СПб., 1995. 164 с.
25. *Леви-Стросс К.* Структура мифов // Вопросы философии. 1970. Т. 7. С. 154–164.
26. *Лосев А.Ф.* Диалектика мифа // Лосев В.Ф. Из ранних произведений. М.: Правда, 1990. С. 393–599.
27. *Мелетинский Е.М.* Аналитическая психология и проблема происхождения архетипических сюжетов // Сумма психоанализа: антология. 1991. Т. 19. С. 106–115.
28. *Мелетинский Е.М.* Предки Прометея (культурный герой в мифе и эпосе) // Вестник истории мировой культуры. 1958. № 3. С. 114–132.
29. *Мифы* народов мира / под ред. С.А. Токарева. М.: Сов. энциклопедия, 1991. Т. 1. 671 с.
30. *Немировский В.Г.* Массовое сознание и бессознательное как объект постнеклассической социологии // Социологические исследования. 2006. № 2. С. 13–19.
31. *Слотердайк П.* Критика цинического разума. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001. 584 с.
32. *Смирнова Н.* Классическая парадигма социального знания и опыт феноменологической альтернативы // Общественные науки и современ-

ность. 1995. № 1. С. 127–137.
33. *Спенс Л.* Мифы североамериканских индейцев. М.: Центрполиграф, 2006. 336 с.
34. *Степин В.С.* Философская антропология и философия науки. М.: Высшая школа, 1992. 191 с.
35. *Струве П.Б.* Культура и личность // Избранные произведения. М., 1990. С. 135–142.
36. *Терещенко Н.А.*, Шатунова Т.М. Постмодерн как ситуация философствования. СПб.: Алетейя, 2003. 192 с.
37. *Тер-Минасова С.Г.* Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово, 2008. 624 с.
38. *Тихомирова Л.А.* Религиозно-философские основы истории. М.: Москва, 1997. 592 с.
39. *Тяглова М.А.* Игровые аспекты стихийной мифологизации // Ученые записки Таврического национального университета. 2013. № 3(65). С. 274–281.
40. *Фромм Э.* Здоровое общество. Догмат о Христе / пер. с нем. М: АСТ: Транзиткнига, 2005. 576 с.
41. *Фукуяма Ф.* Конец истории. URL: http://www.patriotica.ru/actual/fukuyama_end.html (дата обращения: 24.09.2014).
42. *Хевеши М.А.* Массовое общество в XX веке // Социологические исследования. 2001. № 7. С. 3–12.
43. *Чернявская Ю.В.* Трикстер, или Путешествие в хаос // Человек. 2004. № 3. С. 37–52.
44. *Macmillan* English Dictionary for advanced learners. Malaysia, 2007. 1500 p.
45. *Snooks G.D.* Why is history getting faster? Measurement and explanation // Философские науки. 2005. № 4. С. 51–68.
46. *Wirth H.* Die Heilige Urschrift der Menschheit. Berlin; Leipzig, 1936.

Получено 19.01.2015

References

1. Arendt H. *Istoki totalitarizma* [Routs of totalitarianism]. Moscow, 1996, 672 p. (In Russian).
2. Afanas'eva A.I., Merkushin V.I. [The Great patriotic war in the historical memory of the Russians]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. 2005, no 5, pp. 11–22. (In Russian).
3. Barthes R. [Myth today]. *Izbrannye raboty: Semiotika. Poetika. T. 1* [Selected papers: Semiotics. Poetics. Vol. 1]. 1994, pp. 72–130. (In Russian).
4. Baryshnikov S.V. [Globalization and mass consciousness]. *Materialy LII otchetnoy nauchnoy konferentcii* [Proceedings of the LIInd scientific reporting conference]. Voronezh, 2014, p. 31 (In Russian).
5. Belik A.A. *Kul'turologiya: Antropologicheskie teorii kul'tur* [Culturology: Anthropological theories of cultures]. Russian State Humane Institute, 2000, 241 p. (In Russian).
6. Bogdanov K.A. *Povsednevnost' i mifologiya: Issledovaniya po semiotike fol'klornoj dejstvitel'nosti. Iskusstvo* [Everyday routine and mythology: Researches on semiotics of folkloric reality. Art]. Saint Petersburg, Iskusstvo-SPB Publ., 2001, 438 p. (In Russian).
7. Baudrillard J. *V teni molchalivogo bol'shinstva* [In the shadow of the silent majorities]. Yekaterinburg, Ural university Publ., 2000, 96 p. (In Russian).
8. Biethius. *Uteshenie filosofiej i drugie traktaty* [Consolation by philosophy]. Moscow, Science Publ., 1990, 451 p. (In Russian).
9. Vasil'chuk Yu.A. [Social development of a human in the XXth century. Culture factor]. *Obschestvennye nauki i sovremennost'* [Social sciencies and modenity]. 2003, no 1, pp. 5–29. (In Russian).
10. Voevodina L.N. *Mifologiya i kul'tura* [Mythology and culture]. Moscow, Institute of Allhumanities researches Publ., 2002, 384 p. (In Russian).
11. Gavrilov D.A. [On functional role of trickster. Loki and Odin as Edda tricksters]. *Vestnik traditsionnoj kul'tury: Stat'i i dokumenty* [Bulletin on traditional culture: Articles and documents]. 2005, vol. 3, pp. 33–59. (In Russian).
12. Hegel G.W. *Filosofiya religii. T. 2* [Philosophy of religion. Vol. 2]. Moscow, 1977, 540 p. (In Russian).
13. Gusejnov A.A. [Morality as rationality limit]. *Voprosy filosofii* [Issues of philosophy]. 2012, no 5, pp. 4–17. (In Russian).
14. Zinchemko V.P. [The worlds of consciousness and the structure of consciousness]. *Voprosy psihologii* [Issues on psychology]. 1991, no 2, pp. 15–36. (In Russian).
15. Zolotuhina-Abolina E.V. [Postmodernism: disintegration of consciousness]. *Obschestvennye nauki i sovremennost'* [Social sciencies and modenity]. 1997, no 4, pp. 185–192. (In Russian).
16. Camus A. *Buntuyuschij chelovek* [The rebel]. Moscow, 1990, 419 p. (In Russian).
17. Kasumova F. [Essence and functions of a culture hero-demiurge in mythology]. *Uchenye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo* [Proceedings of Taurida National V.I. Vernadsky University]. 2012, vol. 25(64), no 3, part 1, pp. 214–218. (In Russian).
18. Koktysh K.E. [Regularities and the dynamics of development of social ontologies]. *Politicheskie issledovaniya* [Political Studies]. 2002, no 3(68), pp. 41–56. (In Russian).
19. Kondrat'ev A.V. *Kontseptsiya Spasitelya v pozdneantichnom gnostitsizme* [Concept of the Savior in late antique gnosticism]. Available at: http://new.philos.msu.ru/uploads/media/26_Kondra

tev_A._V._Koncepcija_Spasitelja_v_pozdneantichnom_gnosticizme.pdf (accessed 17.09.2014). (In Russian).
20. Ksenofontova I.V. [Specifics of comunication under the conditions of anonymity: memetics, imageboards, trolling]. *Internet i fol'klor: sbornik statej* [Internet and folklore: collection of articles]. Moscow, State Republic Centre of the Russian folklore Publ., 2009, pp. 285–293. (In Russian).
21. Le Goff J. *Tsivilizatsiya srednevekovogo zapada* [Medieval civilization]. Moscow, Progress–Akademia Publ., 1992, 376 p. (In Russian).
22. Le Goff J. *Intellektualy v Srednie veka* [Intellectuals in the Middle Ages]. Dolgoprudny, Allegro-Press Publ., 1997, 210 p. (In Russian).
23. Lebedeva N.B., Shkaratan O.I. *Ocherki istorii sotsialisticheskogo sorevnovaniya* [Sketch books on socialist competition history]. Leningrad, Lenizdat Publ., 1966, 276 p. (In Russian).
24. Le Bon G. *Psihologiya narodov i mass* [The crowd: a study of the popular mind]. Saint Petersburg, 1995, 164 p. (In Russian).
25. Levi-Strauss K. [Structure of myths]. *Voprosy filosofii* [Issues of philosophy]. 1970, vol. 7, pp. 154–164. (In Russian).
26. Losev A.F. [Dialectics of a myth] *Losev V.F. Iz rannih proizvedeniy* [Losev V.F. From the early works] Moscow, Pravda Publ., 1990, pp. 393–599. (In Russian).
27. Meletinskij E.M. [Analytic psychology and the problem of the origins of mythos]. *Summa psihoanaliza* [Psychoanalysis sum]. 1991, vol. 19, pp. 106–115. (In Russian).
28. Meletinskij E.M. [Prometheus's ancestors (culture hero in myth and epos)]. *Vestnik istorii mirovoj kul'tury* [Bulletin of world culture history]. 1958, no 3, pp. 114–132. (In Russian).
29. *Mify narodov mira* [Nations' myths]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1991, vol. 1, 671 p. (In Russian).
30. Nemirovski V.G. [Mass consciousness and unconscious as an object of postnonclassic sociology]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. 2006, no 2, pp. 13–19. (In Russian).
31. Sloterdijk P. *Kritika tsinicheskogo razuma* [Critique of cynical reason]. Yekaterinburg, Ural university Publ., 2001, 584 p. (In Russian).
32. Smirnova N. [Classic paradigm of social knowledg and the experience of phenomenological alternative]. *Obschestvennye nauki i sovremennost'* [Social sciencies and modenity]. 1995, no 1, pp. 127–137. (In Russian).
33. Spence L. *Mify severoamerikanskih indejtsev* [North American Indians' myths]. Moscow, Centrpoligraf Publ., 2005, 336 p. (In Russian).
34. Stepin V.S. *Filosofskaya antropologiya i filosofiya nauki* [Philosophic anthropology and philosophy of science]. Moscow, 1992, 191 p. (In Russian).
35. Struve P.B. [Culture and personality]. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected papers]. Moscow, 1990, pp. 135–142. (In Russian).
36. Tereschenko N.A., Shatunova T.N. *Postmodern kak situatsiya filosofstvovaniya* [Postmodern as situation of philosophism]. Saint Petersburg, Aletejya Publ., 2003, 192 p. (In Russian).
37. Ter-Minasova S.G. *Yazyk i mezhkul'turnaya kommunikatcia* [Language and Intercultural communication]. Moscow, Slovo Publ., 2000, 624 p. (In Russian).
38. Tihomirova L.A. *Religiozno-filosofkie osnovy istorii* [Religious and philosophical basics of history]. Moscow Publ., 1997, 592 p. (In Russian).
39. Tyaglova M.A. [Game aspects of accidental mythologization]. *Uchenye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo* [Proceedings of Taurida National V.I. Vernadsky University]. 2013, no 3(65), pp. 274–281. (In Russian).
40. Fromm E. *Zdorovoe obschestvo. Dogmat o Hriste* [The sane society. The dogma of Christ]. Moscow, AST Tranzitkniga Publ., 2005, 576 p. (In Russian).
41. Fukuyama F. *Konets istorii* [The end of history]. Available at: http://www.patriotica.ru/actual/fukuyama_end.html (accessed 24.09.2014). (In Russian).
42. Kheveshi M.A. [Mass society in the XXth century]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. 2001, no 7, pp. 3–12. (In Russian).
43. Chernyavskaya Yu.V. [Trickster or journey to chaos]. *Chelovek* [The Man]. 2004, no 3, pp. 37–52. (In Russian).
44. Macmillan English Dictionary for advanced learners. Malaysia, 2007. 1500 p.
45. Snooks G.D. [Why is history getting faster? Measurement and explanation] Filosofskie nauki [Philosophical sciences]. 2005, no 4. pp. 51–68.
46. Wirth H. Die Heilige Urschrift der Menschheit. Berlin; Leipzig, 1936.

The date of the manuscript receipt 19.01.2015

CULTURE HERO AND TRICKSTER: FUNCTIONAL AND ONTOLOGICAL SIMILARITIES

Alina V. Shevyakova

Moscow State Institute of International Relations (University) of the MFA of Russia;
76, Vernadskiy av., Moscow, 119454, Russia

The article deals with the question of the culture hero functional features and trickster in today's society and the mass consciousness. Culture hero and trickster as important elements of the cultural matrix have a great influence on the state and development of social ontology, which reflect mythological public consciousness. The differences in the public perception of the culture hero and the trickster define a set of tools by which the transformation of social ontology, depending on the tasks facing the society in a particular historical period.
Key words: cultural hero; the trickster; the public consciousness; myth; social ontology; scientific thinking; being.

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:
Шевякова А.В. Культурный герой и трикстер: функциональные и онтологические сходства // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2015. Вып. 1(21). С. 32–42.

Please cite this article in English as:
Shevyakova A.V. Culture hero and trickster: functional and ontological similarities // Perm University Bulletin. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2015. Iss. 1(21). P. 32–42.

УДК 141.332(91)

ХРИСТИАНСКАЯ ГНОСЕОЛОГИЯ В.В. ЗЕНЬКОВСКОГО: КРИТИКА АВТОНОМНОГО РАЗУМА

Сидорин Владимир Витальевич,
кандидат философских наук, научный сотрудник
Институт философии РАН,
119991, Москва, ул. Волхонка, 14;
e-mail: vlavitsidorin@gmail.com

В статье рассматривается учение В.В. Зеньковского о познании, представленное в первом томе «Основ христианской философии». Выдвигается тезис, что одним из основных моментов данного учения является критика принципа автономного разума, лежащего, по мнению В.В. Зеньковского, в основе практически всех гносеологических учений. Обосновывается, что данная критика формулируется в значительной степени как ответ на результат, на его взгляд, неудовлетворительного развития гносеологических построений русской религиозно-философской традиции. Рассматриваются ключевые аспекты этой критики и решения В.В. Зеньковским основных гносеологических проблем: соотношения разума и опыта, разума и «сердца», разума и веры, проблемы гносеологического субъекта и гносеологической координации. Прослеживается формулирование мыслителем учения о целостности познавательных сил субъекта.

Ключевые слова: гносеология; христианство; русская религиозно-философская традиция; гносеологический дуализм; автономия разума; вера; целостность; Абсолютное.

«Основы христианской философии», опубликованные в 1961–1964 гг., стали последней работой В.В. Зеньковского — известного религиозного философа русского зарубежья, итогом его многолетних философских и богословских штудий и размышлений. В ней В.В. Зеньковский дает очерк христианской философии, в котором значительное место отведено решению гносеологической проблематики. Мыслитель был убежден, что культурный дуализм — радикальное противопоставление христианства и жизни, христианства и культуры, лежащее, на его взгляд, в основе современной эпохи, — есть прямое следствие того, что христианское сознание не сумело предоставить целостного учения о знании, породив гносеологический дуализм — радикальное противопоставление веры и знания. Если православное богословие вообще не разработало целостного учения о познании, то католичество, а вслед за ним протестантизм пошли, по мнению В.В. Зеньковского, по ложному пути и возвели в основополагающий принцип своих гносеологических изысканий положение о самодостаточности разума, который якобы может и должен развивать свои построения независимо от веры. Из христианского богословия этот принцип перешел в светскую культуру, став одним из ключевых ее основоположений. Именно он породил, по мнению мыслителя, «самый роковой и больной факт нашей эпохи» — принцип «нейтральности культуры», заключающийся в ее мнимой независимости от веры и через многовековую дехристианизацию заведший культуру в тупик [3, с. 405]. Гносеологическая проблематика, таким образом, является для В.В. Зеньковского ключом к решению философско-исторических и общекультурных вопросов. На наш взгляд, именно этим, а не установкой на «внутреннее преодоление трансцендентализма», как считал Л.А. Зандер, объясняется примат гносеологии в «Основах христианской философии», которая начинается с учения о познании [1, с. 53].

Русская религиозно-философская традиция, на его взгляд, также не смогла представить качественно иной подход к решению гносеологических проблем. Лишь А.С. Хомяков и И.В. Киреевский сумели наметить православный подход к гносеологии, а братья С.Н. и Е.Н. Трубецкие, М.М. Тареев, П.А. Флоренский и В.Д. Кудрявцев — несколько продвинуться на этом пути. И дело здесь не столько в том, что, как отмечал сам В.В. Зеньковский в «Истории русской философии», особенности русской философии «отодвигают гносеологию на второстепенное место» [2, с. 21], сколько в том, что русские религиозные философы за небольшим исключением по сути

© Сидорин В.В., 2015

разделяли основной принцип западной гносеологии — учение об автономности разума, в силу чего в той или иной степени переоценивали роль разума и недооценивали значение веры [4, с. 272]. Даже Л.И. Шестова — одного из самых антирационалистически настроенных представителей русской религиозно-философской традиции В.В. Зеньковский критикует за излишний рационализм и недостаточное внимание к вопросам веры, указывая, что «для построения религиозной философии нужно глубже и больше войти в область веры, а главное — до конца овладеть идеей Боговоплощения» [5, с. 171]. В «Основах христианской философии» чувствуется своеобразная глубокая неудовлетворенность В.В. Зеньковского русской религиозно-философской традицией в ее гносеологических аспектах. Этой неудовлетворенности еще нет в «Истории русской философии», в заключении к которой В.В. Зеньковский указывал, что если на Западе победила идея независимости разума от веры, то в России этот спор разума с верой еще не закончен, «еще идет борьба, равновесие еще не найдено» [2, с. 867]. Л.А. Зандер рассматривал «Основы христианской философии» как последнюю главу, своеобразный эпилог к «Истории», в котором В.В. Зеньковский изложил собственные философские взгляды, завершив тем самым историю русской философии, к которой сам и принадлежал [1, с. 51]. Но, добавим, «Основы» можно считать эпилогом к «Истории» и в том смысле, что в них мыслитель серьезно корректирует данную ранее оценку гносеологических изысканий русской религиозно-философской традиции, с одной стороны, констатируя их неудовлетворенность, с другой стороны, намереваясь исправить ситуацию. В этом нельзя не видеть определенной идейной эволюции В.В. Зеньковского, связанной, на наш взгляд, с принятием им в 1944 г. священнического сана и, как следствие, постепенной переоценкой и уточнением с богословских позиций некоторых аспектов его мысли.

В первом томе «Основ христианской философии» автор намечает решение с позиций христианского учения целого комплекса гносеологических проблем. Лейтмотивом работы становится критика принципа автономии разума, который, по мнению В.В. Зеньковского, дает превратное представление о познавательной активности субъекта и в той или иной степени лежит в основе практически всех философских учений о познании. Данный принцип привел к возникновению гносеологического дуализма, который, в представлении мыслителя, стал трагическим результатом развития западной христианской мысли, рассекшей «единую целостность познавательного процесса» [4, с. 218]. Этот трагический раскол В.В. Зеньковский связывает с нежеланием средневековой католической мысли отмежеваться от построений Аристотеля и вместе с тем неспособностью воспринять, «оцерковить» наследие античного философа. В итоге античная философская мысль начинает восприниматься как построения «естественного разума», который в свою очередь трактуется как самодостаточная познавательная способность. Ключевую роль в установлении подобного мнимого «равновесия» между «естественным разумом» и верой В.В. Зеньковский отводит Фоме Аквинскому. В течение последующих веков автономия разума, по мнению философа, возводится в принцип европейской культуры и приводит к возникновению принципиального дуализма христианства и жизни. В противовес положению об автономии разума В.В. Зеньковский формулирует основной, на его взгляд, принцип христианской гносеологии — признание идеи синергизма в познании: «индивидуальный разум или разум совокупности людей должен быть восполнен благодатной помощью свыше» [4, с. 274]. Признание синергии основополагающим условием познания требует обоснования недостаточности самостоятельных усилий разума. Это и становится главной задачей В.В. Зеньковского в первом томе «Основ христианской философии». Строя учение о целостности познавательных сил человека, философ последовательно «умаляет» роль разума в познавательной активности субъекта. Кроме того, он лишает разум сколь-нибудь значимой роли в двух ключевых моментах своего учения о познании — объяснении гносеологической координации («встречи» субъекта и объекта в акте познания) и учении о гносеологическом субъекте познания. Главной характеристикой субъекта познания становится у В.В. Зеньковского целостность его познавательных сил. Мыслитель не отрицает важной роли разума в человеческом познании, однако настаивает на том, что придание ему исключительного значения неправомерно, и устанавливает фундаментальную зависимость разума от иных познавательных способностей субъекта — опыта, «сердца» и веры.

Опираясь на свою раннюю работу «Проблема психической причинности», а также на исследо-

вания В. Вундта, Г. Эббингауза, Р. Авенариуса, Н. Лосского, Э. Гуссерля, М. Мерло-Понти, В.В. Зеньковский указывает, что анализ «восприятий» — комплексов ощущений показывает их сложность и наличие в них уже определенной структуры. Данная структура, по его мнению, есть результат первоначальной обработки разумом чувственного материала — «первичная рационализация» опыта. Причем, настаивает В.В. Зеньковский, исследования вышеуказанных мыслителей доказывают принципиальную невозможность четкого разграничения здесь элементов чистого разума и элементов чистого опыта («чистых ощущений», по терминологии В. Вундта). Чувственный опыт оказывается, таким образом, неразделимым единством разума и непосредственных чувственных данных и служит материалом для «вторичной рационализации» («идеации»), суть которой, по В.В. Зеньковскому, заключается в восхождении разума от чувственного опыта к идеям. Мыслитель не проводит детального анализа процесса «первичной рационализации» опыта, указывая, что эта сложная тема требует отдельного исследования. Здесь В.В. Зеньковскому важна лишь констатация факта — рациональное наличествует уже в исходных для субъекта познания данных опыта и от них трудноотделимо. Его задача ограничивается здесь, на наш взгляд, с одной стороны, констатацией фундаментальной взаимозависимости разума и чувственных данных, а с другой стороны, с критикой трансцендентального идеализма Канта, в котором данная проблематика, по мнению автора «Основ христианской философии», представлена в «упрощенно ясном» виде [4, с. 276].

Не менее зависим разум в осуществлении своей познавательной функции и от «сердца», которому В.В. Зеньковский отводит роль центра эмоциональной и духовной жизни. Речь идет о фундаментальном «раздвоении в познавательной силе нашего духа», отмеченном уже Б. Паскалем, а в России — И.С. Киреевским, А.С. Хомяковым, Ф.М. Достоевским и П.Д. Юркевичем. Разум и «сердце» не являются автономными центрами познавательной деятельности субъекта, но дополняют друг друга. В.В. Зеньковский указывает, что истина есть неразделимое единство теоретического и аксиологического моментов и, ссылаясь на В.Д. Кудрявцева, который, по его мнению, впервые дал точную формулировку «теории истины», настаивает: истина «есть не только истина о том, что есть, но и о том, чем должна быть данная вещь» [4, с. 239]. Анализируя оценочную функцию «сердца», В.В. Зеньковский выделяет в данной оценке три аспекта: «биософскую» (соответствие или несоответствие вещи норме), эстетическую и моральную оценки. При этом подразумевается, что оценка во всех трех аспектах неразрывно связана с Абсолютным, которое и есть мерило нормы, добра и красоты. «Сердце», таким образом, оказывается у мыслителя важнейшей познавательной силой субъекта, не уступающей по своей важности разуму и непосредственно соотносящейся с Абсолютным; а познание — целостным и сложным процессом тесного взаимодействия разума и «сердца», процессом, в котором ни одна из познавательных сил субъекта не может действовать автономно.

Но самый ощутимый удар по принципу автономии разума В.В. Зеньковский намеревается нанести своим решением вопроса о соотношении веры и разума. Данный вопрос решается им в двух плоскостях. Во-первых, мыслитель настаивает на принципиальной невозможности беспредпосылочного знания. Фундаментальной аксиомой познания как такового, аксиомой, обеспечивающей саму возможность познания, В.В. Зеньковский считает «аксиому разумности бытия» — представление, согласно которому мир вокруг нас имеет смысл и может быть познан, по крайней мере отчасти, с помощью познавательных сил субъекта. Эта фундаментальная аксиома, а также ряд иных предпосылок познания принимаются на веру и не могут быть доказаны. Вера (не религиозная, а как таковая), таким образом, лежит у истоков рационального познания. Но В.В. Зеньковский идет еще дальше, заявляя, что «разум рождается в лоне веры» [4, с. 247]. Для обоснования этого положения В.В. Зеньковский ссылается на А.А. Козлова, развившего в своей гносеологии идею различия между «первичным» и «вторичным» сознанием (аналогичные воззрения В.В. Зеньковский отмечает у А.С. Хомякова и Ф.Г. Якоби). «Первичное сознание» еще не знает различения субъекта и объекта и состоит из неразделенного единства двух моментов — Богосознания и миросознания, различия между которыми, однако, еще не проявляются. Рассуждения и аргументация В.В. Зеньковского здесь очень лапидарны, что, впрочем, как отмечал в своей рецензии и Л.А. Зандер, может быть отнесено практически ко всем положениям его работы и объясняется тем, что замысел автора «Основ христианской философии» — наметить пути построения

христианской философии, а не детально разработать ее [1, с. 50]. По-видимому, речь идет о первоначальной интуитивной уверенности, что «Бог есть» и «мир есть», безотносительно к тому, что́ они есть. Именно своеобразное противопоставление этих моментов — «раздвижение» в пределах первичного (непосредственного) сознания, как выражается В.В. Зеньковский, происходящее как раз «по поводу мира», в котором обнаруживаются бесчисленные отличия от Абсолюта, приводит к рождению разума. Осознание различий означает начало рефлексии, рождающей собственно «вторичное сознание», включающее в себя «знание о Боге» и «знание о мире».

Таковы, по В.В. Зеньковскому, основы христианского учения о разуме. Разум в нем оказывается вторичной по отношению к вере познавательной способностью, зависимой от чувственных данных и представлений о должном. Двумя иными ключевыми гносеологическими вопросами, требующими решения, мыслитель считает вопрос о субъекте разума, подразумевающий объяснение «единства познавательных путей», и проблему гносеологической координации.

Дав краткий историко-философский экскурс в многочисленные попытки найти субъект разума и констатировав неудачу этих попыток, В.В. Зеньковский формулирует свое решение — учение о церковном разуме. Единство познавательной активности может быть объяснено, с его точки зрения, только с помощью понятия «единосущия человечества». Вместе с тем познавательная деятельность осуществляется исключительно в индивидуальном сознании, что ставит вопрос о его соотношении с этой некой единой сущностью человечества. Суть вопроса мыслитель поясняет с помощью аналогии с тринитарным богословием, позволяющей понять парадоксальный, с точки зрения разума, характер этого соотношения: «Субъект разума, искомый нами, и заключается в этой метафизической связанности “единой сущности” и многоипостасности всечеловечества» [4, с. 259]. А это и есть церковь, понимаемая как мистическое единство и единосущие индивидуальных сознаний.

Найденный гносеологический субъект позволяет, по мнению В.В. Зеньковского, разрешить проблему гносеологической координации. История философии дала, на его взгляд, несколько основных ответов на этот вопрос, которые не могут, однако, быть признаны удовлетворительными. В.В. Зеньковский критикует учение о «чуде гносеологической координации» Н.О. Лосского, отказывавшегося видеть в данной координации какую-либо проблему. Для него просто не существует разделенности мира на субъект и объект, и субъекту познания присуща способность непосредственно воспринимать мир так, как он есть. Эта способность есть первичный акт познания, которую Н.О. Лосский называет интуицией. Однако подобное решение проблемы вопроса автор «Основ христианской философии» находит странным и неприемлемым, трактуя его как отказ от объяснения. Здесь позиция Н.О. Лосского сближается с наивным реализмом, также отказывающемся видеть в субъект-объектном отношении в познании какую-либо проблему.

Трансцендентальный идеализм (И. Кант, И.Г. Фихте) приходит к решению проблемы гносеологической координации в абсолютном идеализме Г.В.Ф. Гегеля через отождествление субъекта и предмета познания. Однако подобное решение, по мнению В.В. Зеньковского, порождает иную проблему — невыводимость в рамках абсолютного идеализма эмпирической сферы. Эта проблема, на взгляд мыслителя, полностью обесценивает данное направление, делая его не более чем «чистой игрой ума». Трансцендентальному реализму, возникшему в трактовке В.В. Зеньковского как ответ гегелевскому идеализму (В. Вундт, Э. Гартман, В. Вильдельбанд, Г. Риккерт, Б.П. Вышеславцев, П.Б. Струве, «школа Соловьева») и признающему помимо прочего не только эмпирическую, но и трансцендентную (метафизическую) реальность, также не удается удовлетворительным образом разрешить данное гносеологическое затруднение. Наоборот, трансцендентальный реализм еще более усложняет проблему, подменяя один вопрос другим: ключевой нерешенной проблемой данного направления мыслитель считает соотношение трансцендентального и трансцендентного. В.В. Зеньковский отмечает и внутреннюю противоречивость трансцендентального реализма, наделяющего, по его мнению, трансцендентальное творческой силой и тем самым придающего ему «онтологическую массивность», которой, как это показывают гносеологические анализы самого трансцендентального реализма, оно не обладает. Критика В.В. Зеньковским философских учений о гносеологической координации направлена, на наш взгляд, прежде всего на то, чтобы показать принципиальную невозможность чисто рационального объяснения акта познания как процесса, завися-

щего лишь от субъект-объектных отношений. Мыслитель настаивает на том, что удовлетворительное решение проблемы гносеологической координации может быть дано только христианством. Это решение заключается в признании того, что первооснова реальности есть сфера Абсолютного, в котором и существует единство субъекта и объекта, способное как бы «восстановиться» в акте познания и делающее возможным этот акт. Категориальный синтез, лежащий в основе познавательной активности, есть непосредственное действие Абсолютного. И именно Церковь, как подлинный субъект познания, обеспечивает, по В.В. Зеньковскому, «вхождение» этих категорий в индивидуальные сознания.

Таким образом, в «Основах» В.В. Зеньковский пытается решить грандиозную и амбициозную гносеологическую задачу — очертить контуры целостной христианской гносеологии — задачу, решения которой, на его взгляд, не сумело добиться ни христианское богословие, ни русская религиозно-философская традиция. Ключевым аспектом становится здесь критика им автономного разума, осуществляемая через три момента: учение о целостности познавательных сил субъекта, а также учения о гносеологическом субъекте и гносеологической координации. Формулируя свое учение о познании, В.В. Зеньковский выступает то как философ, то, скорее, как богослов. Именно богословски им решается проблемы субъекта и возможности акта познания. Церковь, как мистическое единство единосущия человечества и индивидуальных сознаний, обеспечивает единство познавательной способности и через приобщение к ней позволяет индивидуальному сознанию реализовать данную способность. Абсолютное же является гарантом возможности познания, «координируя» и делая возможным субъект-объектное отношение в акте познания. Абсолют и Церковь, по мнению В.В. Зеньковского, — два ключевых условия возможности познания. Учение о целостности познавательных сил субъекта, философски и, так сказать, историко-философски обосновываемое В.В. Зеньковским, является уже ответом на вопрос, как познание осуществляется. Итак, именно богословская проблематика, предшествует (в теоретическом отношении) и собственно предопределяет в учении о познании В.В. Зеньковского проблематику философскую. Мыслитель таким образом устраняет проблему гносеологического дуализма не просто через устранение противопоставления веры и знания, но через установление своеобразной иерархической зависимости между ними. В представлении В.В. Зеньковского подобное соотношение богословской и философской проблематики и есть то более глубокое вхождение в область веры, необходимость которого он декларирует в статье, посвященной памяти Л.И. Шестова; то гносеологическое «равновесие», ложно понятное, по его мнению, Аквинатом и безуспешно искомое представителями русской религиозно-философской традиции.

Список литературы

1. *Зандер Л.А.* Проф. прот. В. Зеньковский. Основы христианской философии. Т. 1: Христианское учение о познании // Вестник РСХД. 1962. № 1(64). С. 50–60.
2. *Зеньковский В.В.* История русской философии. М.: Академ. проект: Раритет, 2001. 880 с.
3. *Зеньковский В.В.* Наша эпоха // Собр. соч. Т. 2. М.: Русский путь, 2008. С. 402–449.
4. *Зеньковский В.В.* Основы христианской философии // Собр. соч. Т. 4. М.: Русский путь, 2011. С. 211–466.
5. *Зеньковский В.В.* Памяти Л.И. Шестова // Собр. соч. Т. 1. М.: Русский путь, 2008. С. 169–174.

Получено 28.11.2014

References

1. Zander L.A. *Prof. Prot. V. Zen'kovskij. Osnovy khristianskoy filosofii. T. 1. Khristianskoe uchenie o poznanii* [Prof. V. Zen'kovskij. Foundations of christian philosophy. Vol. 1. A Cristian doctrine of the cognition]. Vestnik RCHD [Bulletin of RSCM], 1962, no 1 (64), pp. 50–60. (In Russian).
2. Zen'kovskij V.V. *Istoriya russkoy filosofii* [A history of Russian philosophy]. Moscow, Akademicheskiy proekt Publ., Raritet Publ., 2001, 880 p. (In Russian).
3. Zen'kovskij V.V. [Our epoch]. *Sobranie sochinenij. T. 2* [Collected works. Vol. 2]. Moscow, Russkiy put' Publ., 2008, pp. 402–449. (In Russian).
4. Zen'kovskij V.V. [Foundations of Christian philosophy]. *Sobranie sochinenij. T. 4* [Collected works. Vol. 4]. Moscow, Russkiy put' Publ., 2011, pp. 211–466. (In Russian).
5. Zen'kovskij V.V. [To the memory of L.I. Shestov]. *Sobranie sochinenij. T. 2* [Collected works. Vol. 2]. Moscow, Russkiy put' Publ., 2008, pp. 169–174. (In Russian).

The date of the manuscript receipt 28.11.2014

CHRISTIAN GNOCEOLOGY OF V.V. ZENKOVSKIJ: CRITIQUE OF AUTONOMOUS REASON

Vladimir V. Sidorin

Institute of philosophy of the Russian Academy of Sciences; 14, Volkhonka str., Moscow, 119991, Russia

In this article V.V. Zenkovskij's doctrine of the cognition is examined as it was represented by the thinker in the first volume of his «Foundations of a Christian Philosophy». A thesis is put forward that one of the main aspect of this doctrine is the criticism against the principle of the autonomous reason which according to V.V. Zenkovskij underlies almost all gnoseological doctrines. It is proved that the given criticism was formulated by the thinker to a great extent as a response to unsatisfactory results of the gnoseological constructions developed within the Russian religious-philosophical tradition. Key aspects of this criticism and decisions of the main gnoseological problems made by V.V. Zenkovskij are examined. These are the problems of the relation between reason and experience, reason and «heart», reason and belief, the problems of the gnoseological subject and of the gnoseological coordination. V.V. Zenkovskij's formulation of the doctrine of the integrity of the human cognition is traced as well.

Key words: gnoseology; Christianity; Russian religious-philosophical tradition; gnoseological dualism; autonomy of the reason; belief; integrity; the Absolute.

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:
Сидорин В.В. Христианская гносеология В.В. Зеньковского: критика автономного разума // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2015. Вып. 1(21). С. 43–48.

Please cite this article in English as:
Sidorin V.V. Christian gnoceology of V.V. Zen'kovskij: critique of autonomous reason // Perm University Bulletin. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2015. Iss. 1(21). P. 43–48.

УДК 111.1(1-87)

«УДВОЕННАЯ ДИАЛЕКТИКА»: ЭРОСОФИЯ Ж. БАТАЯ

Наумов Олег Дмитриевич,
аспирант кафедры философии
Сибирский государственный технологический университет,
660049, Красноярск, пр. Мира, 82;
e-mail: Naumoff-on@mail.ru

В статье анализируется одна из сущностных черт современной философии — деконструкция классического наследия, рассматриваемая на материале философского проекта французского мыслителя Жоржа Батая. Рассматриваются основания деконструктивистского проекта Ж. Батая — Эрос (универсальная энергема бытия) и феномен эротического желания. Философский проект французского философа репрезентируется в качестве одного из многих проектов философии Эроса — эрософии, а онтология — как один из вариантов онтологии эротического желания. Деконструктивистская аналитика Эроса и эротического желания в творчестве Ж. Батая ведется в контексте онтологической рефлексии по поводу фундаментального принципа постметафизической философии — принципа различия. Эрос и эротическое желание репрезентируются в качестве одного из трансгрессивных механизмов манифестации принципа различия в бытии.
Ключевые слова: деконструкция; Эрос; эрософия; желание; постметафизика; различие; Батай; онтология; трансгрессия.

Вначале было желание…

Ригведа

Философия, существующая более чем две тысячи лет, неоднократно пересматривала собственные основания, отказываясь от «устаревших» идей в пользу новых, эвристичных откровений. Возможно, что своеобразие современной так называемой постметафизической философии заключается в деконструкции классического наследия с целью «отыскания» его стремительно ускользающего смысла для сопротивления вечно враждебной по отношению к философии современности. В этом контексте неслучайным выглядит настойчивое обращение современной философии к «экзотическому»: ее кардинальный поворот от универсального к индивидуальному, от глобального к локальному, в конечном счете — от большинства к меньшинству. Поворот, совершенный не для того, чтобы потаенное и запрещенное смогло просто заявить о себе, а для того, чтобы снова и снова просветить истину — истину бытия.

Моноцентричная архитектоника любой культуры всегда строится на жестком и репрессивном противопоставлении двух бинарных начал — такова судьба культуры. Однако история такой культуры — это всегда история однажды «проболтавшегося» и тщательно скрываемого меньшинства. По словам Ж. Батая, вся история культуры представляет собой единство ratio и эротизма. Однако философия, вопрошающая о бытии, в разные эпохи своего существования обращается к различным составляющим этой бинарной пары: от Платона до Гегеля — к ratio, современность — к ранее «молчавшему» Эросу, и в этом состоит ее в каком-то смысле неизбежное новаторство. Современная философия — это в известной степени философия Эроса — эрософия.

Одним из первых современных эрософов, без сомнения, был французский философ Жорж Батай, строящий свою «маргинальную» философию Эроса — «внутреннего опыта» — на достаточно привычных для западноевропейского философствования XIX–XX вв. основаниях. Во-первых, это фундаментальная онтологическая раздвоенность мира, состоящего из двух принципиально несводимых друг к другу сфер — сакрального и профанного. Во-вторых, «антропологичность» онтологии: человек предстает не просто в качестве манифестации бытия — он его просвет, ключ к его истине. Иными словами, человек — это метафизический центр бытия.

Но что делает человека человеком? По мнению Ж. Батая, это желание, являющееся лишь одной из многочисленных форм воплощения космического Эроса — универсальной энергемы бытия. Желание обнаруживает себя в эротизме — специфическом,

© Наумов О.Д., 2015

присущем только человеку поведении, основанном на сексуальной деятельности, но не сводящейся к ней, а устремленной к сложному символическому «наведению мостов» между желанием и его объектом. Таким образом, эротизм — это не только «сближение» двух с целью их единения, но и их различение: эротизм и есть трансцендентальный способ обнаружения различия. Точнее, один из механизмов манифестации этого принципа в бытии, открывающий его децентрированную архитектонику, мыслимую в конечном счете как неустранимое различение между двумя онтологическими сферами: сакральной и профанной. Иными словами, эротизм — это и есть непреодолимая граница, лишающая бытие его единства и приоткрывающая тайну его истины.

Согласно Батаю, бытие начинается с желания, точнее — экстаза, венчающего собой удовлетворение изначального, «космического» желания. Таким образом, экстаз — это до-онтологическая структура эротического наслаждения, а бытие — непрекращающийся половой акт, репрезентируемый на материале любой архаической культуры, возникающей на фундаментально-сакральном понимании пола и его космо-тео-антропогенезисной функции: «В начале был пол. Ничего, кроме него, все, — в нем» [7, с. 106]. Выходит, что реконструкция логики рассуждений Батая должна начинаться вовсе не с онтологической аналитики Эроса и эротического желания — ей должен предшествовать анализ феномена наслаждения. Иными словами, анализ наслаждения — это ключ к онтологии эротического желания.

Но что такое эротическое наслаждение? Ретроспективный взгляд на историю человеческой культуры показывает, что наслаждение — это всегда парадоксальный запрет. Будучи способом проведения различия между человеком и животным: человек соблюдает запреты, а животное — нет [9, с. 26], эротизм, тем не менее, негласно запрещен: «Непостижимо! Запрещено заниматься любовью! Можно лишь скрыто заниматься ею» [8, с. 294]. Таким образом, всякий половой акт, имеющий в качестве своей главной цели наслаждение, — это всегда нарушение запрета, или, говоря проще, эксцесс.

Для эрософии Батая эксцесс — это ключевой концепт, поскольку основания бытия для нее — это экстатический эксцесс: «это именно то, посредством чего бытие бытует прежде всего, вне всяких границ» [2, с. 416].

Речь идет о фундаментально-онтологическом эстетико-экстатическом опыте — эстезисе, который сам философ называет «внутренним опытом», «опытом невозможного», «экстазом». При этом Ж. Батай подчеркивает, что внутренний опыт, понимаемый им как «мистический опыт» [1, с. 26], в то же время является выражением опыта «самого бытия» — это жест, присущей самому бытию трансгрессии, это «“само бытие” себя превозмогает, разлагает свой собственный “логос”, пробивает свои же пределы» [4, с. 50]. Таким образом, трансгрессия для Ж. Батая — это сущностная характеристика бытия, тождественного Богу, и называемая эксцессом: «Бог — ничто, если он не есть превозможение Бога во всех направлениях — в сторону вульгарного бытия, в сторону ужаса и скверны; наконец, в сторону ничто» [2, с. 417].

Требует уточнения батаевский концепт «опыта», не укладывающийся в классическую традицию трансценденталистской интенциональности. Дело в том, что Ж. Батая не интересует возможное и наличное, данное и мыслимое в привычном онтологическом порядке, он занят разработкой особой стратегии «освоения внутреннего пространства — доведение его до крайности, сведение его к предельной точке, сгущающей напряжение до взрыва» [5, с. 27]. Опыт Ж. Батая — это опыт незнания, опыт-трансгрессия, который Морис Бланшо назвал «опыт-предел» [8, с. 74]. Он не может быть пережит от первого лица, поскольку является выходом за границы Я. Именно это роднит рассматриваемый опыт с невозможным опытом смерти. Опыт Эроса мыслится как аналогия опыта Танатоса, поскольку ни тот, ни другой не подлежат, во-первых, феноменологическому описанию, во-вторых, выражению в порядке символического дискурса. Таким образом, остается одно — личностное переживание: выход за пределы собственного Я в акте эротического и танатологического экстаза.

Однако Ж. Батай ищет в этом опыте положительное содержание: для него трансгрессивный опыт является «формой самосознания, которое движется в сторону само-утраты» [5, с. 28], открывающей субъекту сферу «настоящего, всемогущего» — сферу сакрального, выступающую одновременно подавляющим и превозносящим субъекта в экстазе источником бытия. По мнению М. Фуко, трансгрессия выступает единственным путем «обретения святого в его непосредственном содержании» [8, с. 144]. Согласно М. Бланшо, в основе трансгрессивного экстаза лежит антидиалектический «излишек негативности», «избыток пустоты» [8, с. 72]. Он исключает возмож-

ность появления новых смыслов, поскольку задача трансгрессии заключается не в привнесении новых смыслов, а в их выносе из того, «что держится выше и вне бытия», того, что, согласно М. Бланшо, «не относится больше ни к онтологии, ни к диалектике» [8, с. 74]. Таким образом, трансгрессия выступает новым основанием человека, сущность которого заключается в избытке: «Мысль, которая мыслит то, что не дается мысли! Мысль мыслит больше, чем может осмыслить, — в утверждении, которое утверждает больше того, что может утвердиться!» [8, с. 74]. Следовательно, трансгрессия — это «опыт на границе, дальше которой ничего нет. Попросту ничего нет. Полная невозможность мысли и существования: невозможность мочь» [5, с. 30].

Однако следует вернуться к онтологическому проекту Ж. Батая, ставящего перед собой цель просветить сакральную основу бытия за счет онтологизации деконструированной категории «ничто».

Онтология Ж. Батая строится на изначальном противопоставлении различающихся фигур «инородного» и «однородного». С последней связан критикуемый французским философом концепт смысла, означающий рациональное основание, порядок, цель. Другими словами, смысл выступает выражением рационального порядка организации однородного. Этот порядок, согласно Ж. Батаю, основан на своеобразном исключении — вынесении на онтологическую периферию всего того, что не укладывается в рациональный порядок вещей. Таким образом, именно вытеснение иного по отношению к однородному — инородного — является первым жестом, который учреждает рационально организованный порядок однородного. По аналогии с психоаналитическим вытеснением онтологическое табуирование инородного является аффективным конституирующим целостность действием. В результате противопоставления инородного и однородного при последующем вытеснении инородного становится очевидна значимость именно «маргинальной» фигуры, выражающей, по мнению Ж. Батая, «онтологический факт», ставящий всякое полагание «смысла» под вопрос [4, с. 51]. Кроме того, инородное, согласно Ж. Батаю, выражает и особую область сущего — это «аффективная реальность силы или шока» [3, с. 85], оказывающая на манер фрейдистского бессознательного сопротивление своей интериоризации. Важно отметить что, в отличие от фрейдисткого бессознательного инородное Ж. Батая носит объективный характер — это нечто универсальное, текучее и изменчивое, присущее бытию как таковому. В этом смысле Ж. Батай настаивает на реальном характере инородного, наделяя его субстанциальностью, главная черта которой — гетерогенность. Другими словами, логика батаевской онтологии Иного основана на полагании иного в качестве субстанции в общем смысле чего-то самостоятельного и безотносительного, при этом философ утверждает, что единственным атрибутом этой субстанции выступает «соотносительная инаковость» [4, с. 51]. В результате возникает парадоксальный круг: инородное, с одной стороны, есть то, что появляется в силу исключения; с другой стороны, оно само выступает как «чистая провокация своего исключения» [4, с. 51]. По Ж. Батаю, существование этого круга возможно благодаря разуму, аффективно выносящему инородное за скобки, создавая искомый эксцесс. Таким образом, бытие как эксцесс есть невыносимое для разума положение вещей. Поэтому относительно адекватным выражением инородного является эстетическая категория «омерзительного» с ее характерными чертами: бесформенность, множественность, подвижность, отсылающими к античной мифологеме хаоса, актуальной в философских импликациях досократиков и онтологических фигурах постметафизической философии второй половины XX в.

По словам Ж. Батая, адекватным выражением инородного являются «отбросы», а средством его описания служит фантасмагория «теменного зрения»: оно ничего не видит, но его орган — глаз «заходится в слепом экстазе — иначе говоря, он видит “ничего”» [4, с. 51]. Таким образом, инородное как реальное открывается лишь «невыносимой контаминации противоположностей» и «в самом распаде соотнесенности видения и видимого» [4, с. 52], что указывает на гетерологическую генеалогию «идеального», «смысла» и «порядка». В связи с этим томский исследователь Максим Николаевич Евстропов замечает, что «однородное есть не более, чем частный случай инородного, — энтропийная форма “гетерогенного” с выраженным стремлением к “гомогенизации”» [4, с. 52]. Подтверждением этого предположения служит батаевская категория «сакрального» и связанное с ней понятие «альтерации».

В своем понимании сакрального Ж. Батай исходит из внутренней двойственности «сакрального»: единства «святого» и «скверного», при важной роли именно «скверного», поскольку именно эта составляющая «сакрального» скрывает в себе гетерогенную инаковость [6, с. 137]. Кроме того,

важно иметь в виду и то, что сакральное, согласно Ж. Батаю, есть причина самого себя: оно возникает в пространстве кругового движения. Другими словами, сакральное — это результат и вместе с тем исток сакрализации. Сакральное — это процесс производства сакрального. Основой этого процесса является уничтожение благ и их последующая сакрализация. По Ж. Батаю, сакральное начинается с принесения кощунственной жертвы — это и есть эксцесс, в основании которого лежит трата. Именно трата становится своеобразным выражением избыточности бытия, заключающейся в его чрезмерности, безудержности и негативности как таковой. Трата как онтологический принцип находит свое выражение в экстатических состояниях: сон, смерть, секс и т.д. Жертвенная трата, согласно Ж. Батаю, выступает также основанием социальности. Именно в ней открывается истина о человеке, противостоящая его субъективности, являющейся неподлинной, поскольку субъективность — это «откладывание существования на потом», характерное для однородного мира. Таким образом, подлинным желанием человека, согласно Ж. Батаю, является не труд, а невозможное в однородном мире и потому постоянно вытесняемое желание «быть всем» [1, с. 162]. Однако вытеснение желания «быть всем» не проходит бесследно: с одной стороны, оно становится моделью желания, обуславливающей способность желать как таковую; с другой — присущая ему недиалектическая негативность препятствует конечному удовлетворению партикулярных желаний, подрывая изнутри их череду — это и есть то, что М. Бланшо назвал «неутверждающим утверждением» [8, с. 75].

Согласно Ж. Батаю, негативность является ресурсом человеческой активности, это и есть реально инородное, доступ к которому возможен лишь в трансгрессивном опыте. Этот опыт оказывается пространством приближения к абсолютно иному, которое мыслится как смерть, сообщение или же «имеет черты некой фундаментально-онтологической структуры отсутствия» [4, с. 53]. По мысли Ж. Батая, строящего свою атеологию на идее переживаемой смерти Бога, трансгрессивный опыт ведет к «вакансии Бога, предполагающей, вакансию Я» [8, с. 81]. Другими словами, Ж. Батай пытается представить «смерть Бога» как переживаемое событие-опыт. В этом смысле атеология Ж. Батая оказывается способом приближения к абсолютной инаковости — инаковости смерти. В работе «Слезы Эроса» Ж. Батай показывает тесную связь опыта смерти и эротического экстаза. По сути, и то и другое представляют для него прорыв в сакральное, или выход в инородное, поскольку объект смерти и эротизма один: это — эксцесс, нарушающий привычный ход вещей.

Таким образом, опыт смерти и эротический экстаз являются содержанием внутреннего опыта человека, таящего в себе его истину и открывающие перед ним возможность раскрепощения и освобождения путем преодоления границ разума. Путь к освобождению — это трансгрессия: волнообразное движение между Богом и Ничто — жестом, «никогда не пересекающим и не покидающим этой границы, но скользящим вдоль нее», «как скользящее падение, в разрывах очерчивающих пределы Невозможного. Что может быть далее? Далее только дорога назад; с каждым днем, по выражению М. Фуко, мы все больше становимся греками» [5, с. 30].

В этом контексте становится очевидной основная претензия Ж. Батая и всей современной философии к диалектике: обнаруживая в основании бытия непреодолимое различие, исключающее саму возможность всякого изначального, предзаданного единства и целостности, она выстраивает систему категорий и концептов, фиксирующих изначальную децентричность бытия таким образом, что их антидиалектический характер по отношению друг к другу становится самоочевидным. Таким образом, исходные онтологические концепты настолько противоположны друг другу, что вопрос о диалектическом «примирении» — не ставится: однородное находится на диаметрально противоположном полюсе по отношению к инородному. Выступая продуктом репрессивного подавления со стороны авторитарного «однорогодного» и в то же время фундирующим сам факт его существования условием, инородное полностью разрушает привычную диалектическую триаду и логику поступательного развития, в основе которого лежит механизм разрешения и снятия противоречия. По сути, речь идет о принципиально неразрешимом «конфликте».

Однако речь не идет и о так называемой «негативной» диалектике, предложенной Т. Адорно. В качестве альтернативы диалектического разрешения и снятия Ж. Батай предлагает другую «операцию» — трансгрессию. В этом интеллектуальном жесте философ не только подчеркивает радикальный, предельный характер нового стиля философствования, но и полностью меняет привычные акценты: Многое вместо Единого, негативное вместо позитивного, различие вместо тождества, «экзотическое» вместо привычного, децентрация вместо

монолитного центра. Иными словами, непостижимо мистическая инородность занимает место привычного рационального порядка однородного в дискурсе постметафизической философии.

При этом стоит помнить, что, «критикуя» диалектику, постметафизическая философия вовсе не оспаривает истинности ее утверждений, а всего лишь констатирует ее недостаточность — диалектики словно всегда слишком мало, слишком недостаточно для того, чтобы в полной мере адекватно репрезентировать ситуацию бытия человека в мире, начинающегося с со-бытия с другими людьми — другими субъектами эротического желания. Таким образом, диалектика, выступавшая своеобразной тотальностью для классического стиля философствования, остается бессильной в решении задачи «наведения мостов» и придания бытию единой, целостной, гармоничной структуры в ситуации радикального пересмотра классического наследия, осуществляемого в рамках постметафизической философии и соответствующего ей стиля философствования. Иными словами, привычный механизм репрессивного подавления разного рода инаковости, а в пределе — одного другим, с целью «сглаживания» глубинных противоречий, лежащий в основе моноцентричной архитектоники новоевропейской культуры и диалектики как одного из главных ее порождений, оказывается бессильным в условиях нового миропорядка: на смену бдительному надзору и неминуемому наказанию приходят, пусть и неспешно, идеалы принятия и мирного со-существования противоположностей. Различие отныне не табуируется — ему предоставляется возможность высказаться самостоятельно, заявить о себе во весь голос. Сама культура из авторитарного монолога Одного превращается в полифоническое Множество. Следовательно, возникает острая необходимость в поиске новой тотальности. Постметафизическая философия, опознавательным знаком которой служит плюральность, находит тотальность в своем развитии, представляющем собой своеобразное и бесконечное «возвращение к грекам». Одной из таких тотальностей с точки зрения современной философии, в частности Ж. Батая, является Эрос, мыслимый еще со времен Античности в качестве универсальной энергемы бытия.

В этом смысле эрософия претендует на то, чтобы быть соразмерной тотальности, предполагающей дуализм профанного и сакрального, исключающий всякую возможность отныне «недостаточной» диалектики: ее удел — это удвоение [9, с. 37]. Диалектика должна быть удвоена. Иначе говоря, она должна стать трансгрессией.

Значит, дуалистическая онтология эрософии Ж. Батая исходит из того, что противоречие между низким и высоким, природой и духом принципиально неразрешимо: первое существует постольку, поскольку существует второе. Ни тем, ни другим нельзя пренебречь — нужно искать такую позицию мысли, которая была бы соразмерна обоим. Таким образом, традиционное мышление оппозициями, лежащее в основе диалектики, неизбежно влечет за собой превосходство одного над другим. Иными словами, такое мышление уже есть выражение отношения репрессивной власти, тогда как современное нам постметафизическое мышление пытается увидеть бытие с ракурса нерепрессивной тотальности, являющейся в форме множества и скрывающейся за виртуальным Единым, которое пытается выразить в своем дискурсе Ж. Батай и вся современная постметафизическая философия. Это Единое предполагает сосуществование полярностей — оно необходимо амбивалентно, и таким Единым, такой тотальностью, удваивающей привычную диалектику, является Эрос.

Список литературы

1. *Батай Ж.* Внутренний опыт. СПб.: Аксиома Мифрил, 1997. 336 с.
2. *Батай Ж.* Ненависть к поэзии. Порнолатрическая проза. М.: Ладомир, 1999. 614 с.
3. *Батай Ж.* Психологическая структура фашизма // Новое литературное обозрение. 1995. № 13. С. 80–102.
4. *Евстропов М.Н.* Жорж Батай: опыт бытия как критика онтологии // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 344 (март). С. 50–56.
5. *Круглова И.Н.* «Внутреннее и внешнее»: игра трансгрессии // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 309 (апрель). С. 27–30.
6. *Пази К.* Гетерология и Ацефал: от фантазма к мифу // Предельный Батай. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. С. 132–149.
7. *Сперанская Н.* Путь к Новой Метафизике. М.: Евразийское Движение, 2012. 290 с.
8. *Танатография* Эроса: Жорж Батай и французская мысль середины XX века. СПб.: Мифрил, 1994. 346 с.
9. *Тимофеева О.* Введение в эротическую философию Ж. Батая. М.: Новое литературное обозрение, 2009. 200 с.

Получено 01.07.2014

References

1. Bataille G. *Vnutrennij opyt* [Inner experience]. Saint Petersburg, Aksioma Mifril Publ., 1997, 336 p. (In Russian).
2. Bataille G. *Nenavist' k poesii. Pornolatricheskaya proza* [Hatred towards poetry. Pornolatric prose]. Moscow, Ladomir Publ., 1999, 614 p. (In Russian).
3. Bataille G. [Psychological structure of fascism]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New literary observer]. 1995, no 13, pp. 80–102. (In Russian).
4. Evstropov M.N. [The experience of being as the critique of ontology]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal]. 2011, no 344 (March), pp. 50–56. (In Russian).
5. Kruglova I.N. [«Inner» and «exterior»: the play of transgression]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal]. 2008, no 309 (April), pp. 27–30. (In Russian).
6. Pazi K. [Heterology and Acephalus: from phantom to myth]. *Predel'nyj Batay* [Uttermost Bataille]. Saint Petersburg, Saint Petersburg State University Publ., 2006, pp. 132–149. (In Russian).
7. Speranskaya N. *Put' k novoj metafizike* [The way to new metaphysics]. Moscow, Evrazijskoe dvizhenie Publ., 2012, 290 p. (In Russian).
8. *Tanatografiya Erosa: Zh. Batay i frantsuzskaya mysl' serediny XX veka* [Tanatpgraphy of Eros: G. Bataille and French idea of the iddle of the XXth century]. Saint Petersburg, Mifril Publ., 1994, 346 p. (In Russian).
9. Timofeeva O. *Vvedenie v eroticheskuyu filosofiyu Zh. Bataya* [Introduction to erotic philosophy of G. Bataille]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2009, 200 p. (In Russian).

The date of the manuscript receipt 01.07.2014

«DOUBLED DIALECTIC»: PHILOSOPHY OF EROS BY G. BATAILLE

Oleg D. Naumov

Siberian State Technological University; 82, Mira av., Krasnoyarsk, 660049, Russia

In the article the subject of analysis is one of the essential features of modern philosophy — the deconstruction of the classical heritage, which is considered on the basis of the philosophical project of the French philosopher Georges Bataille. The base of Georges Bataille's deconstructivist project — Eros (such as Universal power of being) and the phenomenon of erotic desire are highlighted. Thus, the philosophical project of the French philosopher is presented as one of the many projects of the philosophy of Eros — erosophy, and ontology — as one of the variants of the ontology of erotic desire. Deconstruction of Eros and erotic desire in Georges Bataille's works is carried out in the context of ontological reflection on the fundamental principle of post-metaphysical philosophy — the principle of distinction . Eros and erotic desire are represented as one of transgressive mechanisms of manifestation of the difference principle in being.

Key words: deconstruction; Eros; erosophy; desire; post-metaphysics; difference; Bataille; ontology; transgression.

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:
Наумов О.Д. «Удвоенная диалектика»: эрософия Ж. Батая // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2015. Вып. 1(21). С. 49–54.

Please cite this article in English as:
Naumov O.D. «Doubled dialectic»: philosophy of Eros by G. Bataille // Perm University Bulletin. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2015. Iss. 1(21). P. 49–54.

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 316.6

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОБ ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧСЕКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ТЕКСТА

Пузырёва Любава Олеговна,
аспирант, ассистент кафедры психологии развития
Пермский государственный национальный исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: puzireva.l@gmail.com

Представлены результаты исследования представлений о психологической безопасности политического текста. Сконструирован политический текст, который впоследствии был предложен респондентам с целью актуализации уже имеющихся у них представлений. Сбор эмпирического материала проводился с помощью метода частного семантического дифференциала и «Анкеты медийных предпочтений» М.В. Зубакина. На основании анализа данных семантического дифференциала было выявлено групповое семантическое пространство, обозначающее представления испытуемых о психологической безопасности политического текста, установлены различия в семантических оценках в зависимости от представлений испытуемых о психологической безопасности СМИ. Удалось получить некоторую усредненную картину представлений о психологической безопасности политического текста.
Ключевые слова: картина мира; информационно-психологическая безопасность; политический текст; представления; семантическое пространство.

Жизнедеятельность человека осуществляется в специфической, присущей человеческому обществу информационной среде, имеющей свои закономерности, особенности развития и функционирования. Любые информационные изменения или трансформация процессов ее функционирования всегда активно использовались для оказания воздействия на психику людей, для модификации их поведения и психологических манипуляций личностью. Это наиболее наглядно в современном мире представлено в сфере политики, где активно, с использованием средств информационно-политического воздействия, ведется борьба оппонентов. Информация является сегодня основным инструментом власти.

Актуальность темы исследования обусловлена противоречием между значимостью психологической безопасности объектов, с которыми взаимодействует субъект, и недостаточной изученностью представлений о ней. Психологическая безопасность, как состояние сохранности психики, предполагает поддержание определенного баланса между негативными воздействиями на человека и его устойчивостью, способностью преодолеть такие воздействия. Психологическая безопасность личности, среды и объектов, с которыми взаимодействует личность, неотделимы друг от друга и представляют собой модель устойчивого развития и нормального функционирования человека во взаимодействии со средой.

Психологическая безопасность в современной науке изучается во многих аспектах: от биологических и психофизиологических предпосылок формирования поведения, социальной среды как фактора психологической безопасности до средств психологической саморегуляции. В современных подходах обращение к психологической безопасности осуществляется при изучении чрезвычайных ситуаций, аварий и катастроф, профессиональной деятельности, подразумевающих под собой объекты высокого риска, при этом выделяются такие ее аспекты, как человеческий фактор, психологический травматизм и закономерности деятельности человека в условиях физической и психологиче-

© Пузырёва Л.О., 2015

ской опасности (И.А. Баева, А.А. Деркач, В.Н. Футин, М.А. Котик, В. Куликов и др.) [7]. На основании анализа изученной литературы также можно заметить, что ранее проводились исследования представлений о психологической безопасности вообще, образовательной среды вуза и школы, интернет-среды, СМИ. Кроме того, в настоящее время активно встает вопрос о психологической безопасности в политической сфере. В связи с этим возникает необходимость изучения представлений о психологической безопасности именно политического текста, в этом и заключается проблема данного исследования.

Объект нашего исследования — представления об информационно-психологической безопасности. Предмет — представления об информационно-психологической безопасности политического текста. Субъективное представление мира — это интегральное образование, несущее в себе «следы всей предыстории психической жизни субъекта» (Е.Ю. Артемьева).

Теоретическую базу исследования составляет психосемантический подход (В.П. Зинченко, В.Ф. Петренко, Е.Ю. Артемьева, Д.А. Леонтьев, В.В. Столин и др.) [7], где одной из центральных категорий выступает «картина мира». Она является семантически организованной, воплощенной в системе значений и смыслов, в которых в фиксированном виде содержатся обобщенные представления о жизненной реальности, приобретенные в индивидуальном опыте.

Цель исследования — изучить представления о психологической безопасности политического текста в связи с представлениями о психологической безопасности СМИ и медийными предпочтениями.

Гипотезы исследования:

1. Семантические оценки и семантическая структура представлений об информационно-психологической безопасности политического текста различаются в связи с контрастными представлениями о психологической безопасности СМИ.

2. Семантические оценки и семантическая структура представлений об информационно-психологической безопасности политического текста обнаруживают связи с индивидуальными медийными предпочтениями.

Изучение безопасности вообще и информационно-психологической безопасности в частности в современной психологической науке многоаспектно. Само по себе понятие «безопасность» широко используется и имеет целый ряд смысловых значений. Это было показано в трудах отечественных ученых (В.Д. Аносов, 1996; А.В. Брушлинский, 1996; Г.В. Грачев, 1996, 1998; С.Ю. Решетина, 1996; В.М. Розин, 1997; С.К. Рощин, 1995; П.И. Сатлейкин, 1995; Г. Силласте, 1995, 1996; Г.Л. Смолян, 1996, 1997; Р.Г. Яновский, 1996, 1999 и др.). Основная часть исследований относится к 1994–1999 гг., представлена в материалах круглых столов, выступлениях и публикациях [1, 3–6, 8–10, 13, 14, 16].

Информационно-психологическая безопасность текста подразумевает отсутствие в информационных сообщениях признаков интеллектуальной редукции, огрубления и упрощения, навязчивой, агрессивной рекламы, а также явной и скрытой жестокости и насилия, антиобществено го поведения, расовой, национальной, религиозной, классовой исключительности и нетерпимости.

Понятие «картина мира» разрабатывается в отечественной психосемантике В.С. Собкиным и А.Г. Шмелевым. Картина мира — семантический слой, где следы деятельности в виде образов-представлений зафиксированы как многомерные отношения (хороший – плохой, сильный – слабый и т.д.), представляет собой структурированную совокупность отношений к актуально воспринимаемым объектам [2, 12]. Картина мира человека является семантически организованной, воплощенной в системе значений и смыслов, в которых в фиксированном виде содержатся обобщенные представления о жизненной реальности, сформировавшиеся в индивидуальном опыте. Человек наделяет мир смыслом через систему пристрастных, эмоционально окрашенных, воплощающих уникальность мировидения личностных отношений, исходя из которых проявляет активность, преобразуя себя и мир.

В исследовании приняли участие 190 студентов ПГНИУ, обучающихся на разных факультетах, выборка была уравнена по полу. Научный интерес к такой общественной группе молодежи, как студенчество, определяется тем, что, во-первых, в развитом обществе бурно развивающиеся отрасли обуславливают дальнейшее увеличение численности и качества подготовки специалистов с высшим образованием; во-вторых, студенчество является важнейшим источником воспроизводства интеллигенции; в-третьих, той большой ролью, которую играет студенчество в общественно-политической жизни нашей страны.

В начале исследования проводился «пилотаж» с целью составления ассоциативного ряда на словосочетание «психологическая безопасность политического текста» (с использованием метода ассоциативного эксперимента). Этот этап исследования

необходим для подтверждения правомерности использования в дальнейшем семантического дифференциала, сконструированного и использованного в исследовании Е.А. Шиловой [15].

Были получены пересекающиеся ассоциации с проведенным ассоциативным экспериментом Е.А. Шиловой: «агрессивная», «лживая», «ограниченная», «запрещенная», «глобальная», «ненадежная», «напряженная»; из чего правомерно сделать вывод о возможности применения данного варианта семантического дифференциала для изучения представлений о безопасности политического текста. Выбранный семантический дифференциал приведен ниже.

Доступная	-3	-2	-1	0	1	2	3	Недоступная
Лживая	-3	-2	-1	0	1	2	3	Правдивая
Адекватная	-3	-2	-1	0	1	2	3	Неадекватная
Гармоничная	-3	-2	-1	0	1	2	3	Дисгармоничная
Нравственная	-3	-2	-1	0	1	2	3	Безнравственная
Хаотичная	-3	-2	-1	0	1	2	3	Упорядоченная
Спокойная	-3	-2	-1	0	1	2	3	Тревожная
Недоброжелательная	-3	-2	-1	0	1	2	3	Доброжелательная
Мягкая	-3	-2	-1	0	1	2	3	Жесткая
Агрессивная	-3	-2	-1	0	1	2	3	Мирная
Глобальная	-3	-2	-1	0	1	2	3	Локальная
Надежная	-3	-2	-1	0	1	2	3	Ненадежная
Безответственная	-3	-2	-1	0	1	2	3	Ответственная
Позитивная	-3	-2	-1	0	1	2	3	Негативная
Свободная	-3	-2	-1	0	1	2	3	Ограниченная
Жестокая	-3	-2	-1	0	1	2	3	Гуманная
Разрешенная	-3	-2	-1	0	1	2	3	Запрещенная
Напряженная	-3	-2	-1	0	1	2	3	Расслабленная

Кроме того, искусственно был сконструирован политический текст, который впоследствии был предложен респондентам с целью актуализации уже имеющихся у них представлений. То есть для того, чтобы у испытуемых актуализировались уже имеющиеся, сформированные ранее представления о политическом тексте вообще, а также для контроля объекта оценки, необходимо, чтобы стимул был непосредственно предъявлен испытуемым. На основании изучения семиотики политического дискурса, лексических особенностей политических текстов, анализа способов воздействия на аудиторию была выявлена общая структура политических текстов (субъект – адресат – содержание), выделены вербальные индикаторы — концепты политического текста, методы и способы воздействия на аудиторию. Была проведена экспертная оценка сконструированного текста. В качестве экспертов привлекались специалисты-филологи (6 экспертов, из них 2 кандидата филологических наук) с высшим специальным образованием и стажем работы более 3 лет.

На основном этапе исследования сбор эмпирического материала проводился с помощью метода частного семантического дифференциала и «Анкеты медийных предпочтений» М.В. Зубакина. Сначала испытуемым было представлен для ознакомления политический текст, затем им было предложено оценить психологическую безопасность политического текста по методу семантического дифференциала. Затем испытуемым предлагалось заполнить «Анкету медийных предпочтений».

В процессе исследования удалось зафиксировать коннотативные значения — личностные смыслы. Таким образом мы получили групповое семантическое пространство, обозначающее представления испытуемых о психологической безопасности политического текста. При обработке данных использовался метод семантических универсалий. Были получены инвариантные семантические оценки психологической безопасности политического текста*: доступная*, *правдивая*, *адекватная*, *глобальная*, *ответственная*, *гуманная*. Предположительно при категоризации политического текста как безопасного или небезопасного эти оценки являются устойчивыми.

В связи с тем что большой объем новостной информации политической тематики человек получает из средств массовой информации, представляется интересным изучить особенности в содержании представлений о психологической безопасности политического текста в зависимости от того, безопасными ли для себя испытуемый считает те или иные средства массовой информа-

ции. С целью выделения групп испытуемых с контрастными представлениями о психологической безопасности отдельных видов СМИ был использован кластерный анализ (метод К-средних). В первый кластер вошли 85 респондента с представлениями о низкой степени психологической безопасности разных видов СМИ. Во второй кластер вошли 105 испытуемых с представлениями о высокой степени психологической безопасности разных видов СМИ.

Были установлены различия в семантических оценках представлений о психологической безопасности политического текста в зависимости от представлений испытуемых о психологической безопасности СМИ. В группе испытуемых, характеризующих СМИ как более безопасные, обнаружено большее количество характеристик. В связи с этим возможно предположить, что если человек воспринимает какой-либо объект как небезопасный, он старается дистанцироваться от него. Потребность в безопасности определяется как базовая. Так, Е.А. Сергиенко показала, что безопасность объектов ребенок начинает определять и оценивать на ранних стадиях онтогенетического развития [11]. Можно полагать, что человек стремится минимизировать взаимодействие с небезопасными объектами и ситуациями, тогда как отношение к объекту как к безопасному, возможно, вызывает повышенное внимание к нему и желание взаимодействовать с ним. В связи с этим правомерно предположить, что если человек воспринимает информацию, представленную в СМИ как психологически небезопасную, он старается дистанцироваться от нее. В то время как люди, воспринимающие информацию в СМИ как более безопасную, больше ей доверяют, больше с ней взаимодействуют и, как следствие, обращают большее внимание и выделяют больше характеристик текста.

С помощью факторного анализа удалось выбелить пучки взаимосвязанных признаков, конструктов. Факторно-аналитическая обработка данных с целью построения семантического пространства проводилась методом главных компонент с поворотом факторных осей методом varimax raw. Мы получили некоторую усредненную картину представлений о психологической безопасности политического текста, не отягощенную индивидуальными пристрастиями, отношением к автору и тексту и пр.

В семантической структуре представлений о психологической безопасности политического текста было выделено 4 фактора. То есть можно предположить, что при встрече с политическим текстом у испытуемых актуализируются определенные семантические характеристики, которые образуют семантическую структуру: это факторы свободы, тревоги, порядка, агрессивности. Количество факторов варьируется в связи с контрастными представлениями о психологической безопасности СМИ.

Анализ семантической структуры представлений о психологической безопасности политического текста может свидетельствовать о том, что ядром этих представлений является фактор агрессивности. Кроме того, в качестве инвариантного компонента семантической структуры выступают и такие характеристики, как напряженность и тревожность. Этот компонент может отражать и ответную эмоциональную реакцию.

Были выявлены связи между представлениями и медийными предпочтениями. Для респондентов, оценивающих психологическую безопасность СМИ как низкую, важны такие компоненты семантической структуры представлений, как «фактор лживости», «фактор агрессивности и напряжения», «фактор порядка» и «фактор глобальности». Тогда как у испытуемых, оценивающих психологическую безопасность СМИ как высокую, в семантической структуре выделяются такие категории, как «фактор адекватности», «фактор агрессивности и тревоги» и «фактор оценки и свободы». Полученные связи можно интерпретировать двояко. Можно предположить, что семантические оценки и конструкты, входящие в т.н. картину мира субъекта, через систему которых формируется отношение к объектам и их восприятие, определяют предпочтение конкретного вида СМИ. Равносильным является и предположение, что на выбор определенного вида СМИ влияет и наличие некой установки на восприятие объекта.

Итак, первая гипотеза исследования подтвердилась; вторая гипотеза исследования подтвердилась лишь частично.

Таким образом, проблема информационно-психологической безопасности личности в рамках политических отношений, ее психологической защищенности и способов формирования психологической защиты в условиях кардинальных изменений российского общества становится особенно актуальной как в теоретическом, так и в прикладном плане.

Полученные конкретные семантические оценки и семантическая структура представлений о психологической безопасности политического текста расширяют имеющиеся данные относительно изучения психологической безопасности.

Список литературы

1. *Аносов В.Д.*, Лепский В.Е. Исходные посылки проблематики информационно-психологической безопасности // Проблемы информационно-психологической безопасности. М.: Ин-т психологии РАН, 1996. С. 7–11.
2. *Артемьева Е.Ю.* Основы психологии субъективной семантики. М., 1999. 350 с.
3. *Брушлинский А.В.* Субъект безопасности и безопасность субъекта // Проблемы информационно-психологической безопасности: сб. ст. и матер. конф. М., 1996. С. 12–17.
4. *Грачев Г.В.*, Мельник И.К. Приемы и техника манипулятивного воздействия в массовых информационных процессах // Проблемы информационно-психологической безопасности: сб. ст. и материалов конф. М., 1996. 83–84 с.
5. *Дмитриев А.В.*, Тощенко Ж.Т. Общественное мнение в системе информационно-психологической безопасности // Проблемы информационно-психологической: сб. ст. и матер. конф. М., 1996. 44–46 с.
6. *Кисляков П.А.* Социальная абезопасность личности: функциональные компоненты и направления формирования // Современные исследования социальных проблем: электр. науч. журн. 2012. № 5. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-bezopasnost-lichnosti-funktsionalnye-komponenty-i-napravleniya-formirovaniya (дата обращения: 01.10.2014).
7. *Королева Н.Н.* Смысловые образования в картине мира личности: дис. … канд. психол. наук. СПб., 1998. 194 с.
8. *Лепский В.Е.* Проблемы информационно-психологической безопасности // Психологический журнал. 1996. № 3. С. 166–168.
9. *Рощин С.К.*, Соснин В.А. Психологическая безопасность: новый подход к безопасности человека, общества и государства // Российский монитор. 1995. № 6. С. 32–41.
10. *Сатлейкин П.И.* Человек как объект и субъект безопасности // Безопасность. 1995. № 11. С. 14–25.
11. *Сергиенко Е.А.* Природа субъекта: онтогенетический аспект // Проблема субъекта в психологической науке. М.: Академ. проспект, 2000. С. 184–203.
12. *Серкин В.П.* Методы психологии субъективной семантики и психосемантики: учеб. пособие для вузов. М.: ПЧЕЛА, 2008. 382 с.
13. *Силласте Г.* Социально-политическая безопасность как составная часть общей концепции национальной безопасности. // Безопасность. 1995. № 5–6. С. 29–46.
14. *Смолян Г.Л.*, Зараковский Г.М., Розин В.М., Войскунский А.Е. Информационно-психологическая безопасность (определение и анализ предметной области). М.: Ин-т системного анализа РАН, 1997. 52 с.
15. *Шилова Е.А.* Представления об информационно-психологической безопасности масс-медиа (на материале электронных и печатных СМИ): магист. дис. / Перм. гос. нац. иссл. ун-т. Пермь, 2013. 99 с.
16. *Яновский Р.Г.*, Серебряников В.В. Социальная безопасность как исследовательская проблема // Вестник РАН. 1996. Т. 66. № 4. С. 291–304.

Получено 29.01.2015

References

1. Anosov V.D., Lepskiy V.E. [Points of reference of information and psychological security problematics]. *Problemy informatsionno-psihologicheskoj bezopasnosti* [Problems of information and psychological security]. Institute of Psychology of Russian Academy of Science Publ., 1996, pp. 7–11. (In Russian).
2. Artem'yeva E.Yu. *Osnovy psihologii sub'ektivnoj semantiki* [Basics of psychology of subjective semantics]. Moscow, 1999, 350 p. (In Russian).
3. Brushlinskij A.V. [Subject of security and security of a subject]. *Problemy informatsionno-psihologicheskoj bezopasnosti: sb. st. i mater. konf.* [Problems of information and psychological security (Collection of articles and proceedings of the conference)]. Moscow, 1996, pp. 12–17. (In Russian).
4. Grachev G.V., Mel'nik I.K. [Methods and technique of manipulative impact in mass information process]. *Problemy informatsionno-psihologicheskoj bezopasnosti: sb. st. i mater. konf.* [Problems of information and psychological security (Collection of articles and proceedings of the conference)]. Moscow, 1996, 83–84 p. (In Russian).
5. Dmitriev A.V., Toschenko Zh.T. [Public opinion in the system of information and psychological security]. *Problemy informatsionno-psihologicheskoj bezopasnosti: sb. st. i mater. konf.* [Problems of information and psychological security (Collection of articles and proceedings of the conference)]. Moscow, 1996, pp. 44–46. (In Russian).
6. Kislyakov P.A. [Social security of a personality: functional components and directions of formation]. *Sovremennye issledovaniya sotsial'nyh problem: elektr. nauch. zhurn.* [Modern researches of social problems (on-line scientific journal]. 2012, № 5. Available at: http://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-

bezopasnost-lichnosti-funktsionalnye-komponenty-i-napravleniya-formirovaniya (accessed 01.10.2014). (In Russian).
7. Koroleva N.N. Smyslovye obrazovaniya v kartine mira lichnosti: aftoref. dis. … kand. psikhol. Nauk [Semantic constitutions in a worldview of a personality: author's abstract for procuring of degree of candidate of psychological sciences]. Saint Petersburg, 1998, 194 p. (In Russian).
8. Lepskij V.E. [Problems of information and psychological security]. *Psihologicheskij zhurnal* [Psychological journal]. 1996, no 3, pp. 166–168. (In Russian).
9. Roschin S.K. [Psychological security: new approach to security of a man, society and state]. *Rossijskij monitor* [Russian monitor]. 1995, no 6, pp. 32–41. (In Russian).
10. Satlejkin P.I. [A man as a subject and object of security]. *Bezopasnost'* [Security]. 1995, no 11, pp. 14–25. (In Russian).
11. Sergienko E.A. [Nature of subjekt: ontological aspect]. *Problema sub'ekta v psihologicheskoy nauke* [The problem of the subject in psychological science]. Moscow, Academ. prospect Publ., 2000, pp. 184–203.
12. Serkin V.P. *Metody psihologii, sub'ektivnoj semantiki i psihosemantiki: ucheb. posobie* [Methods of psychology, semantics and psychosemantics: study guide]. Moscow, Pchela Publ., 2008, 382 p. (In Russian).
13. Sillaste G. [Social and political security as an element of general concept of national security]. *Bezopasnost'* [Security]. 1995, no 5–6, pp. 29–46. (In Russian).
14. Smolyan G.L. *Informatsionno-psihologicheskaya bezopasnost' opredelenie i analiz predmetnoj oblasti)* [Information and psychological security (definition and problem space]. Institute of System Analysis of the Russian Academy of Sciences Publ., 1997, 52 p. (In Russian).
15. Shilova E.A. *Predstavlenio ob informacionno-psikhologicheskoy bezopasnosti mass-media (na materiale elektronnyh i pechatnyh SMI): magister. dis.* [Conception of information-psychological security of mass media (on the material of the electronic and print media): master's thesis]. Perm, Perm State University, 2013, 99 p.
16. Yankovskij R.G. [Social security as a research problem]. *Vestnik RAN* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences]. 1996, vol. 66, no 4, pp. 291–304. (In Russian).

The date of the manuscript receipt 29.01.2015

IDEAS OF INFORMATION AND PSYCHOLOGICAL SECURITY OF POLITICAL TEXT

Liubava O. Pouzyreva

Perm State University; 15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia

The study of ideas about psychological security of political text was carried out. Political text, which was subsequently offered to respondents in order to update their existing views, was designed during the research. For collecting database we used method of semantic differential and questionnaire of media preferences (M. Zubakin). Group semantic space, indicating the submission of the subjects of the psychological security of political text was revealed, as well as set of semantic differences in the estimates depending on the representations of the subjects of psychological security of the media. The author managed to get some ideas about the averaged psychological security of political text.

Key words: worldview; information and psychological security; political text; representations; semantic space.

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:
Пузырёва Л.О. Представления об информационно-психологичсекой безопасности политического текста // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2015. Вып. 1(21). С. 55–60.

Please cite this article in English as:
Pouzyreva L.O. Ideas of information and psychological security of political text // Perm University Bulletin. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 20154. Iss. 1(21). P. 55–60.

УДК 616.89+159.9.072

ВОЗМОЖНОСТИ МОДЕЛИРОВАНИЯ ПРЕДРАСПОЛОЖЕННОСТИ К НАРКОЗАВИСИМОСТИ МЕТОДАМИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Ясницкий Леонид Нахимович,

доктор технических наук, профессор,
профессор кафедры прикладной математики и информатики
Пермский государственный национальный исследовательский университет,
614600, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: yasn@psu.ru

Грацилёв Вадим Игоревич,

магистрант
Пермский государственный национальный исследовательский университет,
614600, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: Vadim.Gratsilev@gmail.com

Куляшова Юлия Сергеевна,

студентка
Российский государственный университет туризма и сервиса,
141221, Московская обл., Пушкинский район, поселок Черкизово, ул. Главная, 99;
e-mail: v_rgutis@mail.ru

Черепанов Федор Михайлович,

старший преподаватель
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет,
614990, Пермь, ул. Сибирская, 16;
e-mail: fe-c@yandex.ru

Разработана компьютерная программа, предназначенная для определения степени предрасположенности человека к наркозависимости. В основе программы лежит нейронная сеть, обученная на результатах социологических опросов. Погрешность нейросетевой модели составила меньше 1 %. С помощью нейросетевой модели произведена оценка значимости факторов, способных оказывать влияние на предрасположенность к наркозависимости. Наиболее значимыми факторами оказались: уровень образования, наличие друзей-наркоманов, тип темперамента, количество детей в семье, финансовое положение. Нейросетевая модель позволяет оценивать влияние изменения параметров, характеризующих человека, на его предрасположенность к наркозависимости, а также подбирать оптимальные сочетания этих параметров для каждого конкретного человека и, таким образом, получать индивидуальные рекомендации по снижению наркозависимости.

Ключевые слова: наркомания; наркозависимость; рекомендации; искусственный интеллект; нейронная сеть; закономерности; математическое моделирование; прогноз.

По данным Министерства здравоохранения Российской Федерации за последние 10 лет число больных наркоманией в России выросло в 12 раз. В последние годы наркомания приобрела массовый характер, что поставило эту проблему в центр внимания различных специалистов. Объяснить причины, условия и факторы, детерминирующие это социальное явление, стало актуальной задачей. К решению этой задачи разные специалисты подходят по-разному, нередко получая разные результаты. Так, в кандидатском исследовании И.М. Тазетдинова [9] проводилось обследование пациентов при помощи опроса. Оно показало, что большинству пациентов с наркотиче-

© Ясницкий Л.Н., Грацилёв В.И., Куляшова Ю.С., Черепанов Ф.М., 2015

ской зависимостью (65 %) присуща антиципационная несостоятельность.

Ю.А. Свеженцева, доцент кафедры прикладной социологии, кандидат социологических наук, методом интервьюирования пыталась определить характерные особенности детства и юности наркоманов [7]. Она выявила, что эффективный контроль со стороны родителей является важным фактором, препятствующим пробе наркотиков. Ею установлено, что среди учащейся молодёжи по сравнению с работающей молодёжью значительно меньше знакомых со вкусом наркотиков. Кроме того, Ю.А. Свеженцовой была изучена роль семьи в профилактике наркомании [8]. По ее мнению, профилактика наркомании подразумевает воспитание потребности быть здоровым и вести нормальный образ жизни, формирование стрессоустойчивости как одного из основных факторов сохранения психического здоровья и предупреждения всяческих нервных срывов.

Важным этапом предотвращения заболевания наркоманией является распознавание предрасположенности людей к наркозависимости. Алкоголизм и наркомания передаются по наследству — около 96 % алкоголиков, проходящих лечение в Национальном центре наркологии Минздравсоцразвития России, имеют родственников, страдающих этим же заболеванием, заявила заместитель директора центра Ирина Анохина на съезде Российской наркологической лиги в Москве. В свою очередь главный нарколог России Евгений Брюн считает, что уже в ближайшем будущем в стране будет широко применяться генетическое тестирование россиян на предрасположенность к различным зависимостям [6]. Его мнение согласуется с данными статьи [15], согласно которым наследственность свойственна почти всем наркоманам, а 85 % молодых людей, лечившихся от наркомании, обнаруживают алкогольную наследственность [5].

Врач психиатр-нарколог ГУЗ «ЛОНД» А.Н. Яковлев сообщает, что биологическая предрасположенность к наркотизации связана с дисфункцией системы эмоционального подкрепления, т.е. страдает система, определяющая позитивную или негативную оценку переживаемого [11]. Предрасположенные к наркозависимости люди отличаются повышенной чувствительностью к боли, выраженной реакцией на боль с учащением сердцебиения. Большинство наркоманов в детстве очень боялись уколов, этот парадокс хорошо знаком врачам из практики лечения.

Ученые из Кембриджского университета Джеффри Делей, Тим Фрайер и др. проводили исследования на крысах. Они показали, что у животных предрасположенных к наркомании, отмечается дефицит дофаминовых рецепторов в определенной зоне головного мозга [18].

Л.Н. Анисимов, подводя итог проведенным исследованиям в своей книге [1] отмечает: «Есть люди, предрасположенные к наркотикам и представляющие категорию риска. Надо четко разграничивать предрасположенность, заданную природой, и те или иные психофизиологические качества человека или черты характера, для формирования которых воспитывающая среда имеет едва ли не первостепенное значение: умелым воспитанием можно развить, а можно и приглушить ту или иную наследственную предрасположенность. Но можно и многократно увеличить наследственные задатки неумелым воспитанием».

Таким образом, даже краткий анализ литературных источников показывает, что авторы субъективно акцентируют внимание на каком-либо одном или нескольких факторах, влияющих на причины наркозависимости. Нет единого мнения в вопросе выявления наиболее значимых факторов, оказывающих влияние на развитие этого заболевания. Отсутствуют количественные оценки степени влияния исследуемых факторов на предрасположенность людей к наркозависимости.

Целью настоящей работы является создание и исследование математической модели, определяющей предрасположенность людей к наркозависимости с учетом комплексного воздействия максимально возможного количества факторов, способных оказывать влияние на ее возникновение и развитие. По нашему мнению, именно создание и исследование такой комплексной математической модели поможет выявить закономерности, объективно оценить влияние факторов, а значит, и наметить пути эффективного лечения этого заболевания.

Как показывает опыт Пермского отделения Научного совета РАН по методологии искусственного интеллекта (www.PermAi.ru), для создания математических моделей в плохо формализуемых предметных областях, когда на результат моделирования влияет большое количество факторов, а природа этих влияний не изучена, лучше всего подходят нейросетевые технологии. Предложенные в основополагающих работах У. Мак-Каллока, В. Питтса [20] и Ф. Розенблатта [21] нейронные сети реализуются по принципам построения и функционирования человеческого мозга. Они наследуют от своего прототипа — мозга его полезные свойства: способность извлечения знаний из стати-

стических данных, способность обобщения их в виде закономерностей моделируемых процессов: свойство интуиции как способность делать правильные выводы и принимать верные решения, руководствуясь информацией, которой для логического объяснения таких выводов и решений недостаточно[1].

Широкие возможности, открываемые нейросетевыми технологиями при решении проблем извлечения новых знаний из статистических данных, привлекли внимание мирового сообщества социологов и психологов, что проявилось в попытках исследования различных социальных и психологических феноменов с привлечением теории нейронных сетей. Одна из первых попыток социологов использовать нейронные сети принадлежит В.С. Бейнбридге, построившему в 1995 г. нейросетевую модель религиозной веры [17]. По-видимому, впервые возможность применения искусственных нейронных сетей в области психодиагностики показана в серии работ М.Г. Доррера, А.Н. Горбаня, А.Г. Копытова, В.И. Зенкина [2, 3, 4], относящихся к 1994–1997 гг. Ими была поставлена задача — определить, насколько адекватно нейронная сеть может воспроизвести результаты типовой психологической методики в постановке диагноза пациенту. С помощью нейросетей авторами этих работ выявлены наиболее значимые входные параметры и сделан вывод о том, что аппарат искусственных нейронных сетей позволяет оптимизировать психологические тесты путем выявления и удаления малозначимых параметров.

С тех пор психологи не раз обращались к математическому аппарату искусственных нейронных сетей, получая различного уровня результаты, в зависимости от степени владения этими развивающимися технологиями искусственного интеллекта. На сайте Пермского отделения Научного Совета РАН по методологии искусственного интеллекта (www.PermAi.ru) в разделе «Проекты» в свободном доступе выложены интерактивные программы, реализующие нейросетевые математические модели, позволяющие диагностировать сердечно-сосудистые заболевания [22], выявлять способности людей к руководящей деятельности [15], к научной и предпринимательской деятельности [16], а также выявлять склонности людей к таким порокам, как насилие и суицид.

[1] Термины «интуиция» и «шестое чувство нейронных сетей» впервые были введены и экспериментально обоснованы Л.Н. Ясницким [12, с. 57–60; 13, с. 126–128].

С помощью хорошо спроектированных и правильно обученных нейронных сетей можно выявлять закономерности практически любых предметных областей и строить адекватные математические модели в промышленности, экономике и бизнесе, политологии, медицине, экологии, исторических науках и др. [14]. По-видимому, не является исключением и такая актуальная проблема современного общества, как определение предрасположенности человека к наркозависимости.

Методика прогнозирования

При построении нейросетевых математических моделей обычно рекомендуется [12] включать как можно больше входных параметров, учитывая даже такие, о влиянии которых на результаты моделирования имеются сомнения. При последующей оптимизации модели такие параметры, в случае выявления их несостоятельности, из модели исключаются. Следуя этой рекомендации, а также учитывая доступность информации и данные приведенного выше краткого обзора литературы, для построения нейросетевой модели первоначально было выбрано семнадцать входных параметров, которые использовались в качестве вопросов анкеты:

– Пол: 1 — мужской, 2 — женский.

– Полная ли семья: 1 — полная, 2 — неполная, 3 — нет семьи.

– Были ли наркоманы в семье (отец, мать): 1 — нет наркоманов, 2 — есть наркоманы, 3 — нет семьи.

– Злоупотребляли ли родители алкоголем: 1 — нет, 2 — да, 3 — нет семьи.

– Употребляете ли вы алкоголь: 1 — нет, 2 — редко, 3 — часто.

– Курите ли вы: 1 — нет, 2 — да.

– Финансовое положение: 1 — низкий достаток, 2 — средний достаток, 3 — высокий достаток.

– Какую музыку вы предпочитаете слушать: 1 — рок, рэп (в том числе авторов-наркоманов), клубная, 2 — другая музыка.

– Часто ли вы смотрите телевизор: 1 — нет, 2 — да.

– Сколько детей в семье, в которой вы родились: 1 — один, 2 — два и больше.

– Организовывали ли ваши родители (либо опекуны) досуг ребенка: 1 — нет, 2 — да.

– Достаточно ли «душевного тепла» вы получали от родителей (опекунов): 1 — не получал, 2 — недостаточно, 3 — достаточно.

– Принимали ли вы сами решения либо за вас все делали родители/опекуны (с кем дружить, ка-

кие кружки посещать и т.д.): 1 — родители/опекуны, 2 — сам.

– Занимались ли родители/опекуны рукоприкладством: 1 — никогда, 2 — редко, 3 — часто.

– Есть ли у вас среди друзей наркоманы: 1 — нет, 2 — есть.

– Какой тип темперамента вам ближе: 1 — сангвиник, 2 — меланхолик, 3 — флегматик, 4 — холерик.

– Какое образование вы имеете: 1 — высшее (незаконченное высшее, два и более высших образования), 2 — среднее профессиональное, 3 — среднее, 4 — нет образования.

Выходной параметр нейросети кодирует значение 1, если человек имеет предрасположенность к наркозависимости, и 0 — если нет.

Для обучения нейронной сети было использовано множество данных, собранных методом анкетирования наркозависимых в Пермском краевом наркологическом диспансере и здоровых людей. Все множество примеров было разбито на обучающее, состоящее из 66 примеров, которое использовалось для обучения сети, и тестирующее множество, состоящее из 6 примеров, предназначенное для проверки ее прогностических свойств.

Проектирование, оптимизация, обучение, тестирование нейронной сети и эксперименты над нейросетевой математической моделью выполнялись с помощью нейропакета «Нейросимулятор 5.0» [10] по методике, сложившейся в Пермской научной школе искусственного интеллекта [14]. В ходе оптимизации сети путем поочередного исключения входных параметров и наблюдением за погрешностью тестирования нейросети из 17 входных параметров было выявлено и удалено 10 малозначимых параметров, после чего была спроектирована нейросеть с 7 входными параметрами:

– Употребляете ли вы алкоголь: 1 — нет, 2 — редко, 3 — часто.

– Финансовое положение: 1 — низкий достаток, 2 — средний достаток, 3 — высокий достаток.

– Сколько детей в семье, в которой вы родились: 1 — один, 2 — два и больше.

– Достаточно ли «душевного тепла» вы получали от родителей (опекунов): 1 — не получал, 2 — недостаточно, 3 — достаточно.

– Есть ли у вас среди друзей наркоманы: 1 — нет, 2 — есть.

– Какой тип темперамента вам ближе: 1 — сангвиник, 2 — меланхолик, 3 — флегматик, 4 — холерик.

– Какое образование вы имеете: 1 — высшее (незаконченное высшее, два и более высших образования), 2 — среднее профессиональное, 3 — среднее, 4 — нет образования.

Оптимальная структура нейронной сети, обеспечивающая минимальные ошибки обучения и тестирования, определенная по методике [13], представляла собой персептрон [19], имеющий семь входных нейронов, один скрытый слой с двумя нейронами и один выходной нейрон (рис. 1). В качестве активационных функций нейронов скрытого слоя и выходного нейрона использовался тангенс гиперболический, а в качестве алгоритма обучения — алгоритм упругого распространения ошибки [19].

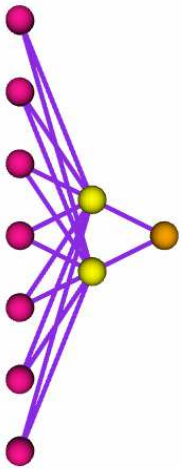


Рис. 1. Оптимальная структура нейронной сети

После обучения прогностические свойства нейронной сети проверялись на примерах тестирующего множества. Среднеквадратическая ошибка тестирования составила 1 %. Причем дополнительное тестирование нейронных сетей по методу многократной перекрестной проверки (Cross-validation [19]) не показало сколько-нибудь заметного изменения погрешности. Один из результатов такого тестирования в графическом виде представлен на рис. 2, из которого видно, что прогнозы нейронной сети незначительно отличаются от фактических показателей предрасположенности людей к наркозависимости. Еще раз отметим, что данные этих людей не были использованы при обучении нейронной сети, т.е. для нее они являются новыми и поэтому на них проверяются прогностические свойства нейронной сети. Кроме того, отметим, что количество примеров обучающего множества удовлетворяет требованию репрезентативности: оно больше, чем $7Nx + 15$, где Nx — число входных параметров [19].

Таким образом, можно утверждать, что нейронная сеть прошла тестовые испытания, а значит, она усвоила закономерности моделируемой предметной области и адекватна ей.

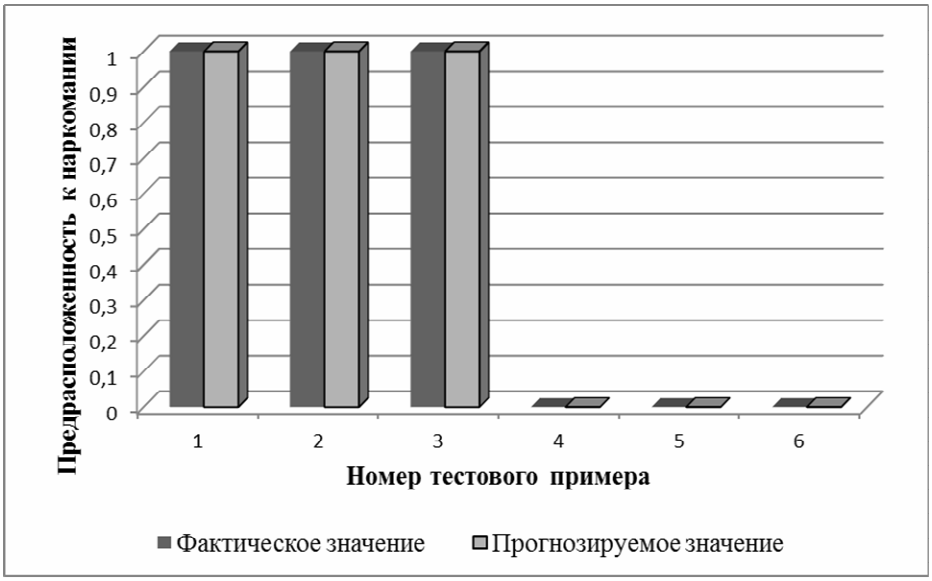


Рис. 2. Результат проверки работы нейронной сети на тестовых примерах

Вычислительные эксперименты и обсуждения результатов

После того как работа нейросети проверена на тестовых примерах и, таким образом, подтверждена адекватность нейросетевой математической модели, можно приступать к ее исследованию. Прежде всего путем поочередного исключения входных нейронов, последующим обучением, тестированием и наблюдением за погрешностью сети была определена значимость входных параметров модели, т.е. степень их влияния на результат моделирования. Как видно из гистограммы рис. 3, наиболее значимыми параметрами оказались: уровень образования, наличие друзей-наркоманов, тип темперамента, количество детей в семье, финансовое положение.

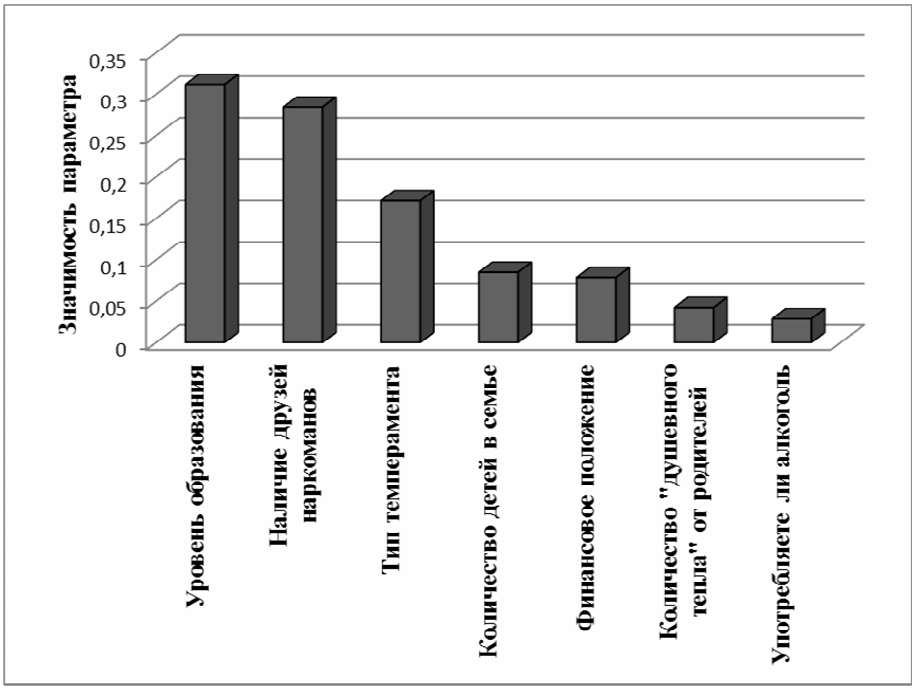


Рис. 3. Гистограмма распределения значимости входных параметров модели

Дальнейшая цель наших исследований состояла в выяснении характера влияния различных входных параметров модели на результат моделирования, т.е. на предрасположенность человека к наркозависимости. Для проведения виртуальных компьютерных экспериментов были выбраны шесть наркозависимых человек:

1. Редко употребляет алкоголь; семья имеет средний достаток; единственный ребенок; получал достаточно душевного тепла от родителей; среди друзей есть наркоманы; холерик; имеет среднее профессиональное образование.

2. Редко употребляет алкоголь; семья имеет средний достаток; в семье двое или более детей; получал недостаточно душевного тепла от родителей; среди друзей есть наркоманы; холерик; имеет среднее профессиональное образование.

3. Часто употребляет алкоголь; семья имеет высокий достаток; единственный ребенок в семье; получал недостаточно душевного тепла от родителей; среди друзей нет наркоманов; холерик; имеет высшее образование.

4. Редко употребляет алкоголь; семья имеет низкий достаток; единственный ребенок в семье; не получал душевного тепла от родителей; среди друзей есть наркоманы; холерик; имеет высшее образование.

5. Не употребляет алкоголь; семья имеет высокий достаток; в семье двое или более детей; получал достаточно душевного тепла от родителей; среди друзей нет наркоманов; холерик; не имеет образования.

6. Редко употребляет алкоголь; семья имеет средний достаток; единственный ребенок в семье; получал достаточно душевного тепла от родителей; среди друзей есть наркоманы; сангвиник; не имеет образования.

Результаты виртуальных компьютерных экспериментов над выбранными людьми представлены на рис. 4–8. Исследования выполнены путем «замораживания» (фиксации) одних входных параметров и виртуального изменения других входных параметров при одновременном наблюдении за значением выходного сигнала нейросети. На рис. 4 представлены полученные таким способом результаты вычисления предрасположенности к наркозависимости каждого из наркоманов при виртуальном изменении их темперамента и сохранении всех остальных параметров неизменными. Темным цветом на рисунке закрашены столбики, показывающие реальное значение предрасположенности к наркозависимости людей, выбранных для исследования. Как видно из этого рисунка, у 4 из 5 наркоманов при виртуальном изменении темперамента «холерик» на «сангвиник» предрасположенность к наркозависимости снижается практически до нуля. У второго и четвёртого наблюдается снижение предрасположенности к наркозависимости до 1 % при смене типа темперамента на «меланхолик». У первого и шестого наркомана виртуальное изменение темперамента не приводит к значительному понижению предрасположенности к наркозависимости.

На рис. 5 представлена полученная аналогичным способом зависимость предрасположенности к наркозависимости от количества детей в семье. Как видно из рисунка, для первого, третьего и четвёртого наркомана увеличение числа детей в семье сказывается положительно на их предрасположенности к наркозависимости, она значительно понижается. В семьях второго и пятого наркоманов и так имеются не менее двух детей и уменьшение их количества никак не сказывается на их предрасположенности к наркозависимости. Для шестого наркомана увеличение детей в семье никак не сказывается на его наркозависимости. Можно сделать вывод о том, увеличение количества детей в семье способствует понижению предрасположенности к наркозависимости у некоторых наркоманов.

Из рис. 6 видно, что, согласно нашим виртуальным экспериментам, в двух случаях из шести количество «душевного тепла», получаемого от родителей, позволило снизить предрасположенность их ребенка к наркозависимости.

Из результатов, приведенных на рис. 7, следует, что виртуальное ухудшение финансового состояния семьи в трех случаях из шести способствовало снижению предрасположенности к наркотической зависимости подростка.

Как следует из рис. 3, самым малозначимым из семи исследуемых факторов является употребление алкоголя. Этот результат согласуется с данными рис. 8, из которых видно, что только в одном случае из шести виртуальное изменение этого параметра повлияло на результат, причем несколько неожиданным образом: если бы наркоман под номером 2 увеличил частоту употребления спиртных напитков, его предрасположенность к наркозависимости уменьшилась.

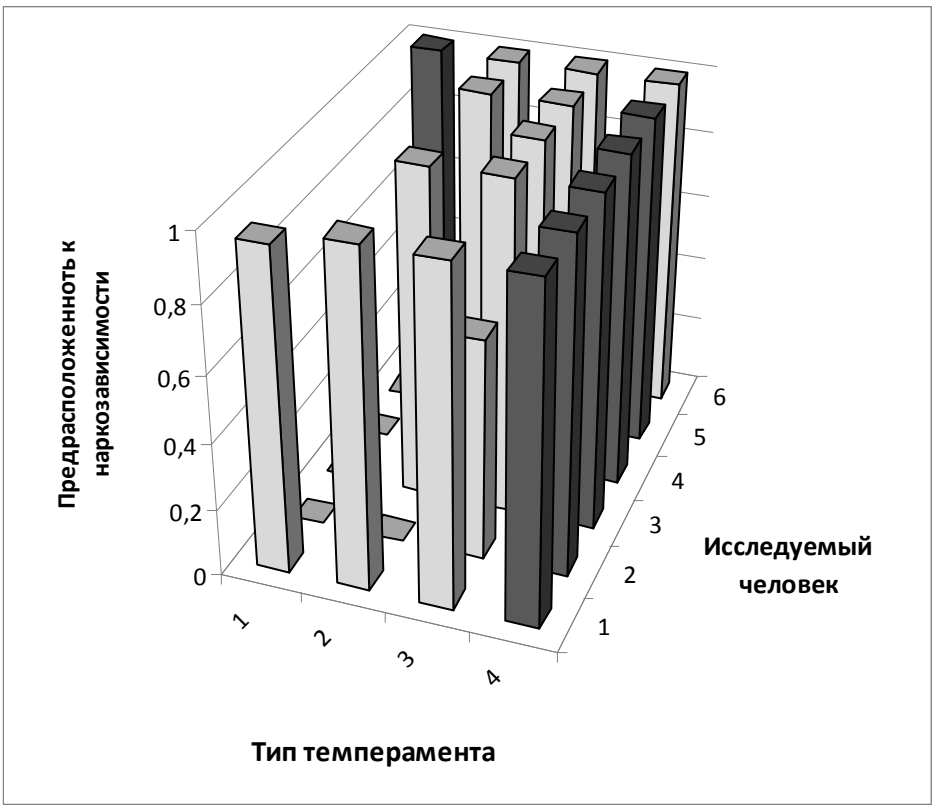


Рис. 4. Зависимость предрасположенности к наркозависимости от темперамента

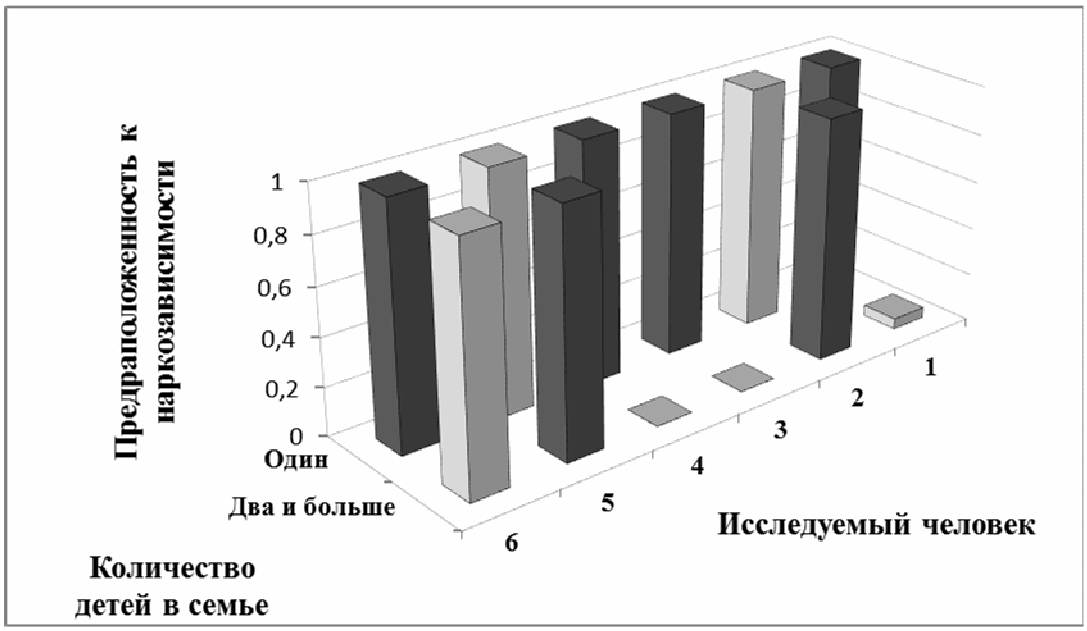


Рис. 5. Зависимость предрасположенности к наркозависимости от количества детей в семье

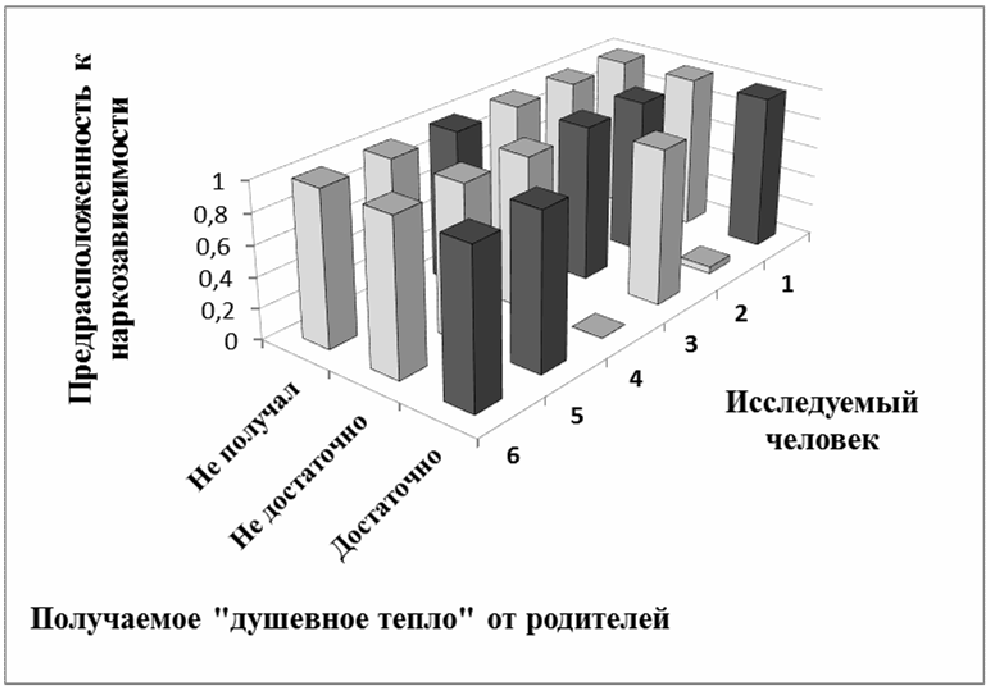


Рис. 6. Зависимость предрасположенности к наркозависимости от «душевного тепла», получаемого от родителей

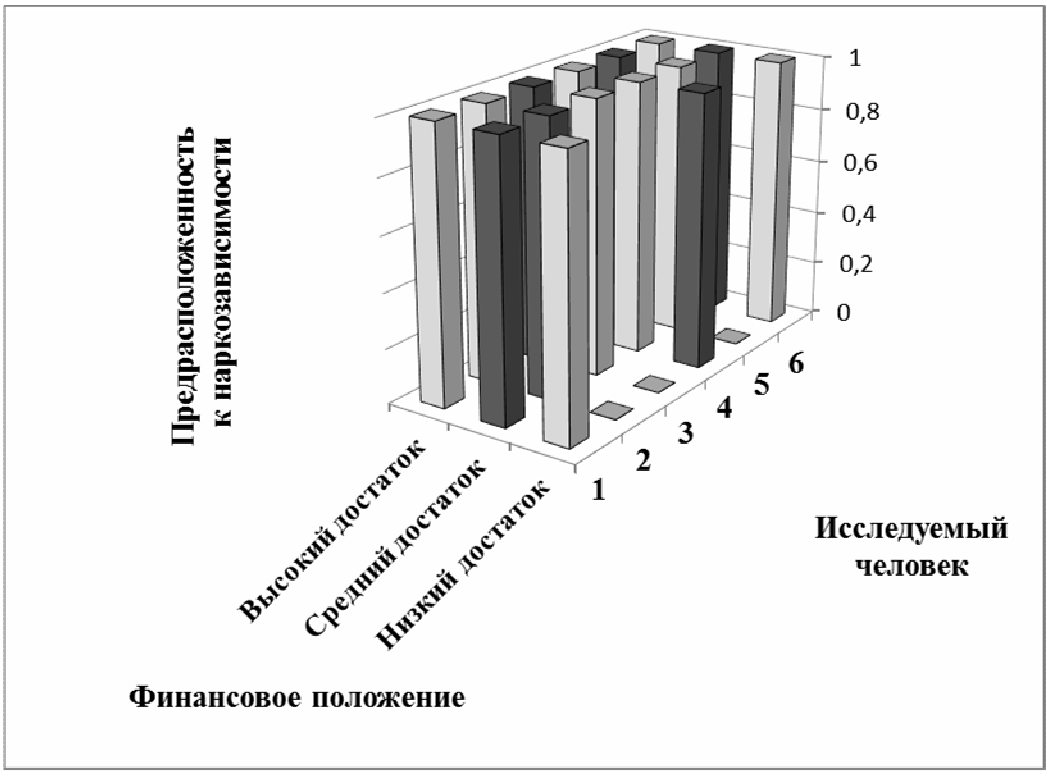


Рис. 7. Зависимость предрасположенности к наркозависимости от финансового положения

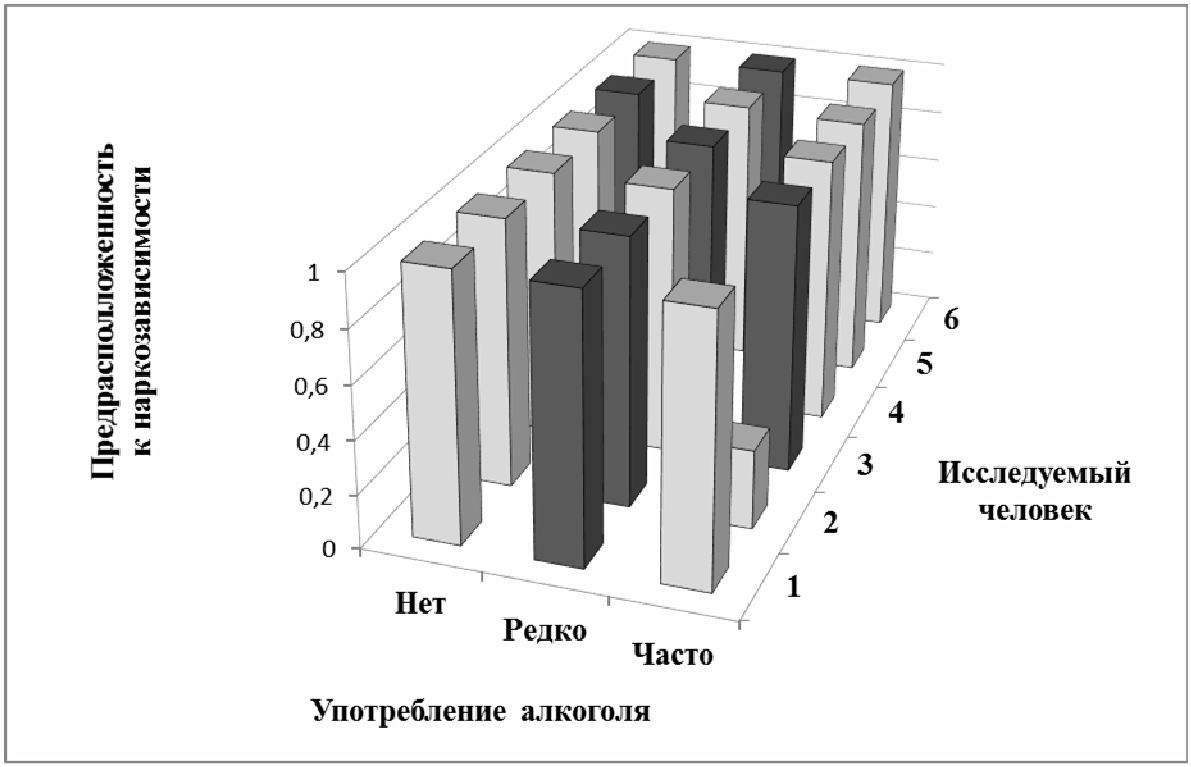


Рис. 8. Зависимость предрасположенности к наркозависимости от употребления алкоголя

Обобщая результаты виртуальных экспериментов (рис. 4–8), отметим, что виртуальное изменение параметров, которыми характеризуются исследуемые люди, по-разному влияют на их предрасположенность к наркотической зависимости. Так, изменение типа характера «холерик» на «сангвиник» (рис. 4) в четырех случаях из шести привело к снижению наркотической зависимости. Увеличение количества детей в семье (рис. 5) в трех случаях из шести привело к снижению наркозависимости. Увеличение «душевного тепла» (рис. 6) в двух случаях привело к снижению наркозависимости. Ухудшение финансового состояния (рис. 7) в трех случаях снизило наркозависимость. Уменьшение принимаемого алкоголя (рис. 8) в одном случае привело к увеличению наркозависимости.

Отсюда следует вывод, что рекомендации по снижению наркотической зависимости должны подбираться для каждого наркомана индивидуально. Пример разработки таких рекомендаций приведен на рис. 9. Здесь с помощью математической модели исследован человек, являющийся наркоманом, характеризующийся параметрами: редко употребляет алкоголь; имеет средний достаток; имеет не менее 2 детей; получал недостаточно душевного тепла от родителей; среди друзей есть наркоманы; холерик; имеет среднее профессиональное образование.

Как видно из рис. 9, самыми эффективными и в то же время простыми мерами по снижению наркозависимости исследуемого человека являются: не иметь друзей-наркоманов либо ухудшить финансовое положение. Более сложным способам, но также эффективным является получить высшее образование или изменить свой темперамент с холерика на сангвиника или меланхолика. Из рисунка также видно, что, если бы исследуемый наркоман в детстве получал больше душевного тепла, его предрасположенность к наркозависимости была бы значительно меньше.

Обратим внимание, что эти рекомендации даны в качестве примера для одного конкретного человека, а потому не являются универсальными. Для других людей, характеризующихся другими наборами экзогенных параметров, рекомендации будут другими.

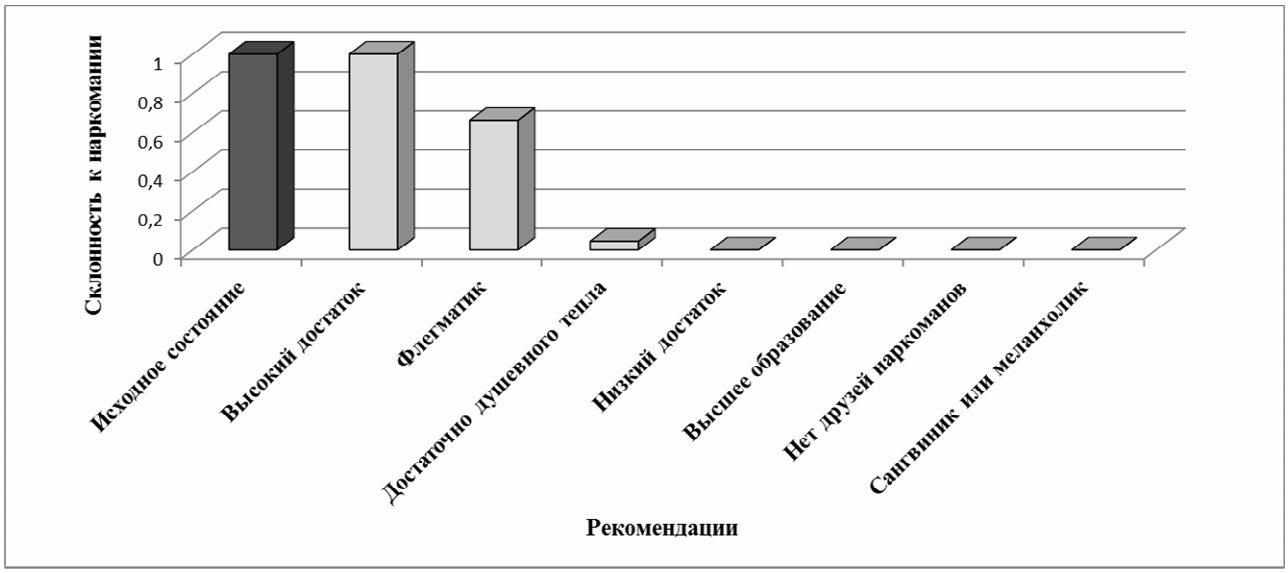


Рис. 9. Рекомендации по снижению наркотической зависимости

Заключительные замечания

Подводя итог выполненным исследованиям, отметим, что приведенные здесь выводы на первый взгляд кажутся сомнительными и бесполезными. Однако напомним, что используемая статистическая выборка по крайней мере удовлетворяет условию репрезентативности. Кроме того, полученные выводы являются результатом компьютерных экспериментов над математической моделью, адекватность которой доказана довольно низкой погрешностью (1 %), полученной на тестовых примерах (см. рис. 2), т.е. на примерах диагностики реальных людей, данные о которых при создании модели не использовались. Причем дополнительное тестирование по методу Cross-validation [19] не изменило это значение погрешности. Следовательно, такая величина погрешности гарантируется для результатов виртуальных компьютерных экспериментов, представленных на рис. 3–9.

Во-вторых, эти результаты имеют методическое значение. Нами показано, как математически строго можно получать объективную оценку значимости (степени важности) параметров (см. рис. 3), используемых психологами и медиками при создании методик, предназначенных для исследования, профилактики и лечения наркозависимости.

В-третьих, компьютерная программа, реализующая математическую модель, выложена в свободном доступе в разделе «Проекты» сайта Пермского отделения Научного совета РАН по методологии искусственного интеллекта (www.PermAi.ru) и может быть использована наркозависимыми людьми, а также родителями и педагогами для получения индивидуальных рекомендаций по лечению заболевания.

Список литературы

1. *Анисимов Л.Н.* Профилактика пьянства и наркомании среди молодежи. М.: Просвещение, 2006. 45 с.
2. *Доррер М.Г.*, Горбань А.Н., Копытов А.Г., Зенкин В.И. Психологическая интуиция нейронных сетей // Нейроинформатика и ее приложения: материалы III Всерос. рабочего семинара. Красноярск: КГТУ, 1995. С. 114–127.
3. *Доррер М.Г.* Обработка психологической информации при помощи нейронных сетей // Проблемы информатизации региона: материалы второй межрегион. конф. Красноярск: КГТУ, 1997. С. 33–43
4. *Доррер М.Г.* Попытка применения нейронных сетей для прогнозирования психологической совместимости в группе // Нейроинформатика и ее приложения: Программа и тезисы докладов II Всерос. рабочего семинара, 1994. С. 13.
5. *Причины* употребления наркотиков. URL: http://www.narcozona.ru/prupotrnark.html (дата обращения: 04.11.2014).
6. *«Риановости»*. URL: http://ria.ru/antidrugs/20110421/366957864.html (дата обращения: 03.11.2014).
7. *Свеженцева Ю.А.* Социокультурные аспекты приобщения к наркотикам: качественный анализ

проблемы // Молодёжь и наркотики (социология наркотизма) / под ред. В.А. Соболева, И.П. Рущенко. Харьков: Торсинг, 2000. С. 84–129.

8. *Свеженцева Ю.А.*, Головченко Д.А. Роль семьи в профилактике наркомании, реальная и потенциальная // Профилактика наркомании: организационные и методические аспекты. Итоговые материалы международного проекта / сост. И.П. Рущенко. Харьков: Финарт, 2002. С. 123–137.
9. *Таземдинов И.М.* Влияние психопатологических расстройств и личностных особенностей больных опиоидной зависимостью на эффективность реабилитации: автореф. дис. … канд. мед. наук. Казань, 2006. 195 с.
10. *Черепанов Ф.М.*, Ясницкий Л.Н. Нейросимулятор 5.0. Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2014618208. Заявка Роспатент № 2014614649. Зарегистрировано в Реестре программ для ЭВМ 12 августа 2014 г.
11. *Яковлев А.Н.* Биологическая предрасположенность к наркотизации. URL: http://vita-clinica.ru/index.php?article=35 (дата обращения: 08.11.2014).
12. *Ясницкий Л.Н.* Введение в искусственный интеллект. М.: Академия, 2005. 176 с.
13. *Ясницкий Л.Н.* Искусственный интеллект. М.: БИНОМ: Лаборатория знаний, 2011. 240 с.
14. *Ясницкий Л.Н.*, Богданов К.В., Черепанов Ф.М. Технология нейросетевого моделирования и обзор работ Пермской научной школы искусственного интеллекта // Фундаментальные исследования. 2013. № 1–3. С. 736–740.
15. *Ясницкий Л.Н.*, Михалева Ю.А., Черепанов Ф.М. Возможности методов искусственного интеллекта для выявления и использования новых знаний на примере задачи управления персоналом // International Journal of Unconventional Science: журн. формирующихся направлений науки. 2014. С. 32–41.
16. *Ясницкий Л.Н.*, Порошина А.М., Тавафиев А.Ф. Нейросетевые технологии как инструмент для прогнозирования успешности предпринимательской деятельности // Российское предпринимательство. 2010. № 4(2). С. 8–13.
17. *Bainbridge W.S.* Neural Network Models of Religious Belief // Sociological Perspectives. Winter, 1995. V. 38, № 4, Computer Simulations and Sociological Theory. P. 483–495.
18. *Dalley J.W.*, Fryer T.D., Brichard L. et al. Nucleus Accumbens D2/3 Receptors Predict Trait Impulsivity and Cocaine Reinforcement // Science. 2007. V. 315, № 5816. P. 1267–1270.
19. *Haykin S.* Neural networks: A comprehensive foundation (2nd ed.). New Jersey: Prentice Hall International, Inc., 1999. 1103 p.
20. *McCulloch W.S.*, Pitts W. A Logical Calculus of Ideas Immanent in Nervous Activity // Bull. Mathematical Biophysics. 1943. № 5. P. 115–133.
21. *Rosenblatt F*. Principles of Neurodynamics. N.Y.: Spartan Books. 1962. 606 p.
22. *Yasnitsky L.N.*, Bogdanov K.V., Cherepanov F.M. et al. Diagnosis and Prognosis of Cardiovascular Diseases on the Basis of Neural Networks // Biomedical Engineering. 2013. V. 47, № 3. P. 160–163.

Получено 01.02.2015

References

1. Anisimov L.N. *Profilaktika p'yanstva i narkomanii sredi molodezhi* [Prevention of alcoholism and drug addiction among young people]. Moscow, Prosveshcheniye Publ., 2006, 45 p. (In Russian).
2. Dorrer M.G., Gorban' A.N., Kopytov A.G., Zenkin V.I. [Psychological intuition of neural networks]. *Neyroinformatika i yeyo prilozheniya: Materialy III Vseros. rabochego seminara* [Neuroinformatics and its applications: Proceedings of the IIIrd All-Russian Workshop]. Krasnoyarsk, KSTU Publ., 1995, pp. 114–127. (In Russian).
3. Dorrer M.G. [Psychological information processing using neural networks]. *Problemy informatizatsii regiona: Materialy vtoroy mezhregion. konf.* [Problems of Information Region: Proceedings of the second inter-regional conference]. Krasnoyarsk, KSTU Publ., 1997, pp. 33–43. (In Russian).
4. Dorrer M.G. [An attempt to use neural networks to predict the psychological compatibility in the group]. *Neyroinformatika i yeye prilozheniya: Programma i tezisy dokladov II Vseros. rabochego seminara* [Neuroinformatics and its applications: Program and abstracts II National Workshop], 1994, p.13. (In Russian).
5. *Prichiny upotrebleniya narkotikov* [The reasons for drug use]. Available at: http://www.narcozona.ru/prupotrnark.html (accessed 04.11.2014). (In Russian).
6. *«Rianovosti»*. Available at: http://ria.ru/antidrugs/20110421/366957864.html (accessed 03.11.2014). (In Russian).
7. Svezhentseva Yu.A. [Social and cultural aspects of initiation of drug abuse: a qualitative analysis of the problem]. *Molodyozh' i narkotiki (sotsiologiya narkotizma)* [Youth and Drugs (sociology of drug addiction)]. Khar'kov, Torsing Publ., 2000, pp. 84–129. (In Russian).

8. Svezhentseva Yu.A., Golovchenko D.A. [The role of the family in drug prevention, real and potential]. *Profilaktika narkomanii: organizatsionnyye i metodicheskiye aspekty. Itogovyye materialy mezhdunarodnogo proyekta* [Drug prevention: organizational and methodological aspects. International project deliverables]. Khar'kov, Finart Publ., 2002, pp. 123–137. (In Russian).
9. Tazetdinov I.M. *Vliyaniye psikhopatologicheskikh rasstroystv i lichnostnykh osobennostey bol'nykh opioidnoy zavisimost'yu na effektivnost' reabilitatsii: dis. … kand. med. nauk* [Influence of psychopathological disorders and personality characteristics of patients with opioid dependence on the effectiveness of rehabilitation: Dissertation for procuring of degree of candidate of medical sciences]. Kazan', 2006. 195 p. (In Russian).
10. Cherepanov F.M., Yasnitskiy L.N. *Neyrosimulyator 5.0* [Neurosimulator 5.0]. Certificate of state registration of the computer program № 2014618208. The application Rospatent № 2014614649. Registered in Computer Program Register on August 12 2014.
11. Yakovlev A.N. *Biologicheskaya predraspolozhennost' k narkotizatsii* [Biological predisposition to drug addiction]. Available at: http://vita-clinica.ru/index.php?article=35 (accessed 08.11.2014). (In Russian).
12. Yasnitskiy L.N. *Vvedeniye v iskusstvennyy intellekt* [Introduction to artificial intelligence]. Moscow, Akademiya Publ., 2005, 176 p. (In Russian).
13. Yasnitskiy L.N. *Iskusstvennyy intellekt* [Artificial intelligence]. Moscow, BINOM. Laboratoriya znaniy Publ., 2011, 240 p. (In Russian).
14. Yasnitskiy L.N., Bogdanov K.V., Cherepanov F.M. [Neural network modeling technology and an overview of the Perm Scientific School of Artificial Intelligence]. *Fundamental'nyye issledovaniya* [Fundamental research]. 2013, no 1–3, pp. 736–740. (In Russian).
15. Yasnitskiy L.N., Mikhaleva Yu.A., Cherepanov F.M. [The possibility of artificial intelligence methods for identifying and using new knowledge for the problem of personnel management]. International Journal of Unconventional Science, 2014, pp. 32–41. (In Russian).
16. Yasnitskiy L.N., Poroshina A.M., Tavafiyev A.F. [Neural network technology as a tool for predicting the success of entrepreneurial activity]. *Rossiyskoye predprinimatel'stvo* [Russian Entrepreneurship], 2010, no 4(2), pp. 8–13. (In Russian).
17. *Bainbridge W.S.* Neural Network Models of Religious Belief // Sociological Perspectives. Winter, 1995. V. 38, № 4, Computer Simulations and Sociological Theory. P. 483–495.
18. *Dalley J.W.*, Fryer T.D., Brichard L. et al. Nucleus Accumbens D2/3 Receptors Predict Trait Impulsivity and Cocaine Reinforcement // Science. 2007. V. 315, № 5816. P. 1267–1270.
19. *Haykin S.* Neural networks: A comprehensive foundation (2nd ed.). New Jersey: Prentice Hall International, Inc., 1999. 1103 p.
20. *McCulloch W.S.*, Pitts W. A Logical Calculus of Ideas Immanent in Nervous Activity // Bull. Mathematical Biophysics. 1943. № 5. P. 115–133.
21. *Rosenblatt F*. Principles of Neurodynamics. N.Y.: Spartan Books. 1962. 606 p.
22. *Yasnitsky L.N.*, Bogdanov K.V., Cherepanov F.M. et al. Diagnosis and Prognosis of Cardiovascular Diseases on the Basis of Neural Networks // Biomedical Engineering. 2013. V. 47, № 3. P. 160–163.

The date of the manuscript receipt 01.02.2015

POSSIBILITIES OF ARTIFICIAL INTELLECT IN DETECTION OF PREDISPOSITION TO DRUG ADDICTION

Leonid N. Yasnitskiy, Vadim I. Gratsilev

Perm State University; 15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia

Julia S. Kulyashova

Russian State University of Tourism and Service;
99, Glavnaya str., Cherkizovo vil., Moscow region, 141221, Russia

Fyodor M. Cherepanov

Perm State Pedagogical University; 16, Sibirskaya str., Perm, 614990, Russia

A computer program is designed to determine the degree of predisposition of a human to drug addiction. The program is based on the neural network trained on the results of sociological surveys. Error of neural network model is less than 1 %. With the help of neural network a model evaluates the importance of factors that can influence predisposition to drug addiction. The most important factors are: the level of education, having friends who use drugs, temperament type, number of children in the family, financial situation. Neural network

model allows to evaluate the effect of varying the parameters characterizing the man and his predisposition to addiction and select the optimal combination of these parameters for each individual and thus to receive individual recommendations for reducing drug addiction.
Key words: addiction; drug addiction; recommendations; artificial intelligence; neural network; regularities; mathematical modeling; prediction.

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:
Ясницкий Л.Н., Грацилёв В.И., Куляшова Ю.С., Черепанов Ф.М. Возможности моделирования предрасположенности к наркозависимости методами искусственного интеллекта // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2015. Вып. 1(21). С. 61–73.

Please cite this article in English as:
Yasnitskiy L.N., Gratsilev V.I., Kulyashova J.S., Cherepanov F.M. Possibilities of artificial intellect in detection of predisposition to drug addiction // Perm University Bulletin. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2015. Iss. 1(21). P. 61–73.

УДК. 159.9:355.01

ВЛИЯНИЕ ТИПА ОРГАНИЗАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ НА СЛУЖЕБНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

Колосович Александр Степанович,
старший преподаватель кафедры психологии управления,
Львовский государственный университет внутренних дел,
адъюнкт Национального университета гражданской защиты Украины;
Украина, 79000, Львов, ул. Городоцкая, 26;
e-mail: kolos1967@i.ua

В статье представлены результаты исследования влияния организационной культуры на служебное взаимодействие военнослужащих. Организационная культура — обязательный элемент любой профессиональной среды, а служебное взаимодействие между военнослужащими может формироваться только при иерархическом типе организационной культуры.

Основные направления формирования иерархической организационной культуры: социализация новых членов организации; включение в систему личной мотивации военнослужащего основных элементов организационной культуры; разработка кодекса поведения, средств сохранения и воспроизводства организационной культуры; создание форменной одежды, определение знаков отличия, статуса, наград, создание системы формирования и поддержания мотивации к служебной деятельности.

Ключевые слова: служебное взаимодействие; военнослужащие; организационная культура; воинское подразделение; мероприятия по формированию.

Введение

Профессиональная деятельность военнослужащих имеет уникальную особенность. Она проявляется в целях деятельности, формах ее выполнения, взаимоотношениях, которые строго регламентируются, и др. На эффективность выполнения служебных обязанностей влияют многие факторы и далеко не последнее место занимают социально-психологические процессы. Традиции, нормы, ценности, лидеры (формальные и неформальные), социометрический статус командира, доверие к нему и многое другое являются наполнением социально-психологической характеристики любого профессионального коллектива и прежде всего воинского. Особое место занимает характер взаимодействия военнослужащих.

Взаимодействие в профессиональной сфере военных можно в целом классифицировать как взаимодействие между подразделениями, т.е. межгрупповое, и взаимодействие внутригрупповое. Первое зависит от интеллектуальных способностей военного руководства, от его способности учесть факторы, которые могут повлиять на результат, спланировать действия всех воинских подразделений. Второе непосредственно влияет на выполнение поставленных задач. Большое значение при этом имеют такие аспекты взаимодействия в военно-профессиональной среде, как выполнение поставленной командиром задачи, понимание подчиненными всех деталей его плана, их уверенность в товарищах и в командире и многое другое. Здесь вступают в действие внутригрупповые процессы. Многие исследователи указывали на необходимость в профессиональной деятельности военнослужащих «взаимодействия», или «профессионального взаимодействия». Но более корректным здесь будет термин «служебное взаимодействие», который удачно использовал для выявления критериев развития профессионализма офицера А.А. Алексеев [1].

Современная военная психология хотя и указывает на важность учета социально-психологических явлений в воинских подразделениях, но ограничивается традиционными методами исследования: социометрия фактически выступает единственным методом определения социально-психологической характеристики подразделения. Необходимо также отметить, что имеется существенная разница между военной психологией и психологией труда других видов деятельности. Военная психология не всегда успешно пытается использовать разработки, например, организационной психологии или психоло-

© Колосович А.С., 2015

гии управления в своих интересах. При этом следует учесть, что указанные отрасли психологии ушли далеко вперед.

Как указывают организационные психологи, организационной культуры не может не быть. Она спонтанно формируется в любой организации. Люди неизбежно привносят в нее свой опыт. В результате получается сложное взаимодействие индивидуальных культур, формирующих уникальность организации [2]. То же происходит и в военно-профессиональной среде, несмотря на ее четкую регламентированность уставами и ответственностью за их несоблюдение. Люди разные и их совместная деятельность создает уникальную социально-психологическую среду — организационную культуру.

На необходимость взаимодействия в профессиональной деятельности указывают многие научные источники. Исследования особых условий военно-профессиональной деятельности свидетельствуют о необходимости взаимодействия. Однако выявление ее не носит комплексного характера.

Исследований организационной культуры в военно-профессиональной деятельности обнаружить не удалось.

Учитывая сказанное выше, можно сформулировать следующую *цель*: определить характер влияния на служебное взаимодействие между военнослужащими организационной культуры в воинских подразделениях.

Теоретическая основа исследвания

В начале исследования необходимо определить понятие «организационная культура» и обосновать необходимость его использования.

В последние двадцать лет понятие «организационной культуры» стало использоваться исследователями организации и менеджерами, которые обозначали им общий климат в организации, методы работы с людьми, а также ценности и кредо организации. Сегодня известны разные подходы к определению организационной культуры [2, 12].

Обратимся к справочной литературе: в ее толковании понятие «культура» обозначает систему отношений и действий, которая выдерживает испытание временем и формирует у членов данного культурного сообщества довольно уникальную общую для них психологию. Именно она придает смысл различным отношениям и действиям. Культура выступает и как «специфический способ организации и развития человеческой жизнедеятельности, представленный в продуктах материального и духовного труда, в системе социальных норм и учреждений, духовных ценностей, в совокупности отношений людей к природе, между собой и к самим себе» [10].

Организационная культура исходит из общих закономерностей функционирования общества. В общей культуре страны или отдельного этноса можно выделить ее виды: повседневную, художественную, научную, деловую и др. Есть и личная, индивидуальная, культура. Деловая культура существует на уровне страны, народа. Она определяет поведение людей в труде, партнерстве, переговорах и т.д. Такие ценности, как качество, время, обязательность и др., по-разному проявляются у народов. В рамках одной страны формируются субкультуры, которые отличают разные этнические, товарищеские, любительские, возрастные, половые, профессиональные группы, семьи; элементы субкультуры могут формироваться и в организациях. Лидеры и работники отдельных бизнес-организаций создают неповторимые сочетания. Есть культуры и в каждой социальной организации — организационные культуры (их называют еще корпоративные культуры или социокультуры организации) [6, с. 188].

Э. Шейн, известный исследователь, в своих практических разработках указывал, что культура группы может быть определена через паттерн коллективных базовых представлений, которые приобрела группа в процессе адаптации к изменениям внешней среды и внутренней интеграции. «Эффективность этого оказывается достаточной для того, чтобы считать его ценным и передавать новым членам группы в качестве правильной ситемы восприятия и рассмотрения названных проблем» [12].

Н. Деметр считает, что «культура предприятия — это система представлений, символов, ценностей, образцов поведения, разделяемых всеми его членами». А основная функция организационной культуры состоит в том, чтобы создать ощущение идентичности всех членов организации, образ коллективного «мы» [2].

А. Каммель и Й. Хентуе рассматримают организационную культуру как «коллективное программирование», которое отличает одну группу от другой. Усвоенная и принятая коллективом программа является «программным обеспечением» управления поведением и целевыми установками каждого индивида. При этом ценности абстрактны, образуют стабильную во времени структуру. Ценности сознательно или неосознанно

реализуются в течение жизни, в повседневном поведении [6, с. 190].

М.В. Удальцова, изучив опыт японских и американских организаций, выделила основные признаки развитой организационной культуры, которые формируют их «деловое кредо», а именно совокупность стоящих перед ними основных целей:

– миссия организации (общая философия и политика);

– базовые цели организации;

– кодекс поведения.

Она считает, что эти три элемента организационной культуры обязательны и в различных организациях могут быть представлены по-разному [11].

О.С. Виханский и А.И. Наумов считают, что организационная культура «есть набор наиболее важных предположений, которые принимаются членами организации и получают выражение в заявленных организацией ценностях, задающих людям ориентиры их поведения и действий». Ее основополагающими элементами являются:

– предположения, которых придерживаются члены организации в своем поведении и действиях (часто они связаны с видением окружающей среды и регулирующих ее переменных);

– ценности (показывают, ориентируют членов группы относительно допустимого и недопустимого типов поведения);

– символика (посредством ее членам организации передаются ценностные ориентации) [6, с. 192].

Ф. Харрис и Р. Моран предлагают рассматривать конкретную организационную культуру на основе следующих десяти характеристик:

– осознание своего места в организации;

– коммуникационная система и язык общения;

– внешний вид, одежда и представление себя на рабочем месте;

– что и как едят люди, привычки и традиции в этой области;

– осознание времени, отношение к нему и его использование;

– взаимоотношения между членами;

– ценности и нормы;

– вера во что-то и отношение, расположение к нему;

– процесс научения и развития персонала;

– трудовая этика и мотивирование [2, 11].

Они выделяют субъективную (элементы «символики», особенно ее «духовной части»: герои организации, мифы из истории организации и о ее лидерах, организационное табу, обряды и ритуалы, восприятие языков обращения и лозунгов, организационную культуру) и объективную составляющие организационной культуры (физическое окружение в организации: само здание и его дизайн, место расположения, оборудование и мебель, цвета и объем пространства, удобства, комнаты приема, стоянки для автомобилей и сами автомобили) [6, с. 204].

Организационная культура определятся прежде всего деловой культурой страны, которая в свою очередь определяется общей культурой народа. На этом акцентировал внимание и А.И. Пригожин, который считал организационную культуру продуктом взаимодействия деловой культуры макросреды (континента, страны, региона, вида бизнеса, отрасли, профессии) и своеобразия индивидуальных культур участников организации [7]. Это важно в управленческом смысле, поскольку культура, как заметил Г. Хофштед, есть «коллективное программирование поведения людей», особенностей их деятельности в организации [6, с. 208]. *Стихийно сформированная культура может оказаться не самой благоприятной* для бизнеса, тем более в условиях выполнения боевой задачи: где принято служить с прохладцей и кое-как, существуют высокая конфликтность, неуважение к командиру, к своим обязанностям. Но через умелое распределение функций, формирование мотивации, развитие отношений между военнослужащими, согласование интересов, вовлечение их в выработку плана действий (посредством специальных методов) можно развить организационную культуру до такого уровня, когда интересы и действия каждого будут максимально ориентированы на общие цели. Поэтому корпоративная культура есть естественно-искусственное образование, характеризующее наиболее развитую личность организации. Но самый высокий уровень ее развития — это разработка идеологии организации, дающей духовный и эмоциональный подъем, высокую идентификацию персонала с организацией и соответствующую трудовую отдачу. Именно поэтому все больше руководителей сферы бизнеса открывают новые возможности повышения управляемости своих предприятий, учреждений путем формирования корпоративной культуры.

Т.М. Полушкина указывает на необходимость учитывать, что в одной организации может быть много «локальных» культур. При этом есть преобладающая во всей организации культура и культура ее частей (уровней, подразделений; профессиональных, региональных, националь-

ных, возрастных, половых и других групп). Эти субкультуры могут сосуществовать в рамках одной общей культуры. При всём позитивном нельзя недооценивать и возможные негативные проявления корпоративной культуры: прямая оппозиция ценностям доминирующей культуры; оппозиция структуре власти в рамках доминирующей культуры организации; оппозиция образцам отношений и взаимодействий, поддерживаемых доминирующей культурой. Контркультуры в организациях появляются обычно там, где индивиды или группы оказываются в условиях, которые, как они чувствуют, не могут обеспечить им привычного или желаемого удовлетворения [6].

Таким образом, организационная культура охватывает значительную часть духовной и материальной сторон профессионального коллектива, а именно: доминирующие в нём моральные нормы и ценности, принятый кодекс поведения и укоренившиеся ритуалы, установленные стандарты качества выпускаемой продукции, даже манера одеваться и др. *Главная цель организационной культуры* — обеспечение внешней адаптации и внутренней интеграции организации за счёт совершенствования управления персоналом. Поэтому современные руководители рассматривают социокультуру как мощный стратегический инструмент, позволяющий ориентировать как подразделения, так и отдельных работников на общие цели, мобилизовать инициативу работников и облегчить продуктивное общение между ними.

Что касается особенностей служебного взаимодействия, то проведенный анализ литературы указывает на скупость исследований. Исследований, которые направлены именно на выявление особенности взаимодействия в профессиональной деятельности военных, немного. Так, А.С. Калюжный выделил в военной профессии виды межличностного взаимодействия, а именно: ритуальное (ценности группы, а люди выражают ритуалом то, что составляет их социальные ценности), операционное (распределение профессиональных функций, исполнение функциональных обязанностей), соревновательное (четко определена цель, которая должна быть достигнута, и все действия по ее достижению соотнесены таким образом, что они не вступают в конфликт), уход (находясь с другими людьми и выполняя совместную деятельность, человек мысленно находится в совершенно другом месте), совместное времяпрепровождение (обеспечивает хотя бы минимум приятных чувств, знаков внимания и является фиксированной формой трансакций, призвано удовлетворять потребность в признании), манипуляция (искаженный способ взаимодействия, так как все межличностные потребности превращаются в необходимость контроля за другими) [4].

Б.П. Бархаев и некоторые другие исследователи считают, что обнаружение «внутренних» предпосылок каждого участника совместной военной деятельности приводит к осложнениям, поскольку все в понимании человека человеком построено на субъективных механизмах восприятия другого. Они также указали, что взаимодействие обусловлено влиянием психологических факторов малых групп, а именно давлением общественного мнения, коллективного настроения, традиций, внутригрупповых отношений и межгруппового взаимодействия [8, с. 35]. К важнейшим психологическим элементам, которые определяют поведение военного руководителя в ситуации взаимодействия, они отнесли виды установок к будущему акту управленческого взаимодействия, ориентационные позиции предвидения развития ситуации взаимодействия, межличностные позиции, обусловливающие выбор средств, способов действий и самоконтроля [8, с. 334] .

С.А. Козолуп в управленческом взаимодействии выделил следующие группы социально-психологических трудностей:

1. Организационно-процессуальные (применение санкций, проблема выбора релевантных способов воздействия; организация и проведение занятий).

2. Оценочные (участников и результатов совместной деятельности, проблемы в восприятии обратной связи; значимости взаимодействия, выбор критериев оценки; преодоления неуверенности в себе, признание своих ошибок).

3. Коммуникативные (формулировка сообщения, выбор аргументов; единство понимания предмета общения, выбор средств коммуникации в соответствии с ее целями) [3].

Проведенные исследования [3, 4, 5] позволили установить *содержание и особенности служебного взаимодействия*, а именно:

– оно является разновидностью профессионального взаимодействия, социально-психологическим процессом, который интегрирован в процесс совместного выполнения военнослужащими задач, стоящих перед воинским подразделением;

– его компонентами являются социально-психологические характеристики коллектива, когнитивные явления, мотивационные особенности и межличностные отношения;

– условия выполнения задач, которые содержат повышенную опасность для жизни и здоровья, выполняют роль стимула относительно налаживания служебного взаимодействия. Это указывает на то, что с ростом уровня опасности задач растет степень служебного взаимодействия;

– ему способствуют определенные личностные характерологические качества, которые установлены путем проведения корреляционного анализа. Кореляционные связи служебного взаимодействия с личностными качествами следующие ($p \leq 0,05$): целеустремленность (0,64), уравновешенность (0,48), чувство достоинства (0,62), ответственность (0,45), тактичность (0,39), склонность к дружбе и энергичность (0,31), скромность (0,26), принципиальность (0,32);

– проведение факторного анализа привело к выводу о значительном влиянии мотивации. Она способствует формированию служебного взаимодействия, поскольку цели достижения личных результатов, позитивный опыт коллективных действий и желание его еще пережить одни из главных компонентов инициации совместных служебных действий.

Эмпирическая часть исследования

Нами *проведено эмпирическое исследование*, в котором участвовали 588 военнослужащих Вооруженных Сил и Национальной гвардии Украины из 7 подразделений. Из них рядовых — 379, сержантов — 126, офицеров — 83. Возраст исследуемых — от 19 до 43 лет. Все исследуемые мужчины. Выборка также характеризуется билингвичностью участников, а именно равнозначным использованием украинского и русского языков.

Методы исследования:

1. Для оценки социально-психологических особенностей подразделений применена методика диагностики организационной культуры К. Камерона и Р. Куинна OCAI (Organization Culture Assessment Instrument), которая адаптирована в русскоязычной версии. Участники проявили полное понимание стимульного материала методики. В качестве базиса OCAI используются шесть содержательных измерений:

а) доминантные характеристики организации, или определение того, на что организация похожа в целом;

б) стиль лидерства, пронизывающий организацию;

в) управление наемными работниками, или стиль, который характеризует отношение к наемным работникам и определяет, что представляют собой условия труда;

г) связующая сущность организации, или механизмы, которые позволяют организации существовать;

д) стратегические акценты, определяющие, какие сферы приводят в движение стратегию организации;

е) критерии успеха, показывающие, как определяется, вознаграждается и почитается победа.

По критериям «гибкость / индивидуальность», «стабильность / контроль» и «ориентация на внешнюю / внутреннюю среду» авторы выделяют четыре типа организационных культур: иерархическая, адхократическая или партисипативная, клановая или организационная, рыночная. Используется опросник, в котором респондентам предлагается отобразить как реальную, так и желательную ситуацию [12].

2. Параметрическая социометрия, цель которой определение типов лидеров — профессиональный, организационный, волевой, рациональный и эмоциональный, — сумма которых дает общий лидерский статус.

3. Анкета по определению уровня взаимодействия с другими военнослужащими, в которой военнослужащие оценивали сослуживцев.

4. В качестве дополнительных переменных включены: опасность службы как основная отличительная черта деятельности, а также уровень формального лидерства, где чем больше должность, тем выше степень формального лидерства.

При оценке степени влияния социокультуры на деятельность организации специалисты учитывали три фактора: направленность, широта и сила. Первый фактор указывает на то, как социокультура влияет на достижение цели организации — помогает или тормозит; второй фактор свидетельствует о широте распространения идеи оргкультуры среди персонала; третий фактор характеризует степень принятия персоналом идей и ценностей социокультуры. Поэтому только та социокультура оказывает положительное влияние на организацию, которая поддерживает её цели, охватывает широкий круг работников и находит отклик среди персонала [6, 11].

Результаты исследования организационной культуры по подразделениям представлены в табл. 1.

Таблица 1. Результаты исследования организационной культуры

Подразделение	Тип реальной организационной культуры				Тип желаемой организационной культуры			
	ОК	ПК	РК	ИК	ОК	ПК	РК	ИК
1	29,05 ± 2,2	15,88 ± 2,0	28,94 ± 3,4	26,05 ± 3,5	31,23 ± 3,4	30,23 ± 2,8	20,23 ± 3,1	19,05 ± 2,4
2	26,00 ± 1,8	19,84 ± 2,8	27,23 ± 2,2	26,76 ± 3,6	37,00 ± 2,8	18,61 ± 1,2	22,84 ± 2,4	21,53 ± 2,6
3	14,97 ± 2,6	11,68 ± 1,4	21,71 ± 2,3	55,42 ± 4,8	39,08 ± 3,1	17,80 ± 2,2	23,13 ± 2,1	20,08 ± 2,4
4	20,95 ± 2,4	14,90 ± 1,6	24,73 ± 1,8	41,28 ± 5,2	36,95 ± 3,3	20,44 ± 2,4	22,48 ± 2,2	20,31 ± 1,7
5	28,00 ± 3,7	17,84 ± 2,2	25,23 ± 3,1	28,73 ± 3,3	39,02 ± 4,6	15,61 ± 1,8	20,84 ± 2,6	24,53 ± 3,1
6	14,98 ± 1,1	6,69 ± 0,7	21,70 ± 1,7	60,43 ± 2,2	39,09 ± 3,7	17,80 ± 2,0	23,13 ± 4,2	20,09 ± 2,5
7	30,91 ± 4,2	14,95 ± 1,6	24,28 ± 1,9	31,76 ± 3,4	36,95 ± 3,9	20,44 ± 2,4	22,49 ± 3,0	20,32 ± 2,3
Среднее	23,55 ± 2,7	14,54 ± 1,8	24,83 ± 2,8	38,63 ± 1,7	37,04 ± 4,2	20,13 ± 2,8	22,16 ± 2,8	20,84 ± 2,4

В ходе исследования установлено, что каждое подразделение имеет свою индивидуальную организационную культуру даже в пределах одной воинской части, на вероятность чего указывала Т.М. Полушкина [6, 11]. Результаты исследования свидетельствуют:

– подразделения № 3, 4 и 6 имеют иерархический тип культуры. Такая ситуация понятна, поскольку профессия предполагает жестко регламентированную подчиненность;

– в подразделении № 7 доминирует смешанный тип — организационно-иерархическая культура;

– в остальных воинских подразделениях выявлена ситуация, при которой четко выраженной организационной культуры нет.

Исследования выявили значительные различия в показателях между реальным типом и желаемым. Особенно это характерно для тех подразделений, где доминирует иерархический тип организационной культуры. Таким образом, существует невосприятие образованной культуры. Военнослужащие желали бы «увеличить» тип организационной культуры на 13,5 балов, партисипативной — на 5,5. Реальный рыночный тип практически совпадает с желаемым. А вот реальная иерархическая культура преобладает над желаемой почти на 18 балов. Из этого следует вывод о существенном несовпадении существующей организационной культуры с предпочтениями военнослужащих.

Обработка данных методами математического анализа и их обсуждение

Полученные *результаты обработаны корреляционым анализом*. По его результатам было выявлено (табл. 2), что единственным типом, который способствует служебному взаимодействию, является иерархический. Корреляция указывает, что по другим типам организационной культуры со служебным взаимодействием существенно доминируют обратные показатели или зафиксировано их отсутствие. Кроме того, выявлены обратные корреляционные связи организационной, партисипативной и рыночной культур с опасностью выполнения обязанностей, что свидетельствует о нецелесообразности этих культур, если учитывать основные задачи военнослужащих. Выходит, что целенаправленное формирование указанных организационных культур противопоказано для воинских подразделений, если ориентироваться на выполнение ими боевых задач.

С иерархической культурой получено большинство прямых связей, а именно по стилю управления (0,359), управлению работниками (0,323), способам соединения (0,353), критериям успеха (0,214), характеристикам организации (0,313). Также наблюдается большая корреляция с опасностью выполнения задачи. Это не указано в таблице из-за экономии места при изложении результатов.

Таблица 2. Результаты корреляционного анализа

Тип организационной культуры			Тип лидерства							Взаимодействие	Опасность деятельности
			Общее	Организационное	Профессиональное	Эмоциональное	Рациональное	Волевое	Формальное		
Реальная	Организационная	r	-,012	,212*	,066	-,179	,045	,114	,112	-,332**	-,574**
		p	,912	,047	,539	,096	,677	,288	,299	,002	,000
	Партисипативная	r	,134	,170	,154	,019	,012	,180	,236*	-,118	-,597**
		p	,214	,113	,151	,863	,908	,093	,027	,274	,000
	Рыночная	r	-,030	,213*	,100	-,202	,000	,067	,149	-,309**	-,713**
		p	,779	,046	,355	,059	,997	,537	,167	,003	,000
	Иерархическая	r	-,073	-,254*	-,168	,137	-,049	-,171	-,197	,318**	,759**
		p	,498	,017	,117	,202	,649	,110	,066	,003	,000
Желательная	Организационная	r	-,244*	-,062	-,170	-,256*	-,110	-,191	-,276**	,049	,236*
		p	,022	,568	,114	,016	,306	,075	,009	,652	,027
	Партисипативная	r	,198	,289**	,214*	,043	,202	,266*	,263*	-,363**	-,635**
		p	,065	,006	,045	,691	,059	,012	,013	,001	,000
	Рыночная	r	-,173	-,183	-,254*	,039	-,104	-,179	-,055	,183	,212*
		p	,107	,088	,017	,716	,334	,096	,608	,088	,047
	Иерархическая	r	,254*	,000	,200	,262*	,055	,152	,180	,103	,015
		p	,017	,993	,061	,014	,609	,158	,093	,340	,887

Проведенные исследования выявили тенденцию, которая указывает на большую целесообразность иерархической организационной культуры для воинских подразделений, что определяется их профессиональными задачами. Характеристика иерархической организационной культуры следующая: очень формализованное и структурированное место работы. Часто ее называют бюрократическим типом организационой культуры. Тем, что делают люди, управляют процедуры. Лидеры гордятся тем, что они — рационально мыслящие координаторы и организаторы. Организацию объединяют формальные правила и официальная политика. Управление предполагает озабоченность гарантиями занятости и обеспечением длительного предсказания [6, 12]. И это свойственно военно-профессиональной среде. Четкие, конкретные задачи, целесообразность инициативы в редких случаях, отсутствие стремления к прибыли, четкое разграничение обязанностей и ответственности — это то, что необходимо для силовых структур. Однако опыт показывает, что это далеко не так. Поэтому необходимо сформировать четкие социально-психологические принципы функционирования воинских частей и подразделений. Этот путь формирования служебного взаимодействия предполагает тщательную подготовку к изменению стандартов работы всей системы военного управления, предполагает планирование, организацию выполнения и адекватный, объективный контроль с повторным указанным циклом.

Корреляционный анализ между уровнем служебного взаимодействия и типами лидерства показал (табл. 3), что лидерство больше коррелирует с организационным (клановым) типом, хотя и

незначительно — 0,26. Его характеристика такова: очень дружелюбное место работы, где у людей много общего. Организации похожи на большие семьи. Лидеры воспринимаются как воспитатели или даже как родители. Организация существует благодаря преданности и традиции. Организация делает акцент на «длительную выгоду» совершенствования личности, придает значение высокой степени сплоченности коллектива и моральному климату внутри его. При этом типе организационной культуры организация поощряет бригадную работу [9]. Это то, что способствует выполнению основной задачи, особенно в боевых условиях. Сказанное является дополнительным подтверждением необходимости формировать наиболее соответствующей задачам воинских подразделений организационную культуру и не только для создания условий для формирования служебного взаимодействия.

Таблица 3. Корреляция между разновидностями лидерства, служебным взаимодействием и опасностью деятельности

Шкала корреляции	Корреляция и статистическая значимость	Тип лидерства						
		Организационное	Профессиональное	Эмоциональное	Рациональное	Волевое	Формальное	Общий статус
Служебное взаимодействие	r	,263**	-,078	,114	,041	,060	,039	,085
	p	,0458	,470	,292	,702	,581	,716	,430
Опасность деятельности	r	-,312**	-,247*	-,007	-,141	-,234*	-,377**	-,181
	p	,003	,020	,945	,191	,028	,000	,092

Результаты, которые отображены в табл. 3, могут быть интепретированы следующим образом: действия лидеров не направлены на коллектив и на выполнение задач, которые перед ним стоят. Это указывает на существенные проблемы с формированием и тем более управлением организационной культурой в тех подразделениях, которые принимали участие в исследовании. А также на проблемы с реализацией, а точнее, с наличием самого организационного лидерства как явления, при котором ценятся заслуги перед организацией. Это особенность воинской службы, когда военнослужащие меняют место службы и «включаются» в другое подразделение. В этом и может состоять причина сложившейся ситуации. И, повторим, выход может быть найден в формировании организационной культуры по иерархическому типу.

Выводы

1. Проведенное исследование по влиянию организационной культуры на служебное взаимодействие военнослужащих показало, что существует благоприятная тенденция к ее налаживанию в условиях организационной культуры иерархического типа. Для остальных типов, а именно организационной, риночной и партисипативной, определено отсутствие или обратная корреляция.

2. Современное лидерство, сложившееся в военно-профессиональной сфере как элемент социально-профессиональной среды, недостаточно используется как в целях налаживания служебного взаимодействия, так и выполнения задач подразделений. Стихийно сформировавшаяся организационная культура в воинских подразделениях недостаточно способствует выполнению основной их задачи — эффективной слаженной активности в условиях ведения боевых действий.

Перспективы дальнейших исследований и разработок. Наиболее перспективным и необходимым является анализ существующих технологий формирования и управления организационной культурой, которые применяются в крупных организацях сферы бизнеса. Это дает возможность отобрать наиболее подходящие методы и приемы для быстрой активизации организационной куль-

туры иерархического типа в воинских подразделениях с последующими полевыми исследованиями по их внедрению.

Список литературы

1. *Алєксєєв А.О.* Психологічні особливості стилів професійної діяльності офіцерів-прикордонників: автореф. дис. … канд. психол. наук. Хмельницький, 2012. 20 с.
2. *Гибсон Дж.Л.*, Иванцевич Д.М., Доннели Д.Х.-мл. Организации: поведение, структура, процессы: пер. с англ. 8-е изд. М.: ИНФРА-М, 2000. 662 с.
3. *Козолуп С.А.* Социально-психологические трудности управленческого взаимодействия молодых офицеров с военнослужащими, проходящими военную службу по контракту: автореф. дис. … канд. психол. наук. М. 2009. 20 с.
4. *Колосович О.С.* Психологічні аспекти службової взаємодії у військово-професійному середовищі // Проблеми сучасної психології: зб. наук. праць Кам'янець-Подільськ. нац. університету ім. Івана Огієнка, Інституту психології ім. Г.С. Костюка НАПН України. Кам'янець-Подільський: Аксіома, 2014. Вип. 25. С. 113–125.
5. *Колосович О.С.* Теоретико-методологічні аспекти дослідження взаємодії у професійній сфері // Проблеми екстремальної та кризової психології: зб. наук. праць Нац. університету цивільного захисту України. Харків, 2013. Вип. 13. С. 103–111.
6. *Полушкина Т.М.*, Коваленко Е.Г., Якимова О.Ю. Социология управления: учеб. пособие. М.: Изд. дом «Академия Естествознания», 2013. 302 с.
7. *Пригожин А.И.* Методы развития организации. М.: МЦФЭР, 2003. С. 693–698.
8. *Психология* и педагогика профессиональной деятельности офицера: в 2 ч. / Б.П. Бархаев, П.А. Корчемный, Л.Н. Кузнецов, В.Ф. Перевалов и др.; под ред. Б.П. Бархаева. М.: Военный университет, 1998. 516 с.
9. *Розин М.* Система нематериальной мотивации персонала. URL: http://www.ecopsy.ru/ (дата обращения: 01.12.2014).
10. *Социология*: Словарь-справочник. Т. 1: Социальная структура и социальные процессы. М., 1990. С. 48–49.
11. *Удальцова М.В.* Социология управления: учеб. пособие. М.: ИНФРА-М; Новосибирск: НГАЭиУ, 1998. 144 с.
12. *Шейн Э.Х.* Организационная культура и лидерство / пер. с англ.; под ред. В.А. Спивака. СПб.: Питер, 2008. 336 с. (сер.: Теория и практика менеджмента).

Получено 28.12.2014

References

1. Alekseev A.O. *Psihologichni osoblivosti stiliv profesijnoï dijal'nosti oficeriv-prikordonnikiv: avtoref. dis. … kand. psihol. nauk* [Psychological peculiarities of professional activity styles of oficers-frontiersmen: author's abstract for procuring of degree of candidate of psychological sciences]. Khmelnytskyi , 2012, 20 p. (In Ukrainian).
2. Gibson G.L., Ivantsevich D.M., Donneli D.H.-jr. *Organizatsii: povedenie, struktura, protsessy: 8-e izd* [Organizations: behavior, structure, processes: 8th edition]. Moscow, INFRA-M Publ., 2000, 662 p. (In Russian).
3. Kozolup S.A. *Sotsial'no-psihologicheskie trudnosti upravlencheskogo vzaimodejstviya molodyh ofitserov s voennosluzhashhimi, prohodyaschimi voennuyu sluzhbu po kontraktu: avtoref. dis. … kand. psihol. nauk* [Social and psychological difficulties of young officers' managerial interaction with military serving under contract: author's abstract for procuring of degree of candidate of psychological sciences]. Moscow, 2009, 20 p. (In Russian).
4. Kolosovich O.S. [Psychological aspects of service interaction in professional army sphere]. *Problemi suchasnoi psihologis. Zbirnik naukovih prac' Kam'janec'-Podil's'kogo nacional'nogo universitetu imeni Ivana Ogiєnka Institutu psihologiï imeni G.S. Kostjuka NAPN Ukraini* [Problems of modern psychology: collection of scientific papers of Kam'janec'-Podil's'kij National university named after Ivan Ogienok of Institute of psychology named after G.S. Kostyuk of NAPN of Ukraine]. Kam'janec'-Podil's'kij: Aksioma Publ., 2014, no 25, pp. 113–125. (In Ukrainian).
5. Kolosovich O.S. [Theoretical and methodological aspects of achieving interaction in professional sphere]. *Problemy ekstremal'noj ta krizovoj psihologii: zb. nauk. prats* [Problems of extreme and crisis psychology: collection of scientific papers]. Kharkiv ,2013, no 13, pp. 103–111. (In Ukrainian).
6. Polushkina T.M. *Sotsiologiya upravleniya: uchebnoe posobie* [Sociology of management: study guide]. Moscow, Izdatel'skij dom «Akademija Estestvoznanija» Publ., 2013. 302 p. (In Russian).
7. Prigozhin A.I. *Metody razvitiya organizatsii* [Methods of organization development]. Moscow, MCFJeR Publ., 2003, pp. 693–698. (In Russian).
8. *Psihologija i pedagogika professional'noj deyatel'nosti ofitsera: v 2 ch.* [Psychology and pedagogics of an oficer's professional activity: in 2 parts]. Moscow, Voennyj universitet Publ., 1998, 516 p. (In Russian).
9. Rozin M. *Sistema nematerial'noj motivatsii personala* [System of non-financial motivation of the staff]. Available at: http://www.ecopsy.ru (accessed

01.12.2014). (In Russian).
10. *Sotsiologiya: Slovar'-spravochnik. T. 1: Sotsial'naya struktura i sotsial'nye protsessy* [Sociology: dictionary-guide. Vol. 1: Social structure and social processes]. Moscow, 1990, pp. 48–49. (In Russian).
11. Udal'tsova M.V. *Sotsiologiya upravleniya: uchebnoe posobie* [Sociology of management: study guide]. Moscow, INFRA-M Publ., Novosibirsk: NGAJeIU Publ., 1998, pp. 33–34. (In Russian).
12. Schein E.H. *Organizatsionnaya kul'tura i liderstvo* [Organizational culture and leadership]. Saint Petersburg: Piter Publ., 2008, 336 p. (In Russian).

The date of the manuscript receipt 28.12.2014

ORGANIZATIONAL CULTURE INFLUENCE ON MILITARY SERVICE INTERACTION

Alexander S. Kolosovich

Lviv State University of Internal Affairs; 26, Gorodotskaya str., Lviv, 79000, Ukraine

The article displays the results of the study, which is devoted to determining the effect of organizational culture on military service interaction. It is determined that the organizational culture is an indispensable element of any professional environment, and the interaction between military service can be formed only in the hierarchical type of organizational culture.

The main areas of activities of building a hierarchical organizational culture are a socialization of new members, including basic elements of organizational culture into a system of personal motivation of a serviceman, the establishment of a code of conduct that provides a model of organizational behavior, the development of means of preservation and reproduction of organizational culture, creating a uniform, insignia, status, awards, formation of a system of establishing and maintaining motivation for performance.

Key words: service interaction; military; organizational culture; military unit; building activities.

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Колосович А.С. Влияние типа организационной культуры на служебное взаимодействие военнослужащих // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2015. Вып. 1(21). С. 74–83.

Please cite this article in English as:

Kolosovich A.S. Organizational culture influence on military service interaction // Perm University Bulletin. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2015. Iss. 1(21). P. 74–83.

УДК 343.8:159.9.72

ОСОБЕННОСТИ МОТИВАЦИОННОЙ СФЕРЫ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ПО КОНВОИРОВАНИЮ, ЭКСТРАДИЦИИ И ОХРАНЕ ПОДСУДИМЫХ

Юрьева Наталья Викторовна,

аспирант
Национальный университет гражданской защиты Украины,
Украина, 61023, Харьков, ул. Чернышевская, 94;
e-mail: post@nuczu.edu.ua

В статье обоснована актуальность исследования особенностей мотивационной сферы военнослужащих подразделений по конвоированию, экстрадиции и охране подсудимых в контексте определения мотивационных ресурсов повышения стрессоустойчивости указанных военных специалистов. Приведены результаты эмпирического исследования потребностной и смысловой составляющих мотивационной сферы исследуемых военнослужащих, особенностей отношения к себе и окружающему миру, а также действенности их мотивационной сферы. Определены возможности использования результатов исследования в практике психологического обеспечения профессионализации данных военнослужащих для повышения их стрессоустойчивости.

Ключевые слова: стрессоустойчивость; мотивационная сфера; мотивационные ресурсы; потребностная составляющая мотивационной сферы; смысловая составляющая мотивационной сферы; действенность мотивационной сферы.

Служебно-боевая деятельность (СБД) личного состава подразделений по конвоированию, экстрадиции и охране подсудимых (КЭОП) выдвигает комплекс жёстких требований к личности военнослужащих и их профессионально-психологической подготовленности. Выполнение профессиональных задач данных подразделений сопровождается широким спектром экстремальных стресс-факторов, которые вызывают негативные психические реакции и состояния личного состава. Согласно проведенных исследований наиболее типичными стресс-факторами, которые сопровождают СБД военнослужащих указанных подразделений, являются: высокий уровень ответственности; сложность и многообразие служебных заданий, которые необходимо реализовывать в жестких временных рамках; длительность выполнения типичных задач конвоирования; постоянная угроза психологической и физической агрессии со стороны конвоируемых; низкий уровень бытового комфорта несения службы; низкий престиж профессии, слабая материальная обеспеченность и социальная защищенность; постоянное присутствие рядом контингента правонарушителей, которые являются источником повышенной опасности (инфекционные заболевания, психические расстройства и др.) [15]. В связи с этим формирование стессоустойчивости военнослужащих подразделений КЭОП является актуальной задачей психологического обеспечения СБД, средством обеспечения эффективности выполнения ими профессиональных служебно-боевых задач.

В современных научных источниках стрессоустойчивость определяется; как психофизиологическое состояние человека, которое обеспечивает оптимальную адаптацию к экстремальным условиям, позволяет решать возложенные на него служебные и бытовые задачи без физических и психических потерь; качество, которое влияет на результат деятельности; характеристика личности, которая определяет саморегуляцию поведения и обеспечивает её гомеостаз [2, 6, 8, 10, 11]. Таким образом, стрессоустойчивость является целостной характеристикой личности, обеспечивающей противодействие фрустрирующему влиянию ситуаций повышенного психического напряжения, достаточную социально-психологическую адаптацию и продуктивность умственной и физической деятельности.

Проведенное нами теоретическое исследование позволило установить, что мотивационные, интеллектуальные, волевые характеристики личности, а также жизненный опыт, знания и др. корригируют влияние объективных характери-

© Юрьева Н.В., 2015

стик стресс-факторов. Поэтому повышение стрессоустойчивости военнослужащих возможно при условии использования ресурсов мотивационной, эмоционально-волевой, интеллектуальной и др. сфер личности. При этом анализ современных научных исследований свидетельствует, что на сегодняшний день в недостаточной мере уделяется внимание прежде всего мотивационным ресурсам повышения стрессоустойчивости [4, 5, 7, 12, 13].

Изложенное выше определило цель нашего исследования — выявление особенностей мотивационной сферы военнослужащих подразделений по конвоированию, экстрадиции и охране подсудимых как основы для определения мотивационных ресурсов повышения их стрессоустойчивости.

В психологических исследованиях мотивация определяется как совокупность мотивов, которые побуждают достижение цели [3, 14]. Соответственно, именно мотивационная сфера военнослужащего побуждает его поведение, направленное на активную реализацию опасной деятельности, а также выбор определенных действий, которые потенциально угрожают физическому и психологическому благополучию, но являются осознанно необходимыми, а также саморегуляцию, направленную на противодействие негативным стресс-факторам с целью успешной реализации социально значимых задач. Для обеспечения стрессоустойчивости, как отмечают ряд исследователей, мотивационная сфера должна характеризоваться сформированностью мировоззренческих, деятельностно-профессиональных постоянно и сильнодействующих мотивов, а также единством подструктуры как внешней, так и внутренней мотивации [1, 2, 9].

Исследование мотивационных особенностей военнослужащих подразделений КЭОП проводилось в 6 воинских частях. 145 исследуемых военнослужащих были распределены на две группы. В первую были включены 74 офицера в возрасте от 24 до 37 лет со сроком службы в этих подразделения от 3 до 15 лет (в воинском звании от старшего лейтенанта до подполковника), а во вторую — военнослужащие службы по контракту в количестве 71 человек с таким же сроком службы и в таком же возрастном диапазоне (в воинском звании от рядового до прапорщика). В украинской практике для выполнения служебно-боевых задач подразделениями КЭОП на сегодняшний день используются только военнослужащие-мужчины, поэтому обе группы были исключительно мужскими.

Программа исследования включала определение потребностной и смысловой составляющих мотивационной сферы исследуемых военнослужащих, особенностей общей системы отношения к себе и окружающему миру, а также действенности их мотивационной сферы. При этом использовался следующий психодиагностический инструментарий:

– методика изучения мотивационного профиля личности (Ш. Ричи и П. Мартин), оценивающая 12 потребностей, которые могут удовлетворяться в процессе трудовой деятельности человека;

– тест смысложизненных ориентаций (СЖО) (Джеймс Крамбо и Леонардо Махолик), шкалами которого являются: «Цели в жизни», «Процесс жизни», «Результативность жизни», «Локус контроля — Я» (Я — хозяин жизни), «Локус контроля — жизнь» (управляемость жизни);

– шкала базисных убеждений (Р. Янов-Бульман), оценивающая восемь категорий убеждений, на основании которых определяются три базисных убеждения: благосклонность окружающего мира, контролируемость и справедливость событий, личная ценность и способность управлять событиями;

– методика «Локус контроля» (Е.Г. Ксенофонтова), позволяющая оценивать 17 параметров интернальности.

Результаты исследования особенностей реализации основных потребностей военнослужащих подразделений КЭОП в их профессиональной деятельности представлены в табл. 1.

Как видно из данных табл. 1, структура потребностей у офицеров и военнослужащих службы по контракту имеет существенные различия, которые касаются как иерархии потребностей, так и степени их выраженности.

Однако мы не можем не отметить, что иерархию потребностей в обеих группах военнослужащих возглавляют одни и те же: «Потребность в высокой заработной плате», «Потребность в интересной общественно полезной работе», «Потребность в четком структурировании работы». Высокие показатели по шкале «Потребность в высокой заработной плате» ($51{,}39 \pm 28{,}84$ и $49{,}38 \pm 25{,}05$ соответственно) свидетельствуют о низком уровне материально-бытового обеспечения военнослужащих обеих исследуемых категорий. Однако высокие показатели по двум другим выделенным шкалам указывают на осознание ими смысла выбранной профессии, ее общественной миссии и особенностей реализации (жестко регламентированная работа в правовом поле).

Таблица 1. Показатели реализации основных потребностей исследуемых военнослужащих в профессиональной деятельности (в условных баллах)

Шкала	Группа исследуемых		Значимость отличий	
	Офицеры	Военнослужащие по контракту	t	p
Потребность в высокой заработной плате	51,39 ± 28,84	49,38 ± 25,05	0,45	–
Потребность в хороших условиях работы	23,47 ± 14,62	31,79 ± 13,11	3,61	0,01
Потребность в четком структурировании работы	42,03 ± 19,84	38,66 ± 16,07	1,12	–
Потребность в социальных контактах	24,86 ± 17,08	23,89 ± 13,85	0,38	–
Потребность формировать и поддерживать долгосрочные взаимоотношения	16,23 ± 13,01	24,90 ± 12,42	4,11	0,01
Потребность в завоевании признания	35,23 ± 13,53	31,44 ± 10,61	1,88	0,1
Потребность в постановке смелых целей	30,91 ± 14,11	29,15 ± 11,35	0,82	–
Потребность во влиянии и власти	12,69 ± 10,55	16,52 ± 12,85	1,96	0,1
Потребность в разнообразии	24,86 ± 12,43	28,30 ± 14,20	1,55	–
Потребность быть креативным	25,47 ± 12,62	23,48 ± 7,72	1,15	–
Потребность в самосовершенствовании	31,05 ± 15,64	27,08 ± 8,00	1,94	0,1
Потребность в интересном общественно полезном труде	42,09 ± 16,72	36,61 ± 18,10	1,89	0,1

Следует указать, что офицеры по сравнению с военнослужащими службы по контракту имеют несколько большие показатели по таким шкалам, как «Потребность в интересной, общественно полезной работе» ($42,09 \pm 16,72 > 36,61 \pm 18,10$, $t = 1,89$, $p \leq 0,1$), «Потребность в завоевании признания» ($35,23 \pm 13,53 > 31,44 \pm 10,61$, $t = 1,88$, $p \leq 0,1$) и «Потребность в самосовершенствовании» ($31,05 \pm 15,64 > 27,08 \pm 8,00$, $t = 1,94$, $p \leq 0,1$). Военнослужащие службы по контракту имеют значительно более высокие показатели, чем офицеры, по таким шкалам, как «Потребность в хороших условиях работы» ($31,79 \pm 13,11 > 23,47 \pm 14,62$, $t = 3,61$, $p \leq 0,01$), «Потребность формировать и поддерживать долгосрочные взаимоотношения» ($24,90 \pm 12,42 > 16,23 \pm 13,01$, $t = 4,11$, $p \leq 0,01$) и «Потребность во влиятельности и власти» ($16,52 \pm 12,85 > 12,69 \pm 10,55$, $t = 1,96$, $p \leq 0,1$). Эти расхождения свидетельствую о том, что офицеры в своей профессиональной деятельности более склонны ориентироваться на требования общества, направлены на экспансию социального пространства и самосовершенствование, что характеризует их в целом как не склонных бояться изменений в профессиональной сфере. Военнослужащие службы по контракту, наоборот, стремятся к большей стабильности, надежности, большей подконтрольности профессиональной ситуации.

Такие показатели являются косвенным доказательством большей стрессоустойчивости офицеров по сравнению с военнослужащими службы по контракту, их большей склонности выбирать «будущее», а не «прошлое» (по терминологии С. Мадди [5]).

Таким образом, анализ структуры потребностей военнослужащих подразделений КЭОП показал, что хотя в обеих исследуемых группах вектор потребностной сферы направлен на выполнение миссии выбранной профессии правоохранителя (что значительно осложняется необходимостью преодолевать материально-бытовые сложности), однако существуют определенные различия по способу поддержания этого вектора. Так, офицеры более склонны к изменениям, выбору «будущего», а военнослужащие службы по контракту — к стабильности, выбору «прошлого». Структура потребностей последних менее способна побудить к развитию, она более ориентиро-

вана на воспроизводство существующего уровня удовлетворения потребностей.

Тест смысложизненных ориентаций (СЖО) (Джеймс Крамбо и Леонардо Махолик) позволил определить общую осмысленность жизни исследуемых военнослужащих и локализацию их смысла жизни на часовом векторе, что было целесообразным в контексте исследования стрессоустойчивости, так как смысложизненная ориентация и жизненная перспектива являются ресурсом адаптации к сложным жизненным ситуациям [3].

Результаты исследования смысложизненных ориентаций военнослужащих подразделений КЭОП приведены в табл. 2.

Таблица 2. Показатели смысложизненных ориентаций исследуемых военнослужащих (в условных баллах)

Шкала	*Группа исследуемых*		*Значимость отличий*	
	Офицеры	*Военнослужащие по контракту*	*t*	*p*
Осмысленность жизни	115,31 ± 19,19	109,59 ± 17,78	1,86	0,1
Цель	33,49 ± 5,81	31,35 ± 6,82	2,03	0,05
Процесс	33,64 ± 6,50	31,87 ± 5,69	1,74	0,1
Результат	27,20 ± 5,38	26,32 ± 5,21	1,00	–
Локус контроля – Я	23,73 ± 3,73	22,94 ± 4,33	1,17	–
Локус контроля – жизнь	37,58 ± 6,56	35,32 ± 7,39	1,94	0,1

Как видно из табл. 2, в группе офицеров диагностированы высокие показатели по общей шкале «Осмысленность жизни» — 115,31 ± 19,19; у военнослужащих службы по контракту — средневысокие 109,59 ± 17,78. Между указанными показателями выявлена тенденция к значимым различиям ($t = 1,86$, $p \leq 0,1$), что обусловлено более высокими показателями в группе офицеров по шкалам «Цель», «Процесс», «Локус контроля — жизнь».

Такие данные характеризуют офицеров как имеющих по сравнению с военнослужащими службы по контракту больше целей в будущем, осмысленную жизненную перспективу. Они воспринимают свою жизнь как интересную, насыщенную. Им в большей степени свойственна убежденность, что человеку дано контролировать свою жизнь, принимать самостоятельные решения и претворять их в жизнь. Это в свою очередь соответствует возможности выбора офицерами более эффективных копинг-стратегий, является следствием более высокого уровня их профессионально-психологической подготовки.

Особенности базовых убеждений военнослужащих подразделений КЭОП мы определяли исходя из научных положений о необходимости учета базовых убеждений личности при исследовании мотивационных ресурсов преодоления стрессовых ситуаций [1, 9, 11]. Использование для этого шкалы базовых убеждений (Р. Янов-Бульман) было целесообразным, поскольку у представителей экстремальных профессий система отношения к себе, другим и окружающему миру реализуется на фоне преодоления негативных для их жизнедеятельности факторов.

Результаты указанного исследования приведены в табл. 3.

Из данных табл. 3 видно, что обе группы имеют более высокие показатели позитивности отношения к миру и к себе, чем способности влиять на события. Это является косвенным свидетельством большей способности контролировать (сознательно изменять) отношение к миру и себе, чем изменять окружающий мир. Исследование позволило установить ряд отличий между офицерами и военнослужащими службы по контракту. Так, офицеры больше, чем военнослужащие военной службы по контракту, верят в благосклонность и справедливость окружающего мира, выше оценивают себя и свою способность к самоконтролю. Причина этого в том, что способность контролировать ситуацию, уверенность в своих качествах и достижениях — это такие характеристики мотивационной сферы, которые существенно зависят от профессиональной психологической подготовленности военнослужащих (у офицеров за большее время профессионализации в вузе она более сформирована). Такие особенности базовых убеждений офицеров, по сравнению с военнослужащими службы по контракту, обеспечивают им больший резерв для преодоления стрессов.

Таблица 3. Показатели базовых убеждений исследуемых военнослужащих (в условных баллах)

Шкала	Группа исследуемых		Значимость отличий	
	Офицеры	Военнослужащие по контракту	t	p
Благосклонность мира	18,74 ± 3,59	17,11 ± 4,43	2,43	0,05
Доброта людей	16,95 ± 3,31	16,44 ± 3,34	0,92	–
Справедливость	16,43 ± 3,31	15,58 ± 4,31	1,33	–
Контролированность мира	17,95 ± 2,56	16,27 ± 4,23	2,88	0,01
Случайность событий	11,99 ± 3,32	12,59 ± 3,90	1,00	–
Ценность собственного “Я”	18,74 ± 2,89	17,72 ± 4,06	1,75	0,1
Самоконтроль	18,23 ± 3,05	16,76 ± 4,52	2,28	0,05
Удачливость	16,34 ± 3,27	15,48 ± 4,15	1,38	–
Благосклонность окружающего мира	17,84 ± 3,20	16,77 ± 3,64	1,88	0,1
Контролированность и справедливость событий	15,46 ± 2,25	14,42 ± 2,51	2,64	0,01
Личная ценность, способность управлять событиями	17,77 ± 2,21	16,65 ± 3,36	2,35	0,05

На постсоветском пространстве локализацию контроля принято определять как интегральную характеристику самосознания, связывающую чувство ответственности, готовность к активности и переживания «Я» [3]. В этом понимании локус контроля является проявлением такого глобального образования, как субъективная принадлежность личности к деятельности. Данное психическое образование является отражением в самосознании личности ее связей с мотивами и целями деятельности, переживанием субъектом его связанности или несвязанности с событиями собственной жизни. Локус контроля при таком подходе функционально выступает как степень этой связи. В своей работе В.А. Бодров отмечает: согласно концепции интернальности A.W. Kruglanski, связи мотивационных компонентов с интернальным локусом указывают, что именно они являются целью активности, а связи с экстернальным являются показателем средств для достижения этой цели [4]. Именно этот тезис позволяет рассматривать показатели взаимосвязи локуса контроля с компонентами мотивационной сферы как показатели их действенности.

Результаты исследования особенностей локализации контроля у военнослужащих подразделений КЭОП приведены в табл. 4.

Таблица 4. Показатели локализации контроля у исследуемых военнослужащих (в условных баллах)

Шкала	Группа исследуемых		Значимость отличий	
	Офицеры	Военнослужащие по контракту	t	p
Общая интернальность	29,00 ± 4,78	26,11 ± 4,45	3,77	0,01
Интернальность в суждениях о жизни вообще	14,01 ± 2,85	12,10 ± 2,49	4,32	0,01
Интернальность при описании личного опыта	14,99 ± 2,47	14,01 ± 2,83	2,20	0,05
Интернальность в сфере достижений	6,77 ± 1,27	5,83 ± 1,68	3,79	0,01
Интернальность в сфере неудач	5,35 ± 1,37	4,63 ± 1,38	3,15	0,01
Склонность к самообвинению	-1,42 ± 1,38	-1,20 ± 1,78	0,84	-
Интернальность в профессиональной деятельности	12,03 ± 2,31	10,38 ± 2,14	4,46	0,01
Профессионально-социальный аспект интернальности	6,07 ± 1,27	5,08 ± 1,30	4,60	0,01
Профессионально-процессуальный аспект интернальности	5,96 ± 1,42	5,30 ± 1,52	3,72	0,01

Окончание табл. 4

Шкала	*Группа исследуемых*		*Значимость отличий*	
	Офицеры	*Военнослужащие по контракту*	*t*	*p*
Интернальность в межличностном общении	10,99 ± 2,36	9,80 ± 2,15	3,16	0,01
Компетентность в сфере межличностных отношений	5,99 ± 1,91	5,15 ± 1,65	2,81	0,01
Ответственность в сфере межличностных отношений	5,00 ± 1,16	4,65 ± 1,32	1,70	0,1
Интернальность в сфере семейных отношений	4,97 ± 1,20	4,75 ± 1,14	1,16	–
Интернальность в сфере здоровья	5,70 ± 1,21	5,54 ± 1,46	0,75	–
Отрицание активности	3,92 ± 2,88	5,66 ± 2,35	3,99	0,01
Готовность к деятельности, связанной с преодолением трудностей	5,77 ± 2,11	4,66 ± 1,71	3,48	0,01
Готовность к самостоятельному планированию, осуществлению деятельности и ответственности за неё	6,31 ± 1,47	5,68 ± 1,64	2,45	0,05

Как видно из данных табл. 4, почти по всем шкалам методики «Локус контроля» офицеры имеют значительно выше показатели, чем военнослужащие службы по контракту (по обратной шкале «Отрицание активности» соответственно — значительно ниже). Так, у офицеров они относятся к уровню средневысоких или высоких, а у военнослужащих службы по контракту — средних. Исключение составляют показатели по таким шкалам, как «Интернальность в сфере семейных отношений» и «Интернальность в сфере здоровья», а также по шкале «Предрасположенность к самообвинению», которые в обеих исследуемых группах почти одинаковые. Такие данные позволяют предположить, что именно особенности профессиональной деятельности офицеров ведут к повышению показателей всех аспектов профессиональной интернальности (в том числе и интернальности в профессиональном общении) и уже на их основе — всего комплекса показателей общей интернальности (интернальность в суждениях о жизни вообще и при описании собственного опыта, интернальность в сфере неудач, достижений, отрицание активности и ее производных). Среди этих особенностей профессиональной деятельности офицеров прежде всего следует выделить высокую степень ответственности как за свои действия, так и за действия подчиненных, высокий уровень обратной связи (их действия всегда получают оценку руководства, общества и т.д.) и высокую рефлексивность деятельности. Интересным является и то, что в обеих исследуемых группах показатели по шкале «Предрасположенность к самообвинению» являются приемлемыми (не выходят за рамки нормы), негативными и достаточно ровными (-1,42 ± 1,38 и -1,20 ± 1,78 соответственно), т.е. свидетельствуют об их несклонности к самообвинительному поведению. Такие данные позволяют предположить, что в обеих группах формируется адекватный их профессиональной деятельности уровень интернальности, который не снижает ощущение внутреннего благополучия, уверенности в себе, не приводит к формированию склонности к сверхконтролю. Еще одним интересным фактом является то, что в обеих группах высокий показатель по шкале «Интернальность в сфере здоровья» (5,70 ± 1,21 и 5,54 ± 1,46 соответственно), что довольно редко встречается в обычных выборках и является свидетельством высокого уровня ответственности военнослужащих за свое физическое здоровье, как следствие осознания опасности их профессиональной деятельности. Это может служить еще одним свидетельством того, что уровень интернальности у военнослужащих является производным от особенностей их профессиональной деятельности.

Результаты исследования взаимосвязей показателя «Общей интернальности» с показателями мотивационной сферы у офицеров и военнослужащих службы по контракту приведены в табл. 5.

Данные табл. 5 свидетельствуют, что взаимосвязи «Общей интернальности» и мотивационной сферы у офицеров и военнослужащих службы по контракту являются схожими. Так, все шкалы методик СЖО и Янов-Бульмана имеют умеренные положительные значимые связи с «Общей интернальностью», что свидетельствует о ведущей ро-

ли (действенности и значимости) ценностно-смысловой сферы в мотивационной структуре военнослужащих. Показатели потребностей не столь однозначно связаны с показателем локуса контроля. Сила этих связей и их направление позволяют предположить, что некоторые из них выступают в роли цели, другие — как средства и имеют неодинаковую значимость для офицеров и военнослужащих военной службы по контракту.

Таблица 5. Показатели взаимосвязей локуса контроля со шкалами, описывающими мотивационную сферу исследуемых военнослужащих

Мотивационные компоненты, с которыми устанавливается взаимосвязь локуса контроля	*Группа исследуемых*		*Значимость отличий*	
	Офицеры	*Военнослужащие по контракту*	*z*	*p*
Потребность в высокой заработной плате	-0,09	0,15	1,42	–
Потребность в хороших условиях работы	-0,02	-0,04	0,12	–
Потребность в чётком структурировании работы	0,04	-0,04	0,47	–
Потребность в социальных контактах	-0,25*	-0,07	1,09	–
Потребность формировать и поддерживать долгосрочные взаимоотношения	0,00	0,13	0,77	–
Потребность в завоевании признания	0,07	-0,01	0,47	–
Потребность ставить для себя смелые цели	-0,07	-0,16	0,54	–
Потребность во влиянии и власти	-0,01	-0,13	0,71	–
Потребность в разнообразии	$0,21^{0}$	-0,18	2,33	0,05
Потребность быть креативным	0,12	-0,01	0,77	–
Потребность в самосовершенствовании	-0,02	0,08	0,59	–
Потребность в интересном, общественно полезном труде	$0,22^{0}$	0,14	0,49	–
Осознанность жизни	0,44**	0,54**	0,78	–
Цель	0,37**	0,48**	0,79	–
Процесс	0,50**	0,45**	0,38	–
Результат	0,39**	0,49**	0,73	–
Благосклонность окружающего мира	$0,19^{0}$	0,33**	0,89	–
Контролированность и справедливость событий	0,34**	0,36**	0,13	–
Личная ценность, способность управлять событиями	0,25*	0,42**	1,13	–

Примечание: $^{0}p \le 0,1$; *$p \le 0,05$; ** $p \le 0,01$.

Так, у военнослужащих службы по контракту все связи локуса контроля с потребностной сферой не достигают уровня статистической значимости, что может быть определенным свидетельством осознания ими невозможности полноценной реализации потребностей в своей профессиональной деятельности (по крайней мере, собственными силами), осознание определенной материально-бытовой зависимости. У офицеров ряд связей локуса контроля и потребностной сферы достигают уровня статистической значимости или отмечается тенденция к ней. Так, интернальный локус контроля связан с такими потребностями, как «Потребность в разнообразии» ($r = 0,21$, $p \le 0,1$) и «Потребность в интересном, общественно полезном труде» ($r = 0,22$, $p \le 0,1$), а экстернальный — с «Потребностью в социальных контактах» ($r = -0,25$, $p \le 0,05$). Итак, у офицеров

диагностировано более дифференцированное отношение к реализации потребностей, они осознают свою способность удовлетворять потребности и использовать их как средство для достижения других личных целей, что является еще одним свидетельством большей соподчинённости их мотивационно-потребностной сферы.

Таким образом, результаты исследования показали, что уровень интернальности военнослужащих является производным от особенностей их профессиональной деятельности (вследствие наличия постоянной обратной связи). При этом особенности профессионализации (профессиональных социализации, подготовки и опыта) офицеров являются более благоприятными для формирования у них интернального локуса контроля, что делает их более способными реализовывать собственные потребности и ценности, управлять собственной жизнью. Хотя выполнение профессиональных функций военнослужащими службы по контракту и способствует реализации интериоризированных ими профессиональных ценностей (вследствие самого содержания профессии военнослужащего), однако они чувствуют ограниченность собственных возможностей в реализации своих потребностей. Возможно, что именно такая разорванность мотивационной сферы военнослужащих службы по контракту делает их менее стрессоустойчивыми, чем офицеров.

Изложенный материал позволяет сделать следующие ***выводы***.

1. Исследование особенностей мотивационной сферы военнослужащих подразделений КЭОП позволяет подтвердить необходимость их учета при решении задачи повышения стрессоустойчивости данных военных специалистов в процессе профессионализации.

2. Данные табл. 1–5 позволяют на основе дальнейшего использования кластерного анализа типизировать мотивационные особенности военнослужащих подразделений КЭОП и осуществлять адекватные и дифференцированные психолого-педагогические воздействия по оптимизации потребностной, смысловой составляющих их мотивационной сферы, локуса контроля, а также общей системы отношения к себе и окружающему миру.

3. Более совершенная мотивационная сфера группы офицеров свидетельствует, что за несколько лет обучения в военном вузе и дальнейшей более качественной их профессионально-психологической подготовки в воинских частях эффективней формируются значимые для обеспечения стрессоустойчивости мотивационные компоненты. Это указывает на необходимость совершенствования в первую очередь психологического обеспечения профессионализации военнослужащих по контракту.

Список литературы

1. *Александрова Л.А.* Психологические ресурсы адаптации личности к условиям повышенного риска природных катастроф: автореф. дис. … канд. психол. наук. М., 2005. 22 с.
2. *Банников В.В.* Влияние социально-психологических компонентов стрессоустойчивости на эффективность деятельности персонала организации: дис. … канд. психол. наук. М., 2005. 166 с.
3. *Бодалев А.А.*, Столин В.В. Общая психодиагностика. СПб.: Речь, 2002. 440 с.
4. *Бодров В.А.* Проблема преодоления стресса. Ч. 3: Стратегии и стили преодоления стресса // Психологический журнал. 2006. № 3. С. 106–116.
5. *Брагина Н.В.* Жизнестойкость личности и типы индивидуального опыта // Наука и мир. 2014. № 3(7), т. 3. С. 152–156.
6. *Калашникова М.М.* Развитие стрессоустойчивости сотрудников оперативного состава МВД: автореф. дис. … канд. психол. наук. Казань, 2009. 23 с.
7. *Леонтьев Д.А.* Психологические ресурсы преодоления стрессовых ситуаций: к уточнению базовых конструктов // Психология стресса и совладающего поведения в современном российском обществе: Матер. II Междунар. науч.-практ. конф. Кострома, 2010. Т. 2. С. 40–42.
8. *Ли Канг Хи.* Социально-психологические технологии формирования стрессоустойчивости человека: автореф. дис. … канд. психол. наук. М., 2005. 26 с.
9. *Личностный* потенциал. Структура и диагностика / под. ред. Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2011. 299 с.
10. *Орлова М.М.*, Орлов Д.В. Выбор стратегии психической адаптации и его последствия для личности // Известия Саратовского университета. 2007. Т.7, вып. 1. С. 38–45.
11. *Падун М.А.*, Тарабина Н.В. Когнитивно-личностные аспекты переживания травматического стресса // Психологический журнал. 2004. № 5. С. 5–15.
12. *Постылякова Ю.В.* Ресурсы совладания со стрессом в разных видах профессиональной деятельности // Психологический журнал. 2005. Т. 26, № 6. С. 35–43.
13. *Рогозян А.Б.* Психологические ресурсы индиви-

дуального стиля преодоления стресса (на примере личности медицинского работника): автореф. дис. … канд. психол. наук. Краснодар, 2012. 26 с.
14. *Хекхаузен Х.* Психология мотивации достижения. СПб.: Питер, 2004. 474 с.
15. *Желаго А.М.* Соціально-психологічні детермінанти професійного становлення командира підрозділу внутрішніх військ МВС України: дис. … канд. психол. наук. Харків, 2014. 178 с.

Получено 01.02.2015

References

1. Aleksandrova L.A. *Psihologicheskie resursy adaptatsii lichnosti k usloviyam povyshennogo riska prirodnyh katastrof: avtoref. dis. …kand. psihol. nauk* [Psychological resources of personality's adaptation to conditions of high risk of national disasters: author's abstract for procuring of degree of candidate of psychological sciences]. Moscow, 2005, 22 p. (In Russian).
2. Bannikov V.V. *Vliyanie sotsial'no-psihologicheskih komponentov stressoustojchivosti na effektivnost' deyatel'nosti personala organizatsii: dis. … kand. psihol. nauk* [Resistence to stress social and psychological components influence on effectivness of activity of organization staff's: dissertation of candidate of psychological sciences]. Moscow, 2005, 166 p. (In Russian).
3. Bodalev A.A., Stolin V.V. *Obschaya psihodiagnostika* [General psychodiagnostics]. Saint Petersburg, Rech' Publ., 2002, 440 p. (In Russian).
4. Bodrov V.A. [Problem of stress negotiation. Part 3. Strategies and styles of stress negotiation]. *Psihologicheskij zhurnal* [Psychological journal]. 2006, no 3, pp. 106–116. (In Russian).
5. Bragina N.V. [Personality's viability and types of individual experience]. *Nauka i mir. Mezhdunarodnyj nauchnyj zhurnal* [Science and world. International scientific journal]. 2014, no 3(7), vol. 3, pp. 152–156. (In Russian).
6. Kalashnikova M.M. *Razvitie stressoustojchivosti sotrudnikov operativnogo sostava MVD: avtoref. dis. … kand. psihol. nauk* [Resistence to stress development of operations staff of Ministry of Internal Affairs: author's abstract for procuring of degree of candidate of psychological sciences]. Kazan, 2009, 23 p. (In Russian).
7. Leont'ev D.A. [Psychological resources of stress situations' negotiation: on specification of basic constructs]. *Psihologiya stressa i sovladayuschego povedeniya v sovremennom rossijskom obschestve. Mater. II Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Psychology of stress and coping behavior in modern Russian society. Proceedings of IInd international research and practice conference]. Kostroma, 2010, vol. 2, pp. 40–42. (In Russian).
8. Li Kang Hi. *Sotsial'no-psiholoichskie tehnologii formirovaniya stressoustojchivosti cheloveka: Avtoref. dis. … kand. psihol. nauk* [Social and psychological techniques of forming human's resistance to stress: author's abstract for procuring of degree of candidate of psychological sciences]. Moscow, 2005, 26 p. (In Russian).
9. *Lichnostnyj potentsial: struktura i diagnostika* [Personality's potential: structure and diagnostics]. Moscow, Smysl Publ., 2011, 299 p. (In Russian).
10. Orlova M.M., Orlov D.V. [Choice of the strategy of psychological adaptation and its aftermath for personality]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta* [Tidings of Saratov University]. 2007, vol. 7, no 1, pp. 38–45. (In Russian).
11. Padun M.A., Tarabina N.V. [Cognitive and personal aspects of trauma stress experience]. *Psihologicheskij zhurnal* [Psychological journal]. 2004, no 5, pp. 5–15. (In Russian).
12. Postylyakova Yu.V. [Resources of stress coping in different types of professional activity]. *Psihologicheskij zhurnal* [Psychological journal]. 2005, vol. 26, no 6, pp. 35–43. (In Russian).
13. Rogozyan A.B. *Psihologicheskie resursy individual'nogo stilya preodoleniya stressa (na primere lichnosti meditsinskogo rabotnika): avtoref. dis. … kand. psihol. nauk* [Psychological resources: of individual style of stress coping (by an example of health professional's personality: author's abstract for procuring of degree of candidate of psychological sciences]. Krasnodar, 2012, 26 p. (In Russian).
14. Heckhausen H. *Psihologiya motivatsii dostizheniya* [Psychology of achievement motivation]. Saint Petersburg, Piter Publ., 2004, 474 p. (In Russian).
15. Zhelago A.M. *Sotsial'no-psihologichni determinanti professijnogo stanovleniya komandira pidrazdilu vnutreshnih vijsk MVS Ukraini: dis. … kand. psihol. nauk* [Social and psychological determinants of professional becoming of a captain of internal troops unit of Ukraine: dissertation of candidate of psychological sciences]. Kharkiv, 2014, 178 p. (In Ukrainian).

The date of the manuscript receipt 01.02.2015

THE SPECIFICS OF MOTIVATIONAL SPHERE OF SERVICEMEN OF UNITS OF ESCORTING, EXTRADITION AND PROTECTION OF PEOPLE UNDER THE JURISDICTION

Natalya V. Yurieva

National University of Civil Defense of Ukraine; 94, Chernyshevskaya str, Kharkov, 61023, Ukraine

This article defines the actuality of research of specifics of motivation of servicemen of units of escorting, extradition and protection of people under the jurisdiction in the context of determination of motivational resources for upgrading stress resistant of the mentioned military experts. The results of an empirical study of need and semantic components of motivational sphere of studied servicemen, the characteristics of the general attitude to themselves and attitude to the world around them, and effectiveness of their motivational sphere are listed. It defines possibilities of using the research results in practice of psychological support of professionalization of the servicemen to improve their resistance to stress.

Key words: resistance to stress; motivational sphere; motivational resources; need component of motivational sphere; semantic component of motivational sphere; effectiveness of motivational sphere.

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:
Юрьева Н.В. Особенности мотивационной сферы военнослужащих подразделений по конвоированию, экстрадиции и охране подсудимых // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2015. Вып. 1(21). С. 84–93.

Please cite this article in English as:
Yurieva N.V. The specifics of motivational sphere of servicemen of units of escorting, extradition and protection of people under the jurisdiction // Perm University Bulletin. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2015. Iss. 1(21). P. 84–93.

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 314.728:331.55

ВНУТРЕННЯЯ ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ: ПОДХОДЫ К РАССМОТРЕНИЮ, ПЕРСПЕКТИВЫ, УГРОЗЫ И ПУТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ Г. БЕРЕЗОВСКОГО СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

Пить Виктор Викторович,

кандидат экономических наук, директор
ООО «Научно-технический центр "Перспектива"»,
625026, Тюмень, ул. Таймырская, 70, оф.410;
e-mail: pit-v@yandex.ru

Заполева Евгения Олеговна,

социолог
ООО «Научно-технический центр "Перспектива"»,
625026, Тюмень, ул. Таймырская, 70, оф.410;
e-mail: cfi-soc@yandex.ru

Пономарева Ирина Владимировна,

заведующая отделом по делам молодежи
Управление культуры и спорта Березовского городского округа,
623701, Свердловская область, Березовский, ул. Театральная, 7;
e-mail: kdm91@mail.ru

В статье рассматриваются основные междисциплинарные подходы к изучению миграционных процессов в обществе: меркантилизм, неоклассическая экономическая теория, микроуровневая теория, микроэкономическая теория индивидуального выбора, теория «толчка–притяжения», теория исторического структурализма, новая экономическая теория миграции, теория сегментированного рынка, теория мировых систем, теория социальных сетей, теория структурирования, теория совокупной причинной обусловленности и синтетическая теория. Авторы анализируют результаты эмпирического исследования перспектив внутренней миграции в рамках одного региона, где донором выступает маленький город, а реципиентом — мегаполис. Описываются социальный портрет молодых людей, получающих профессиональное образование и склонных к переезду в ближайшей перспективе, а также риски усиления тенденции одностороннего движения населения. Дается приблизительный прогноз относительно доли трудовых мигрантов из г. Березовского (Свердловская область) среди учащейся в настоящее время молодежи, даются основные рекомендации по повышению конкурентоспособности маленьких городов.

Ключевые слова: теории миграции; трудовая миграция; внутренняя миграция; молодежь.

В последние десятилетия в отечественной социологии широко изучалась проблема миграции экономически активной части населения за рубеж, акцентировалось внимание на проблеме так называемой «утечки умов». В последние годы миграционное сальдо имеет положительное значение. Однако актуализируется вопрос внутренней миграции — отток россиян из небольших городов в мегаполисы. Как правило, речь идет о географическом перемещении значительной доли населения, в частности молодежи, с целью трудоустройства в более экономически привлекательных ус-

© Пить В.В., Заполева Е.О., Пономарева И.В., 2015

ловиях [2]. Данная проблема актуальна как для конкретных маленьких городов, расположенных вблизи крупных агломераций (таких как г. Березовский в Свердловской области), так и для регионов в целом.

Нельзя не отметить большое значение внутренней миграции в перераспределении населения на территории России, которое имеет в нашей стране давнюю историю и способствует урбанизации. Тем не менее, высокие темпы оттока экономически активного населения и молодежи делает это распределение неравномерным в пользу крупных экономических центров, тем самым лишая небольшие города потенциала к развитию [6]. В силу ряда объективных обстоятельств, таких как ограниченные возможности трудоустройства, низкая заработная плата, отсутствие перспектив профессионального роста и т.д., люди вынуждены покидать родные места в поисках более приемлемых условий. Создание оптимальных инфраструктурных условий было бы наилучшим, но в то же время непростым способом сохранить и преумножить главную ценность и гаранта существования любого населенного пункта — людей (горожан).

Анализ миграционных мотиваций невозможен без углубленного описания подходов к ним. Однако концепций как самостоятельных теоретических конструкций, объясняющих это явление, в рамках социологии пока не выработано. Поэтому прежде чем описывать мотивации миграционного поведения, обратимся к классическим и современным концепциям, описывающим миграционные процессы в целом.

Попытку систематизации теорий международной миграции предприняли российские социологи Т.Н. Юдина, В.А. Ионцев, С.В. Голунов. Они выделили теории возникновения миграции: неоклассическую, новую экономику миграции, «толчка–притяжения», двойного рынка труда, мировых систем и теории постоянной миграции: социальной сети, институциональная, миграционной системы.

Традиционно считается, что основы теоретических концепций изучения миграционных процессов заложил английский ученый Э. Равенстайнк [12, с. 117]. Некоторые его подходы (например: большинство миграций осуществляется на короткие расстояния; миграционные потоки порождают противопотоки, они связаны с техническим развитием и т.п.) прошли испытание временем и остаются базовыми в работах современных российских и зарубежных ученых. Именно на основе работ Э. Равенстайнка получили развитие многие научные теории миграции.

Одним из исторически первых западных научных направлений, изучающих природу международной миграции, является меркантилизм. Так, английский экономист У. Стаффорд, а затем и теоретик Т. Мен рассматривали миграцию исключительно с прагматической точки зрения. В их выводах иммиграционный поток является одним из главных источников процветания и мощи государств. В соответствии с этим основной приоритет отдается привлечению иностранных рабочих при одновременном запрете эмиграции своих граждан [13, с. 17–21].

Более детальное осмысление феномен международной миграции получил позднее в рамках неоклассического подхода, берущего своё начало в теории развивающихся экономик. Одними из первых учёные Р. Флеймер (1963) и Т. Малдонадо (1976), а позже А.Дж. Кастилло-Фриман и Р.Б. Фриман (1992) изучили зависимость объема внешней миграции от определяющих её факторов выталкивания — низкие цены, низкий жизненный уровень, структурная безработица по месту прибытия [3, с. 173]. Согласно неоклассической экономической макроуровневой теории миграция вызвана географическим различиями в предложении и спросе на рабочую силу. Объем международной миграции очень сильно зависит от величины разрыва между реальным заработком мигранта по месту выезда и ожидаемым по месту въезда. Разница в заработной плате заставляет рабочих из низкооплачиваемых регионов двигаться в высокооплачиваемые регионы [12, с. 120].

В рамках этого же направления существуют и другие представления о стимулировании миграции. В частности, такие ученые, как А. Джонсон (1989), Р. Тейлор и Э. Фунихаузер (1992), придерживающиеся микроуровневой теории миграции [3, с. 18], согласно которой главной детерминантой миграционного поведения является стремление индивида к максимизации дохода от своей занятости и готовности нести некие затраты (материальные затраты на переезд, затраты на поиски работы, на освоение нового языка, на преодоление трудностей при адаптации к новому рынку труда, психологические затраты в связи с утратой старых и установлением новых коммуникативных связей) [12, с. 19].

С одной стороны, данная теория обосновывает миграцию сущестующей диспропорцией на рынке труда. Однако нет объяснения того, почему люди уезжают из стран с высокими экономиче-

скими показателями развития в страны с высоким уровнем безработицы.

Наиболее близка к вышеизложенной теории микроэкономическая теория индивидуального выбора, обосновывающая миграцию рациональным выбором человека, сопоставляющего возможные потери и приобретения от переезда [5, с. 19]. Согласно идеям известных представителей данного направления Г. Эллисона и Дж. Цебелеса, активная часть населения движется в страны, где выигрыш от миграции будет наибольшим. Миграция в данном случае понимается как форма инвестиций в человеческий капитал мигрантов (образование, квалификацию, знание языков), высокий уровень которых увеличивает вероятность успешной адаптации и приобретение больших выгод от миграции [11, с. 229]. В этом смысле страны-реципиенты могут конкурировать между собой, предлагая определенные выгоды будущим мигрантам. Информация, собранная на этом своеобразном рынке, способна послужить потенциальным мигрантам основанием для выбора в пользу переезда в ту или иную страну.

Во многом вышеперечисленные подходы стали основой для формирования теории «толчка–притяжения», которая оказала значительной влияние на концептуальную терминологию миграционных исследований [8, с. 52]. Ее вклад в развитие концепций миграции заключается в более детальном анализе мотивов и условий международного движения населения. Главными категориями в данной теории выступают «факторы выталкивания» и «факторы притяжения» и их взаимодействие. Так, низкие цены, низкий жизненный уровень, низкие экономические возможности, политические репрессии, структурную безработицу в стране проживания относят к факторам толчка (выталкивания) в странах-донорах; а к факторам притяжения — спрос на рабочую силу, занятость, более широкие экономические возможности, пригодность земли, более высокую заработную плату, политические свободы по месту прибытия. Таким образом, причины миграционного поведения объясняются комбинацией данных факторов.

С одной стороны, авторы теории «толчка–притяжения» следуют направлению, заданному неоклассицистами. С другой, используются только положительные результаты, доказанные экспериментально или статистически, но не анализируется критика. Видимо, с этим связана однобокость данной концепции, сводящаяся к объяснению движения населения из бедных стран в богатые, при котором наличие экономических различий между странами является достаточным и необходимым условием, вызывающим миграционные процессы. Т.Н. Юдина описывает перечисленные выше теории как упрощенные и неспособные объяснить истинные причины миграционных процессов, дать их прогноз. Теория «толчка–притяжения», объясняющая миграцию только индивидуальными факторами, не охватывает всю совокупность сложных мотиваций мигрантов [12, с. 120]. Среди аргументов критики описанного подхода отмечается отсутствие исторического и политического контекста, невозможность индивида свободно манипулировать иммиграционной политикой, переоценка личной активности и недооценка таких объективных данностей, как законы и правила стран-реципиентов, невозможность объяснить повышение эмиграционной активности высших, наиболее состоятельных слоев общества, а также отличия в выборе стран для эмиграции разными группами населения.

Иное представление о миграции было заложено С. Кастлесом и Г. Косаком в 1970-е гг. — в теории исторического структурализма [4]. Основное положение данного подхода сводится к тому, что специфические траектории движения мигрантов располагались в пределах контекста глобальных и национальных экономических систем, а действия самих мигрантов детерминируются структурами государственного капитализма. Акцент на роли государства в историко-структурном подходе дает возможность предположить, что миграция может быть сокращена, если будут изменены государственные стратегии ее регулирования.

Важное различие между теорией «толчка–притяжения» и теорией исторического структурализма заключается в подходе к анализу. Если первая базируется на интерпретивной парадигме, делая акцент главным образом на добровольном перемещении индивидов, то вторая, подчеркивая роль крупномасштабных организаций в формировании миграционных потоков, является результатом противоположного блока научной мысли — структурной парадигмы.

Более целостное представление о миграции заложено в 1980-е гг. О. Старком в рамках новой экономической теории миграции, которая стремится объяснить принятие решение о переезде не отдельными индивидами, а группами взаимосвязанных людей [10]. В данном случае основной целью миграции признается не только максимизация выгоды, но и минимизация рисков от неудач. Принципиальное отличие от неоклассиче-

ского подхода заключается в отрицании суждения, что доход имеет одинаковую важность для любого человека, независимо от местных условий и материального положения. Впервые среди мотивов переезда за границу рассматривается не только улучшение материального благосостояния, но и повышение социального статуса. Данную теорию можно рассматривать как модель принятия решения на микроуровне. Однако существенные недостатки новой экономической теории, сходные с уязвимыми местами неоклассической теории, не позволяют расценивать её как достаточную теоретическую конструкцию для полноценного осмысления сущности миграционных процессов и мотиваций [13].

Попытка раскрыть комплексную взаимосвязь между страной-реципиентом и страной-донором сделана в теории сегментированного (двойного) рынка труда П. Дерингером и М. Пиоре. В отличие от предшественников, они доказывают, что миграция диктуется спросом индустриальных обществ на рабочую силу. Согласно этой теории миграция вызывается не «выталкивающими» факторами в донорских странах, а притягивающими факторами в принимающих странах (потребность в иностранной рабочей силе). Данная теория исходит из того, что трудовым рынкам развитых индустриальных стран свойственна неразрывная взаимосвязь между рабочей силой и капиталом, связанная с сегментированной структурой рынка труда. Низкая заработная плата, часто меняющиеся условия труда, незначительные перспективы для продвижения в сфере услуг не дают возможности привлечь в нее местных рабочих, которые заняты, как правило, в сфере материального производства [7, с. 300–330].

Таким образом, в этой теории интересы капитала рассматриваются как доминирующие, недостаточное внимание обращается на побуждения и действия индивидов и групп, вовлеченных в миграционные процессы, люди рассматриваются лишь как пассивные участники миграционного процесса.

Одной из доминирующих парадигм в области миграции является теория мировых систем (С. Сассен, А. Портес), основная заслуга которой заключается в описании международной миграции как следствия политической и экономической интеграции расширяющегося мирового рынка. Тем не менее, она не затрагивает индивидуальные мотивы эмиграции.

Теория социальных сетей понимает под международной миграцией индивидуальный или семейный процесс принятия решения, но одновременно доказывает, что, когда-то начавшись, международная миграция имеет тенденцию расширяться какое-то время, пока связи сети не распространились широко в донорской области и все люди, желающие мигрировать, могут это сделать без труда, и тогда миграция начнется замедляться [12, с. 128]. В развитии теории социальных сетей большую роль сыграл подход Дж. Госса и Б. Линдквиста, восходящий к теории структурирования Э. Гидденса. Дж. Госс и Б. Линдквист определили институты взаимопомощи мигрантов как «многостороннее объединение индивидов, ассоциаций и организаций, посредством которого социальное действие всех этих агентов и их взаимодействие друг с другом распространяется во времени и пространстве. В рамках того или иного общественного института индивиды действуют стратегическим образом — чтобы продвинуть свои интересы» [1, с. 119].

Итак, Дж. Госс и Б. Линдквист предприняли попытку вывести миграционную теорию из противоборства субъективного и объективного подходов, использовав для этого теорию структурирования.

Миграция как социальный феномен анализируется сторонниками теории совокупной причинной обусловленности, описанной Валерстайном. Основным отличительным положением теории является преобразование социального контекста, в пределах которого происходит миграция. Она может воздействовать на такие факторы, как распределение доходов, земли, организация культуры, сельского хозяйства, региональное распределение человеческого капитала и социальное значение работы, что в свою очередь способствует повышению вероятности последующей миграции [12, с. 130].

Самая новая теория миграции представляет собой синтез предшествующих теорий и направлений, осуществленный социологом Д. Мэсси, включая неклассические экономические теории, новую экономическую теорию, теории двойного рынка, мировых систем и общественного капитала [5, с. 161–167].

Итак, согласно синтетической теории международные миграции возникают в ходе социальной, экономической и политической трансформации. Международная миграция является результатом не недостаточного рыночного развития, а напротив, быстрого развития самих рынков. Одним из средств, с помощью которых люди, вынужденные отказаться от традиционного образа

жизни, ищут средства обеспечения своего экономического благополучия, является продажа своего труда на расширяющихся национальных и международных рынках труда.

В представленных выше концепциях и подходах мотивы описываются опосредованно. Тем не менее, можно сделать вывод, что основной движущей силой миграционного поведения, по мнению ученых-социологов, являются экономические факторы, которые имеют место практически в каждом из подходов.

Эмпирическое изучение перспектив оттока населения из небольшого города (на примере г. Березовского Свердловской области) в ближайший мегаполис (г. Екатеринбург) требует концентрации внимания на молодежи, получающей профессиональное образование, т.к. именно для данной социальной группы вопрос достойного трудоустройства станет актуальным в ближайшие несколько лет. Кроме того, это значимый демографический и трудовой потенциал города, потеряв который такие города, как Березовский, рискуют превратиться в города стареющего населения и вовсе опустеть.

Итак, изучение перспектив трудовой миграции молодежи из г. Березовского требует определения основных параметров измерения, среди которых следует выделить: а) наличие планов переезда в более крупный город в краткосрочной перспективе; б) зарплатные и иные ожидания молодежи по трудоустройству; в) сдерживающие и стимулирующие факторы миграции; г) детерминанты миграционной активности.

На основании результатов научно-исследовательской работы, проведенной в 2014 г. в г. Березовском, можно отметить перспективную динамику оттока молодежи из Березовского в Екатеринбург. При учете допустимой ошибки репрезентативности можно сделать прогноз, что максимальная доля учащейся молодежи, которая покинет Березовский в поисках работы в течение 1–3 лет, будет колебаться в диапазоне от 40 до 49 %.

Наличие прямолинейных закономерностей позволяет выделить наиболее характерные черты для данной группы населения:

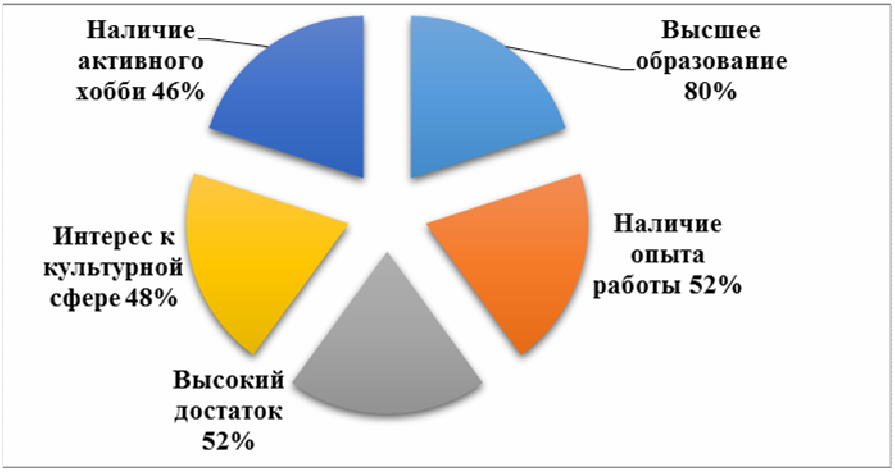
- *Высшее образование*: студенты, получающие высшее профессиональное образование, в большинстве случаев указывают на намерение искать работу в Екатеринбурге, а учащиеся, получающие среднее и начальное профессиональное образование, чаще планируют трудоустроиться в родном городе.
- *Наличие опыта работы*: студенты, имеющие трудовой опыт, чаще хотят уехать в Екатеринбург, а не имеющие — остаться в Березовском.
- *Высокое материальное благосостояние*: чем богаче семьи респондентов, тем чаще они строят планы по трудоустройству в большом городе.
- *Интерес к мероприятиям социально-культурной сферы*: студенты, не посещающие музеи, театры, филармонии и другие учреждения культуры, чаще связывают свой профессиональный путь с Березовским, а респонденты, интересующиеся культурными событиями, напротив, чаще указывают на планы поиска работы в Екатеринбурге.
- *Наличие активного вида деятельности в качестве хобби:* опрошенные, увлекающиеся в своей повседневной жизни каким-либо видом физической, творческой или интеллектуальной активности, чаще планирую трудоустроиться в Екатеринбурге и реже в Березовском, тогда как среди респондентов, которые не нашли себя в спорте, хореографии, вокале, художественном искусстве или другом виде активности, более распространено желание остаться работать в родном городе.

Кроме того, примечательно, что состояние в браке не является сдерживающим фактором трудовой миграции, а скорее наоборот — стимулирует людей на поиски работы в другом городе.

Таким образом, мы имеем социальный портрет студента, планирующего трудовую миграцию в близлежащий мегаполис (рисунок).

Оценка модальных характеристик студентов, имеющих планы покинуть свой город с целью трудоустройства в мегаполисе, позволяет судить о том, что наибольший миграционный потенциал свойственен для наиболее активной и, вероятно, перспективной доли молодежи [9].

Анализ результатов массового опроса показал, что причиной миграционных устремлений молодежи, как правило, является не количество вакансий, представленных на рынке труда небольшого города, а недостаточная заработная плата по ним. Эти данные подтверждаются высоким рангом уровня заработной платы в рейтинге критериев выбора метра работы студентами.



Социальный портрет студента — потенциального трудового мигранта

Изменению тенденции оттока молодежи из маленьких городов в крупные, по мнению экспертного сообщества г. Березовского, будет способствовать следующие меры:

- Мониторинг перспективного рынка труда города с целью создания в учебных заведениях специальностей, которые будут востребованы на городском рынке труда в ближайшие годы. Данная мера поможет решить проблему дефицита кадров по нужным специальностям и устранить переизбыток невостребованных специалистов.
- Повышение уровня заработной платы для специалистов с высшим образованием.
- Повышение мотивации молодых специалистов трудоустраиваться в Березовском посредством улучшения их жилищных условий или обеспечения жильем.
- Развитие на предприятиях города программ обучения и стажировки молодых сотрудников.

Итак, сохранение значительной части человеческого потенциала для малых городов (в частности г. Березовского) становится стратегической задачей, от решения которой зависит экономическое и социальное развитие этих городов и, более широко, равномерное распределение населения. Достижению таких высоких целей может способствовать взвешенная политика местных властей, основанная на развитии важнейших инфраструктурных компонентов жизнедеятельности, таких как обеспечение молодых специалистов жильем, что сделает для них родной город более привлекательным, нежели мегаполис, где необходимо арендовать или приобретать недвижимость, развитие активной культурно-досуговой сферы для людей, ищущих себя в спорте, творчестве и т.д., введение в учебных заведениях дисциплин по востребованным в городе специальностям, активное сотрудничество образовательных учреждений с предприятиями города. Реализация данных проектов помогла бы сделать малые города более конкурентоспособными и привлекательными для населения.

Список литературы

1. *Госс Дж.* Линдквист Б. Концептуализация международных трудовых ресурсов. М., 1998. 345 с.
2. *Демографический* понятийный словарь / под ред. Л.Л. Рыбаковского; Центр социального прогнозирования. М., 2003. 352 с.
3. *Ильин С.С.*, Маренков Н.Л. Основы экономики: учеб.-метод. пособие. М.: Нац. ин-т бизнеса; Ростов н/Д: Феникс, 2004. 672 с.
4. *Кастлес С.*, Косак Г. Рабочие-эммигранты и классовая структура в Западной Европе. М., 1985. 382 с.
5. *Мир* в зеркале международной миграции. Сер.: Международная миграция населения: Россия и современный мир / гл. ред. В.А. Ионцев. М.: МАКС-Пресс, 2002. Вып. 10. 416 с.
6. *Мкртчян Н.В.* Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации 2008 // Россия перед лицом демографических вызовов. М.: ПРООН, 2009. с. 80–96.
7. *Радаев В.В.* Экономическая социология. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2005. 605 с.
8. *Региональное* измерение трансграничной миграции в Россию / науч. ред. С.В. Голунов. М.: Аспект Пресс, 2008. 351 с.
9. *Рыбаковский Л.Л.* Миграционный потенциал:

критерии оценки и современные масштабы // Социологические исследования. 2011. № 4. С. 24–34.
10. Старк О. Трудовая миграция. М., 1991. 396 с.
11. *Цебелис Д.* В защиту теории рационального выбора // Современная сравнительная политология: хрестоматия. М.: Моск. общественный фонд, 1997. 378 с.
12. *Юдина Т.Н.* Социология миграции: к формированию нового научного направления / Моск. гос. социал. ун-т. М.: Дашков и К, 2004. 272 с.
13. *Ядгаров Я.С.* История экономических учений: учебник для вузов. 3-е изд. М.: ИНФРА-М, 2000. 320 с.

Получено 01.02.2015

References

1. Goss J., Lindquist B. *Kontseptualizatsiya mezhdunarodnyh trudovyh resursov* [Conceptualizing international labor migration]. 345 p. (In Russian).
2. *Demograficheskij ponyatijnyj slovar'* [Demographic notional dictionary]. Centre of social forecasting, Moscow, 2003, 352 p. (In Russian).
3. Il'in S.S. *Osnovy ekonomiki: uchebno-metodicheskoe posobie dlya studentov ekonomicheskogo fakul'teta* [Basics of economics: study guide for students of economic faculty]. Moscow, National Business Institute Publ., Rostov-on-Don: Feniks Publ., 2004, 672 p. (In Russian).
4. Kastles S., Kosak G. *Rabochie emigranty i klassovaya struktura v Zapadnoj Evrope* [Emigrant labourers and class structure in Western Europe]. 1985, 382 p. (In Russian).
5. *Mir v zerkale mezhdunarodnoj migratsii: Nauchnaya seriya: Mezhdunarodnaya migratsiya naseleniya: Rossiya i sovreennyj mir* [The world in mirror of international migration: Scientific series: International human migration: Russia and modern world]. Moscow, MAKS-Press Publ., 2002, no 10, 416 p. (In Russian).
6. Mkrtchyan N.V. *Rossiya pered litsom demographicheskih vyzovov. Doklad o razvitii chelovecheskogo potentsiala v Rossijskoj Federatsii, 2008* [Russia in front of demographic challenge. Report on development of human potential in Russian Federation, 2008]. Moscow, UNDP Publ., 2009, pp. 80–96. (In Russian).
7. Radaev V.V. *Ekonomicheskaya sotsiologiya* [Economic sociology]. Moscow, Publishing House of Higher School of Economics, 2005, 605 p. (In Russian).
8. *Regional'noe izmerenie transgranichnoj migratsii v Rossiyu* [Regional measuring of cross-border migration]. Moscow, Aspekt Press Publ., 2008, 351 p. (In Russian).
9. Rybakovsky L.L. [Migration potential: criteria of assessment and present-day size]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. 2011, no 4, pp. 24–34. (In Russian).
10. Stark O. *Trudovaya migratsiya* [Labor migration]. 1991, 396 p. (In Russian).
11. Tsebelis D. [In support of the theory of rational choice]. *Sovreennaya sravnitel'naya politologiya: Chrestomatiya* [Conteporary comparative politology: Reading-book]. Moscow, Moscow public fund Publ., 1997, 378 p. (In Russian).
12. Yudina T.N. *Sotsiologiya migratsii: k formirovaniyu novogo nauchnogo napravleniya* [Sociology of migration: to formation of new scientific approach]. Moscow, Dashkov i K Publ., 2004, 272 p. (In Russian).
13. Yadgarov Ya.S. *Istoriya ekonoicheskih uchenij: Uchebnik dlya vuzo, 3e izdanie* [History of economic doctrines: Textbook for higher education institutions, 3rd edition]. Moscow, INFRA-M Publ., 2000, 320 p. (In Russian).

The date of the manuscript receipt 01.02.2015

INTERNAL LABOR MIGRATION: THEORETICAL APPROACHES, PROSPECTS, THREATS AND WAYS OF NEGOTIATION (BY THE EXAMPLE OF THE CITY OF BEREZOVSKY, SVERDLOVSK REGION)

Victor V. Pit', Evgeniya O. Zapoleva

Scientific and Technology Center «Perspective»;
of. 410, 70, Taimyrskaya str., Tyumen, 625026, Russia

Irina V. Ponomareva

Department of Youth Affairs of the Department of Culture and Sport of Berezovsky urban district;
7, Teatralnaya str., Berezovsky, Sverdlovsk Region 623701, Russia

The article discusses the main interdisciplinary approaches to the study of migration processes in society: mercantilism, neoclassical economic theory, micro-level theory, microeconomic theory of individual choice, theory of «push-pull», theory of historical structuralism, new economic theory of migration, theory of segmented markets, world systems theory, theory of social networks, theory of structuring, theory of cumulative causation

and synthetic theory. The authors analyze the results of empirical research prospects of internal migration within the same region, where the donor was a small town, and the recipient — a metropolis. The article describes the social portrait of young people receiving vocational education and prone to move in the nearest future, as well as the risks of the increasing trend of unilateral movement of population. Approximate forecast of the share of migrant workers from the city of Berezovsky (Sverdlovsk Region) among today students is given, the main recommendations to improve the competitiveness of small towns are listed.
Key words: theories of migration; labor migration; internal migration; youth.

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:
Пить В.В., Заполева Е.О., Пономарева И.В. Внутренняя трудовая миграция: подходы к рассмотрению, перспективы, угрозы и пути преодоления (на примере г. Березовского Свердловской области) // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2015. Вып. 1(21). С. 94–101.

Please cite this article in English as:
Pit' V.V., Zapoleva E.O., Ponoareva I.V. Internal labor migration: theoretical approaches, prospects, threats and ways of negotiation (by the example of the city of Berezovsky, Sverdlovsk Region) // Perm University Bulletin. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2015. Iss. 1(21). P. 94–101.

УДК 331.101.32

ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОБЛЕМЫ УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ ТРУДОМ В СССР И ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

Хагур Фатима Рашидовна,
кандидат социологических наук,
доцент кафедры управления и сервиса
Филиал Майкопского государственного
технологического университета в п. Яблоновском,
385140, Республика Адыгея, Тахтамукайский район,
п. Яблоновский, ул. Связи, 11;
e-mail: hagur@inbox.ru

Актуальность проблемы, исследуемой в статье, связана с тем, что для ее полного понимания необходимо обратиться к ранее проведенным исследованиям. Несмотря на то что историческое первенство в изучении проблемы удовлетворенности трудом и факторов, определяющих её уровень, принадлежит западным ученым, отечественными учеными было проведено немало исследований в данной области. Объектом исследования является проблема удовлетворенности трудом. Предметом исследования являются научные исследования советских российских ученых в области трудовых отношений, мотивации труда и удовлетворенности трудом. Цель исследования — изучение проблемы удовлетворенности трудом российскими учеными. Для достижения ее рассмотрены особенности исследований советских и российских ученых в области трудовых отношений, их специфика.
Ключевые слова: удовлетворенность трудом; мотивы трудовой деятельности; мотивация труда; трудовые ценности.

Проблема удовлетворенности трудом давно привлекает внимание многих зарубежных и отечественных ученых. Следует подчеркнуть, что историческое первенство в изучении проблемы удовлетворенности трудом и факторов, определяющих её уровень, принадлежит западным социологам. Первыми столкнувшись с проблемой, актуальность которой особенно высока в обществах с развитой рыночной экономикой, они заложили основы её дальнейшего изучения.

И хотя отечественные ученые приступили к исследованию проблем удовлетворенности трудом относительно недавно, ими были получены важные результаты: в частности, раскрыта структура и иерархия мотивов трудовой деятельности работников предприятий промышленности, сельского хозяйства и др. К сожалению, уровень этих исследований и практическое применение их результатов не отвечают современным требованиям. Это объясняется многими причинами, в том числе недостаточной методологической и методической разработкой проблемы и, в частности, не выявлен механизм формирования удовлетворенности трудом и влияния этой удовлетворенности на трудовую деятельность. К середине 60-х гг. назрела острая потребность в разработке научной концепции, объясняющей это явление.

Проблемами оплаты труда активно занимались в 1920-е гг. советские ученые А.К. Гастев, П.М. Керженцев, О.А. Ерманский, П.А. Попов и др. Что касается практики, то следует особое внимание обратить на результаты, связанные со стахановским движением. Мало кто знает, что А. Стаханов, перевыполнивший норму по вырубке угля, заработал в ту ночную смену 200 руб. вместо обычных 23–30 руб. Сколько заработал, столько и получил. Это было конкретной реализацией социалистического принципа «каждому — по труду». Кстати, этот принцип высокой материальной заинтересованности был характерен для первых лет стахановского движения, а потом заменен и вытеснен различными формами ложно интерпретируемого морального поощрения [17].

Первыми из отечественных социологов, предложивших свою концепцию, были В.А. Ядов и А.Г. Здравомыслов. В известной книге «Человек и его работа» и ряде статей они изложили свои взгляды на сущность удовлетворенности трудом, характер связей этого понятия с другими социологическими категориями, выделили и структу-

© Хагур Ф.Р., 2015

рировали факторы, определяющие удовлетворенность трудом, применили математические методы, позволяющие дать количественную оценку ее уровню [12]. Авторы показали, что уровень удовлетворенности трудом молодых рабочих СССР зависит прежде всего от его содержательности. Важное значение рабочие СССР, особенно молодые, придают возможности развивать свои способности в процессе труда. Эту сторону труда ставят на первое место большинство молодых людей, выбирающих жизненный путь. Оно занимает одно из первых мест среди наиболее значимых факторов, определяющих удовлетворенность трудом работающих [8].

Еще в 60-е гг. Н.М. Блинов и Р.И. Косолапов попытались измерить фактическую продолжительность времени «радостного труда» у разных социальных групп. Молодым рабочим трех станкостроительных заводов предлагалось ответить на три вопроса: «После которого часа работы, как правило, наступает утомление?», «Сколько часов в течение рабочего дня (в среднем) Вы работаете без напряжения?», «Сколько часов в рабочем дне труд доставляет Вам удовольствие?» Результаты исследований, проведенных Н.М. Блиновым и Р.И. Косолаповым в 1976–1978 гг., бесспорно, интересны прежде всего потому, что они были «ориентированы на специальное изучение проблемы удовлетворения потребностей как содержательной характеристики образа жизни в сфере труда» [4, с. 78]. Эти исследования охватили такие разные социальные группы, как промышленные и сельскохозяйственные рабочие, научные и инженерно-технические работники, служащие, и в этом смысле они не имели аналогов в истории социологии. Правда, вызывает возражение и определение «радостный труд», как труд, который «не напряжен» и «не утомляет». А наделение альтернативного ему труда отрицательным смыслом, противопоставление его труду «с радостью» несостоятельны. Ведь в народе говорят о радостном физическом труде, как труде напряженном, труде «до пота». С другой стороны, не всегда труд, который «не напряжен» и «не утомляет», доставляет радость [4].

Трагедией советской экономики стало игнорирование материальной заинтересованности работника, хотя все думающие и заботящиеся о будущем хозяйственные руководители и ученые неоднократно ставили этот вопрос и даже пытались его решать. Достаточно напомнить щекинский эксперимент, начатый в середине 1960-х гг. в научно-производственном объединении «Азот», который продолжался 17 лет (!). Этот эксперимент, базирующийся на принципе совмещения рабочих мест и на более высокой оплате труда, дал существенный рост производительности труда и эффективности производства, но был бесславно провален в силу косности системы, бюрократизма чиновников и отсутствия нормальной реакции на необходимость нововведений [10]. Такую же участь ждал и эксперимент И.Н. Худенко в конце 1960-х – начале 1970-х гг., когда стараниями его организатора был достигнут впечатляющий результат в сельскохозяйственном производстве благодаря высокой материальной заинтересованности работников, что позволило существенно снизить себестоимость зерна. Однако обвиненный в стяжательстве и хищении государственных средств Худенко был снят с работы, осужден и закончил свою жизнь в тюрьме [13].

А.А. Зворыкин попытался объяснить отношение к труду рабочих разных отраслей их физиологическими и психологическими особенностями. Выделив 12 психологических типов личности (эмоционально-интуитивный и т.д.), он доказывал, что удовлетворенность трудом работников той или иной отрасли зависит прежде всего от их психофизиологических особенностей, от того, насколько последние соответствуют требованиям именно данной отрасли [5, с. 13].

Кризис в исследованиях удовлетворенности трудом и отношения к труду свидетельствовал о необходимости поисков связи удовлетворенности с условиями труда и жизни (производственными и внепроизводственными факторами) трудящихся. И.М. Попова, обследуя одесские предприятия, попыталась определить степень и характер связи между удовлетворенностью трудом и фактическим поведением работников в сфере трудовой деятельности и на основе этого выяснить некоторые практические возможности использования информации об удовлетворенности трудом работников в практике управления.

Удовлетворенность трудом сопоставлялась с текучестью и обобщенной оценкой таких показателей: трудовая дисциплина, выполнение норм (заданий), качество работы; опытность, участие в рационализаторстве и изобретательстве, размещенных на шкале «качество работника». Для работников, попадающих в различные позиции шкалы, их пять: в континууме от «лучших» (1) работников к «худшим» (5), вычислялись индексы удовлетворенности работой [14]. Условия труда в обследовании одесских предприятий фиксировались лишь в таких объективных показателях, как размер заработной платы и содержание труда. Были выделены девять социально-профессиональных групп — от руководителей высшего звена (1) до

работников физического неквалифицированного труда (9). Санитарно-гигиенические условия, организация труда и другие показатели рассматривались в качестве фактора удовлетворенности трудом лишь через оценку этих элементов респондентами. В качестве внепроизводственных условий в эмпирическом исследовании фиксировались показатели: жилищно-бытовые условия, семейное положение, среднедушевой доход, местожительство [20].

Это уже более подробный перечень объективных факторов удовлетворенности трудом и отношения к труду, чем у А.Г. Здравомыслова и В.А. Ядова, но и нем недостает полноты. Даже самый тщательный анализ связи удовлетворенности трудом с уровнем фактической заработной платы будет носить общий характер, если не включает в себя продолжительность и интенсивность затраченного труда, его тяжесть и другие условия, при которых он совершается. Надо знать объективные характеристики степени удовлетворения бытовых и социально-культурных потребностей работников обществом, отраслью, предприятием, т.е. общественные условия внепроизводственной деятельности. Отсутствие этих данных в исследовании как в числе объективных, так и среди вопросов, выясняющих структуру мотивов и частных фактов удовлетворенности трудом, может привести к ошибочным выводам, в том числе к неверной трактовке удовлетворенности трудом, её связей с условиями и поведением. Сложный математический аппарат, привлекаемый для расчета таких связей, может лишь запутать, а не выявить истину. Вывод И.М. Поповой о том, что вербально выраженная удовлетворенности трудом работой «не может выступать как социальный показатель» [14, с. 90], ещё резче подчеркивает кризис в исследовании проблемы удовлетворенности трудом как с позиций общепсихологической теории, так и социальной психологии. Социологический подход требовал рассмотрения удовлетворенности трудом прежде всего как социально-экономической категории.

В принципе все отечественные социологи, исходя из марксистских позиций, признавали определяющее влияние социально-экономической природы и общественного разделения труда, социальной структуры, а также политической надстройки общества на отношение к труду и удовлетворенность им. Но большинство из них рассматривали эти общие социальные условия сквозь призму индивидуального сознания или в лучшем случае, как авторы книги «Человек и его работа», через специфические факторы, действующие на предприятии [19], а не формулирующие требования социальных групп.

Правда, В.А. Ядов в статье, посвященной итогам повторного исследования молодых рабочих (1976), уточнил свое отношение к методике, изложенной в книге «Человек и его работа», стремясь теснее связать её с социальными факторами. «Пытаясь согласовать разнообразные концепции “аттитюдов” (социальных установок), ценностных ориентаций и другие диспозиционные схемы анализа мотиваций, — пишет он, — мы пришли к выводу, что следует вывить их иерархическую структуру и с точки зрения обусловленности этих диспозиционных образований личности, и с точки зрения различия в регулятивных функциях диспозиций разного уровня» [19, с. 45]. Однако и это дополнение не меняет того положения, что группа объективных факторов расценивается опять же как «преломление» в индивидуальном и групповом сознании. У исследователей, придерживающихся этой концепции в объяснения природы и содержания удовлетворенности трудом, преобладает подход к ее исследованию со стороны объективных показателей условий труда и жизни работников.

Известно, что степень приспособления работника к требованиям производства во многом зависит от уровня его образования — как общего, так и специального. Высокий уровень образования помогает быстрее освоить новую профессию, облегчает переход от простого труда к сложному, способствует сближению физического и умственного труда.

В последние годы в стране усиливалась работа по профессиональной ориентации. Основное ее назначение — ознакомить молодежь с характером и условиями труда работников различных профессий и с потребностями народного хозяйства в тех или иных специалистах.

Социальные различия проявляются лишь при сравнении структуры мотивов. По данным социологического исследования, проведенного А.Г. Харчевым и С.И. Голодом в 70-х гг. XX в. на четырех промышленных предприятиях Ленинграда, 53,5 % работниц, имеющих низкую и среднюю квалификацию, связывали свое стремление работать с необходимостью дополнительного заработка для семьи, 21,5 % — с желанием быть в коллективе, 13,6 % — со стремлением участвовать в общественном труде и 11,4 % — с желанием быть материально независимыми от мужа.

С ростом общественного производства и национального богатства страны проявилась тенденция более полного удовлетворения материальных потребностей населения. Это определяло

«возвышение» духовных потребностей, среди которых все большую настоятельность приобретает потребность в труде и в хороших человеческих отношениях, рождающихся в процессе коллективной трудовой деятельности. Это подтверждалось анализом степени удовлетворенности работниц своим трудом. Проведенные в 70-е гг. исследования показали, что подавляющее большинство опрошенных удовлетворено работой. Удовлетворение им приносит возможность улучшить материальное положение семьи, осознание того, что они вносят свой вклад в общественное производство. Немалое значение имеют также отношения между людьми во время работы. Характерно, что все опрошенные, независимо от их удовлетворенности своей профессией и местом работы, отметили, что работающая женщина имеет более широкий кругозор, чем неработающая, что женщина, владеющая специальностью, должна обязательно работать, чтобы не утратить навыки и квалификацию. Больше всего неудовлетворенных было среди работниц, занятых ручным, неквалифицированным трудом. И это естественно [11, 16].

Существовавшая в СССР система стимулирования трудовой активности в значительной мере оказалась малоэффективной и стала одной из причин кризиса труда. Несмотря на богатейшие природные ресурсы и огромные капиталовложения в основные фонды, экономика страны оказалась в тяжелом положении.

На наш взгляд, наряду с другими причинами это было обусловлено тем, что в основе системы стимулирования лежал тезис о выгодности дешевого труда. Сверхвложения в индустриализацию народного хозяйства осуществлялись за счет минимизации оплаты труда. В результате основная масса работников государственного сектора промышленности не удовлетворяла свои потребности в необходимом объеме, а часть их делала это за счет нетрудовых доходов.

В 70-х – начале 80-х гг. наша экономика столкнулась с таким острым и тревожным противоречием, как растущее отчуждение труда, которое выражается в том, что продукты деятельности человека, возникающие при этом отношении становятся чуждыми ему, независимыми от него и господствующими над ним. В эти годы в развитии страны (наряду с достижениями и бесспорными успехами) появились неблагоприятные тенденции, почти не осваивались интенсивные способы экономического роста, не были выработаны механизмы противостояния теневой экономике. В эти годы в стране был осуществлен ряд мер и экспериментов, направленных на побуждение человека к более производительному труду, на стремление отдавать свои силы и знания общему делу. К сожалению, лишь немногие партийные организации старались не прекращать поиск, выжить и устоять под напором устаревших инструкций. Последствия игнорирования объективных потребностей не заставили себя долго ждать: в 70-е гг. неуклонно шел процесс ослабления материальных и моральных стимулов, это свидетельствовало о грозном предкризисном явлении — растущем отчуждении труда, что проявилось, в частности, в росте числа так или иначе уклонившихся от позитивных или негативных оценок работы: с 1962 по 1976 г., по данным В.А. Ядова, — с 3 до 30 % [9].

Исследования советских социологов в 80-х гг. выявили, казалось бы, парадоксальный факт: по сравнению с 60–70 гг. на многих предприятиях увеличилось количество работников, не удовлетворенных условиями труда. Почему? Ведь был проведен большой объем работы по реконструкции, улучшению общих условий производственной деятельности. Как показывает анализ, противоречие вполне объяснимо: выросли требования людей. Анализ ситуации позволяет сделать вывод, что осознание человеком производственной жизни, её проблем и противоречий во все большей мере приобретало характер решающей силы в определении направленности поведения. Люди все большее значение придавали тому, что происходило в непосредственно окружающей их среде. Это предъявляло и соответствующие требования к управлению трудовыми ресурсами. «Мы должны осознать, — говорилось на июньском (1987 г.) Пленуме ЦК КПСС, — что время, когда управление сводилось к приказаниям, запрещениям, призывам, ушло в прошлое. Теперь уже всем ясно, что такими методами работать больше нельзя. Они просто неэффективны. Создать мощную систему мотивов и стимулов, побуждающую всех работников полностью раскрывать свои способности, плодотворно трудиться, наиболее эффективно использовать производственные ресурсы, — таково веление времени» [9].

Анализ показывает, что к 1988 г. система материального стимулирования во многом перестала отвечать требованиям НТП. Стимулирование труда уже давно слабо зависело от его конечных результатов, из всей суммы денежных средств, расходуемых на оплату труда, лишь 30 % непосредственно были связаны с действительными его результатами.

Идеология советского общества была трудоцентристской, труд в ней имел своего рода священный, сакральный смысл. В нормативных тек-

стах декларировалась «всеобщность труда» в СССР, т.е. обязательность трудовой деятельности для каждого трудоспособного члена общества, недопустимость неучастия в труде и извлечения «нетрудовых доходов» [9, с. 118].

Если обобщить накопленный в советский период опыт исследований проблемы удовлетворенности трудом, стимулирования труда и выявления скрытых резервов производительности труда, то он в самом общем виде прошел несколько этапов [18].

На первом этапе (в 20-е гг.) обращалось внимание на то, чтобы дать возможность человеку заработать, получить большее вознаграждение за возможно больший сделанный объем работы.

На втором этапе начиная с 30-х гг. XX в., в основе стимулирования все больше индивидуальные потребности работника и, соответственно, ориентация на их удовлетворение. Такой подход позволил более гибко учитывать конкретную ситуацию и более наглядно и предметно реагировать на желания и интересы людей.

С 1960-х гг. все сильнее стал заявлять о себе фактор социальных потребностей (третий этап), когда материальное вознаграждение ориентировалось не только на потребности работника, но и его семьи, не только на удовлетворение текущих или ближайших целей, но и на долгосрочную перспективу.

Между тем, социально-экономический уклад российского общества претерпевал фундаментальные изменения. И в этой связи закономерно усиливался интерес к тому, как люди относятся к своему труду. Соответствующие социологические исследования имели определенную научно-теоретическую основу. Конкретные социологические исследования касались не только отдельного рабочего места, но и всей системы управления. То есть предметом исследования становились производственные отношения: условия и стимулы производственной деятельности, организация производства, экономика и технология труда, взаимоотношения членов различных социальных групп на предприятии, трудовая адаптация, сплоченность трудового коллектива, природа трудовых конфликтов, возможность их мирного урегулирования и т.д.

В период нормальной занятости населения на первое место в формировании удовлетворенности выходят взаимоотношения между рабочими и администрацией и между самими рабочими. В нашей стране, до начала 90-х годов, ведущая роль этих факторов в мотивации труда у разных субъектов была разная, причем в ходе профессионализации значимость их менялась. Этот «дрейф» мотиваторов (мотивов), по выражению В.Д. Шадрикова, был отчетливо выявлен его учеником Т.Л. Бадоевым. Последним были опрошены учащиеся ПТУ и рабочие со стажем от 1 до 15 и более лет о значимости для них ряда производственных факторов: организации труда, возможности творчества в процессе деятельности, санитарно-гигиенических условий, размера заработной платы, возможности повышения квалификации, престижности профессии и других. С ростом профессионализации уменьшалась значимость такого фактора, как возможность повышения квалификации, а также фактора значимости работы. Вследствие этого не было выявлено достоверной корреляции между важностью всех изученных факторов для учащихся и рабочих [3].

Исследования удовлетворенности трудом персонала были весьма востребованными. Так, изучению данных процессов было посвящено исследование «Профессиональная культура управленческих кадров», проведенное лабораторией социологических исследований БелИПК. Объектом исследования явились управленческие работники среднего звена (директора районных и городских Домов культуры), а предметом исследования — профессиональная культура управленческих кадров. Целью исследования было изучение основных характеристик и уровня развития профессиональной культуры управленческих кадров, а также разработка комплекса мероприятий по ее совершенствованию [7]. Опрашиваемым специалистам — директорам РДК и ГДК был предложен список из 15 профессиональных функций, тех, которые являются неотъемлемой частью работы руководителя и которые таковыми не являются, однако они постоянно присутствуют в рамках существующей деятельности и, как правило, выполняются руководителями.

Исходя из ответов руководителей, многое в профессиональной деятельности в творческом плане их удовлетворяет и радует, что нельзя сказать о материальных условиях труда руководителей РДК и ГДК: 73 % опрошенных однозначно заявили, что они не удовлетворены и только 3,8 % полностью согласны с оплатой труда, а 96,7 % отметили, что их рабочий день не нормирован, должностная инструкция четко не очерчивает круг их служебных обязанностей (64,3 %) и они не имеют нужного количества свободного времени для самообразования и для семьи. Лишь 30 % из числа опрошенных согласились с утверждением «у меня хорошие условия труда» и только 13,3 % от-

ветили, что их работа «открывает широкие возможности для достижения успеха в жизни» [7].

В постсоветской России, с развитием рыночных механизмов, все большее значение приобретали активная позиция индивида и экономическая целесообразность его деятельности. Согласно исследованиям А.А. Сарно (1999), труд считали одной из высших для себя ценностей только 18 % россиян. При этом подавляющее большинство относилоск труду как к жизненной необходимости. Из них одна группа «считает труд интересным, но не затмевающим остальное», другая — коэффициент трудовых усилий ставит в прямо пропорциональную зависимость от оплаты, третья — не скрывает, что труд для них обременителен. Количественный показатель первой группы снизился более чем в два раза — с 54 % в 1989 г. до 23 % в 1999 г; вторая группа, напротив, значительно выросла за то же время с 25 % до 45 %; наконец, третья группа также обнаружила устойчивую тенденцию к росту — 6 % в 1993 г. и 15 % в 1999 г. [15].

Более детальный анализ трудовых ценностей проведен в исследовании В.С. Магун (1998). Автором ставились две основные задачи: выяснить «общее отношение людей к работе в сравнении с другими сферами жизнедеятельности», а также значимость для людей разных аспектов их трудовой деятельности. На основании полученных результатов был сделан следующий вывод: «Своеобразие России состоит в том, что разрыв между субъективной важностью семьи и работы здесь очень заметен и является одним из самых значительных в мире; массовое постсоветское сознание придает труду более низкий статус, чем это имеет место в других странах мира» [9].

В последние годы написан ряд интересных диссертаций [см., например: 1, 2, 6], которые посвящены исследованию проблемы удовлетворенности трудом. Особенностью исследований, посвященных проблеме удовлетворенности трудом в последнее время, является то, что анализируются социально-экономические, социально-психологические, демографические и иные факторы, влияющие на уровень удовлетворенности труда в условиях рыночных отношений. Намечаются пути и средства использования удовлетворенности трудом различных социальных групп трудящихся в практике управления современным предприятием, вводится в научный оборот эмпирический материал по результатам социологических исследований [2]. Другие исследования свидетельствуют о том, что трудовые ценности и трудовое поведение — это компоненты трудовой культуры, через которые создаются определенные образцы поведения, что, в свою очередь, влияет на процесс социализации и инкультурации личности. Благодаря этим компонентам трудовой культуры в сфере духовного потенциала формируются хозяйственные, политические, социальные и другие отношения [1]. Такие типологические особенности личности, как коммуникабельность и ориентация на общение как средство достижения профессиональных целей чаще будут свойственны сотрудникам, удовлетворённым своим трудом вне зависимости от типа организационной культуры, в которой они работают. Сотрудники, удовлетворённые своим трудом в контексте одной и той же организационной культуры, обладают некоторыми сходными личностно-типологическими особенностями [6].

Спецификой современных исследований является и то, что указываются различия психологического и социального содержания удовлетворенности трудом. Поэтому авторы исследований предлагают соотнести соответствующие психологические состояния, своего рода баланс чувств и эмоций, выраженных на шкале «удовлетворенность – неудовлетворенность», с реальным содержанием этих чувств и с их объективными основаниями (содержанием труда, уровнем его обобществления, заключающимся, в частности, в его приближении к наиболее высоким стандартам производительности, эффективности, качества), но и выяснить мотивационную структуру деятельности [2, 6]. Проблема удовлетворенности трудом в настоящее время продолжает широко изучаться в работах психологов, социологов, философов и экономистов.

Список литературы

1. *Абреч С.И.* Трудовая культура как фактор формирования духовного потенциала современной российской молодежи: дис. … канд. филос. наук. Краснодар, 2010. 27 с.
2. *Ачмиз Ф.Р.* Удовлетворенность трудом как один из основных результатов эффективности социального управления в условиях рыночных отношений (На примере Республики Адыгея). дис. ... канд. социол. наук. Майкоп, 2006. 188 с.
3. *Бадоев Т.Л.* Диагностика структуры мотивов трудовой деятельности: автореф. дис. … канд. психол. наук. Ярославль: ЯрГУ, 1988, 24 с.
4. *Блинов Н.М.* Трудовая деятельность как основа социалистического образа жизни. М.,1979. 143 с.
5. *Зворыкин А.А.* Личность как единство генотипических, психофизиологических, социальных сторон человека среды и методы её изучения // Проблемы личности: материалы симпозиума. М.,1970. Т. 2. С. 5–23.

6. *Козина И.А.* Организационно-культурные факторы удовлетворенности трудом: дис. … канд. психол. наук. М., 2010. 165 с.
7. *Кочергина А.И.* Профессиональная культура управленческих кадров // Вестник БелГИПК. 1996.
8. *Кревневич В.В.* Автоматизация и удовлетворенность трудом. М.: Мысль, 1987.213 с.
9. *Магун В.С.* Российские трудовые ценности: идеология и массовое сознание // Мир России. 1998. № 4. С. 113–144.
10. *Моин Э.* Щекинский эксперимент. М.: Наука, 1983. 421 с.
11. *Новикова Э.С.*, Языкова В.С., Янкова З.Л. Женщина. Труд. Семья (социологический очерк). URL: http://www.ecsocman.edu.ru/db/msg/45851.html (дата обращения: 08.10.2014).
12. *Патрушев В.Д.*, Калмакан Н.А. Удовлетворенность трудом: социально-экономические аспекты. М.: Наука, 1993. 112 с.
13. *Проблемы* социального регулирования на промышленных предприятиях. Киев, 1973. 156 с.
14. *Попова И.М.* Стимулирование трудовой деятельности как способ управления. Киев, 1976. 122 с.
15. *Сарно А.А.* Типы трудовой мотивации, их динамика // Социологические исследования. 1999. № 5. С. 44–45.
16. *Тощенко Ж.Т.* Социальные резервы труда: Актуальные вопросы социологии труда. М.: Политиздат, 1989. 287 с.
17. *Тощенко Ж.Т.* Социология: Общий курс. 2-е изд., доп. и перераб. М.: Юрайт-М., 2001. 527 с.
18. *Хагур Ф.Р.* Труд и его социальные аспекты в контексте научного знания // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. Вып. 4(16) 2013. С. 177–183.
19. *Ядов В.А.*, Здравомыслов А.Г. Человек и его работа: социологическое исследование. М., 1967. 392 с.
20. *Ядов В.А.* Мотивация труда: проблемы и пути развития исследований // Советская социология. М., 1982. С. 118–129.

Получено 01.02.2015

References

1. Abrech S.I. *Trudovaya kul'tura kak faktor formirovaniya duhovnogo potentsiala sovremennoj rossijskoj molodezhi: dis. … kand. filos. nauk* [Working culture as a factor of forming spiritual potential of the Russian youth: dissertation for procuring of degree of candidate of philosophical sciences]. Krasnodar University of Ministry of Internal Affairs of Russia, Maikop, 2010, 27 p.
2. Achmiz F.R. *Udovletvorennost' trudom kak odin iz osnovnyh rezul'tatov effektivnosti sotsial'nogo upravleniya v usloviyah rynochnoj ekonomiki (by example of Republic of Adygea): dis. … kand. sotsiol. nauk* [Job satisfaction as one of the ain rezults of social management effectiveness under the conditions of market economy: dissertation for procuring of degree of candidate of sociological sciences]. Maikop, 2006, 188 p.
3. Badoev T.L. *Diagnostika struktury motivov trudovoj deyatel'nosti: avtoref. dis. … kand. psihol. nauk* [Diagnostics of motives of employment structure: author's abstract for procuring of degree of candidate of psychological sciences]. Yaroslavl, Yaroslavl State University, 1988, 24 p. (In Russian).
4. Blinov N.M. *Trudovaya deyatel'nost' kak osnova sotsialisticheskogo obraza zhizni* [Labor activity as basics of socialist way of life]. Moscow, 1979, 143 p. (In Russian).
5. Zvorykin A.A. [Personality as unity of genotypical, psychophysiological, social sides of a human's field and methods of its study]. *Problemy lichnosti: materialy simposiuma* [Problems of personality: Proceedings of syposium]. Moscow, 1970, vol. 2, pp. 5–23. (In Russian).
6. Kozina I.A. *Organizatsionno-kul'turnye faktory udovletvorennosti trudom: dis. … kand. psihol. nauk* [Organizational and culture factors of job satisfaction: Dissertation for procuring of degree of candidate of psychological sciences]. Moscow, 2010, 165 p.
7. Kochergina A.I. [Professional culture of senior executives]. *Vestnik BelGIPK* [Belorussian State Institute of Culture Problems Herald]. 1996. (In Russian).
8. Krevnevich V.V. *Avtomatizatsiya i udovletvorennost' trudom* [Autoatization and job satisfaction]. Moscow, Mysl' Publ., 1987, 213 p. (In Russian).
9. Magun V.S. [Russian labor values: ideology and mass consciousness]. *Mir Rossii* [World of Russia]. 1998, no 4, pp. 113–144. (In Russian).
10. Moin E. *Schekinskij eksperiment* [Schekin's experiment]. Moscow, Nauka Publ., 1983, 421 p. (In Russian).
11. Novikova E.S., Yazykova V.S., Yankova Z.L. *Zhenschina. Trud. Sem'ya (sotsiologicheskij ocherk)* [Woman. Labour. Family (sociological sketch]. Available at: http://www.ecsocman.edu.ru/db/msg/45851.html (accessed 08.09.2014). (In Russian).
12. Patrushev V.D., Kalmakan N.A. *Udovletvorennost' trudom: sotsial'no-ekonoicheskie aspekty* [Job satisfaction: social and economic aspects]. Moscow, Nauka Publ., 1993, 112 p. (In Russian).
13. *Problemy sotsial'nogo regulirovaniya na proyshlennyh predpriyatiyah* [Problems of social regulation on industrial enterprises]. Kiev, 1973, 156 p. (In Russian).
14. Popova I.M. *Stimulirovanie trudovoj deyatel'nosti*

kak sposob upravleniya [Labor activity stimulation as means of management]. Kiev, 1976, 122 p. (In Russian).
15. Sarno A.A. [Types of labor motivation, its dynamics]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. 1999, no 5, pp. 44–45. (In Russian).
16. Toschenko Zh.T. *Sotsial'nye rezervy truda: Aktual'nye voprosy sotsiologii truda* [Social reserves of labor: Timely issues of labor sociology]. Moscow, Politizdat Publ., 1989, 287 p., p. 12. (In Russian).
17. Toschenko Zh.T. *Sotsiologiya: Obschij kurs. 2e izd., dop.i pererab.* [Sociology: General course. 2nd edition, enlarged and revised]. Moscow, Yurajt-M Publ., 2001, 527 p. (In Russian).
18. Hagur F.R. [Labor and its social aspects in the context of scientific knowledge]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sotsiologiya* [Perm University Bulletin. Series "Philosophy. Psychology. Sociology"]. 2013, no 4 (16), pp. 177–183. (In Russian).
19. Yadov V.A., Zdravomyslov A.G. *Chelovek i ego rabota: Sotsiologicheskoe issledovanie* [A man and its work: Sociological research]. Moscow, 1967, 392 p. (In Russian).
20. Yadov V.A. [Labor motivation: problems and ways of researches' development]. *Sovetskaya sotsiologiya* [Soviet sociology]. Moscow, 1982, pp. 118–129. (In Russian).

The date of the manuscript receipt 01.02.2015

STUDIES OF A PROBLEM OF JOB SATISFACTION IN THE USSR AND POST-SOVIET RUSSIA

Fatima R. Hagur

Branch of Maykop State Technological University in the item Yablonovsky;
11, Svyazy str., Yablonovsky, Republic Of Adygeya, 385140, Russia

The relevance of the problem explored in the article stems from the fact that full understanding of the problem of job satisfaction needs referring to the previous studies. Despite the fact that the historical preeminence in the study of job satisfaction and factors determining its level belongs to the Western scientists, our domestic scientists have conducted a lot of research in this area. The object of the research is the prroblem of job satisfaction. The study is scientific research of Russian scientists in the field of labor relations, motivation and job satisfaction. The aim of the research is to study the problems of job satisfaction by Soviet and Russian scientists. To achieve this goal it is necessary to solve the following tasks: to consider the peculiarities of the research of Soviet and Russian scientists in the field of labor relations; to identify the specifics of the research data.
Key words: job satisfaction; motives of employment; labor motivation; labor values.

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:
Хагур Ф.Р. Исследования проблемы удовлетворенности трудом в СССР и постсоветской России // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2015. Вып. 1(21). С. 102–109.

Please cite this article in English as:
Hagur F.R. Studies of a problem of job satisfaction in the USSR and post-Soviet Russia // Perm University Bulletin. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2015. Iss. 1(21). P. 102–109.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Н.В. КОРОТКОВ*. ОНТОЛОГИЯ И ГНОСЕОЛОГИЯ ФАНТАСТИКИ. КИРОВ: РАДУГА–ПРЕСС, 2014. 155 с.

Хайруллин Камиль Хасанович,
кандидат философских наук, доцент,
почетный работник ВПО РФ;
420073, Республика Татарстан, Казань, ул. Красная Позиция, 13а –19;
e-mail: Kamhn@yandex.ru

В монографии кандидата философских наук Н.В. Короткова раскрывается философское значение фантастики. Автор стремится показать эвристический потенциал фантастических образов и сюжетов для осмысления онтологических, гносеологических и иных философских проблем.

Согласно современным определениям фантастика — это жанр и творческий метод в художественной литературе, кино и изобразительном искусстве, который характеризуется использованием допущения «возможности невозможного», «элементов небывалого», нарушениями границ реальности, принятых условностей. Исходной идейно-эстетической установкой фантастики является диктат воображения над реальностью. Здесь художественный вымысел получает наибольшую свободу, и пространство фантастики простирается от изображения странных и необычных «чудесных» явлений до создания целых вымышленных миров со своими закономерностями и возможностями.

Феномен фантастики чрезвычайно сложен и противоречив. Он, безусловно, интересен для философии и заслуживает с её стороны пристального и серьёзного внимания. Это только для поверхностного обывательского взгляда фантастика — пустая выдумка, в лучшем случае — развлекательное чтиво или кино.

В монографии Н. Коротков рассматривает феномен фантастики через призму онтолого-гносеологических идей определённых философов, в частности М.К. Мамардашвили. Критикуя сугубо рационалистические представления о познавательном процессе, игнорирующие его антропологическую и социокультурную обусловленность, автор обосновывает положение о важнейшей роли фантазии как продуктивного творческого воображения в познании человеком мира и самого себя. Собственно говоря, без фантазии человек не смог бы самоопределиться и построить картину окружающей действительности. Автор ссылается на точку зрения Ж.-П. Сартра, согласно которой «воображение не является некой эмпирической и дополнительной способностью сознания, оно есть само сознание в целом, поскольку в нём реализуется свобода сознания» (с. 27). Воображение определило появление и мифа, и религии, и искусства, и философии, и науки. Оно в предельном выражении реализовалось, наконец, в фантастике как жанре литературы и искусства.

Н. Коротков придерживается мнения о фантастике как феномене, выходящем за рамки художественного творчества и занимающем некое промежуточное положение в культуре. Фантастика характеризуется им в качестве особого художественно-философского феномена наподобие романтизма или экзистенциализма, он относит возникновение этого феномена ко второй половине XIX в. (с. 33). Дело в том, что фантастике свойственно совмещение разных типов рациональности по принципу их дополнительности. Очевидно, что познание не сводимо к науке, к чисто научному типу рациональности. Существуют мифологический, религиозный, художественный и философский типы познания со своей спецификой мыслительной деятельности и предвидения будущего. Фантастика способна синтезировать разные типы рациональ-

* *Николай Владимирович Коротков,* кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социологии Вятского государственного гуманитарного университета.

© Хайруллин К.Х., 2015

ности, несмотря на их противоположность, и выдвигать свои гипотезы, прогнозы и предостережения касательно каких-то возможных опасностей и угроз. Хорошо известно, что многие фантастические идеи воплотились в жизнь, автор здесь ссылается на романы Ж. Верна, Г. Уэллса, К. Циолковского, А. Беляева, А. Толстого.

Конечно, существуют фантастические произведения сугубо развлекательные, не имеющие идейного содержания. Но в данном случае речь идет о фантастике высокого художественного уровня, несущей в себе философские смыслы, как это имеет место, например, в произведениях С. Лема, А. Кларка, А. Азимова, братьев Стругацких, Ф. Дика, Р. Брэдбери. В своё время Н. Бор говорил о необходимости «безумных идей» для развития науки, которые могут черпаться и из фантастики. Таким образом, в самой безумной с точки зрения здравого смысла идее могут содержаться указания на пути возможного грядущего развития и обнаружения элементов скрытой реальности. Фантастическая образность может охватывать и то, для характеристики чего нет еще готовых культурных форм, нет соответствующего языка. В связи с этим Н. Коротков высказывает мысль о возможности с помощью фантастической образности выражать трансцендентное (с. 20, 22).

Фантастика играет важную прогностическую роль. Создавая картины грядущего, разрабатывая утопии и антиутопии, она заняла значимое место в пространстве культуры, в пространстве человеческих устремлений, ожиданий, надежд и опасений. Существенное место в современной фантастике занимает проблема выстраивания взаимоотношений человека, с одной стороны, с искусственным интеллектом, а с другой — с чужим внеземным разумом. И здесь возможны альтернативные ситуации: дружелюбный контакт, сотрудничество, приумножение человеческих знаний и возможностей или война, закабаление, превращение людей в рабов машин, звёздных пришельцев, а в связи с этим утрата людьми собственной сущности и даже их массовая гибель. В этом отношении значительную роль для современного мировоззрения сыграли такие фантастические фильмы, как «Матрица», «Терминатор», «День независимости», «Чужие».

Рассматривая утопии и антиутопии, рисующие контуры грядущего техно-социогенеза, Н. Коротков приходит к выводу о том, что фантастика выступает средством конструирования новой реальности, которая уже входит в современную жизнь в качестве неустранимого элемента. Так, виртуалистика уже влияет на образ жизни многих людей, через Интернет открывается планетарное информационное пространство, моделируются воображаемые миры и люди вступают в отношения с населяющими эти миры существами. Именно фантастическая образность стала подлинным катализатором развития компьютерной графики и создала мир компьютерных игр. В свою очередь благодаря виртуальной реальности открывается возможность визуализировать многие фантастические представления, образы и сюжеты, что даёт новые перспективы для творческого воображения. В конечном счёте человек оказывается перед виртуальной Мультивселенной, которая позволяет с новых сторон осмысливать своё положение в системе всеобщего бытия.

В первой главе монографии автор обосновывает мысль, что фантастика выступает формой преодоления традиционной конфронтации между трансцендентальной («рационалистической») и экзистенциальной («художественной», «интуитивистской») парадигмами в философии.

Во второй главе рассматривается взаимосвязь между фантастикой и космизмом. Речь идёт прежде всего о русском космизме, в частности философии Общего дела Н. Фёдорова. По мнению Н. Короткова, «нервом» русского космизма является идея о взаимодополнительности различных форм рациональности в постижении тайн бытия и выстраивании перспектив человеческого будущего.

Учение Н. Фёдорова, проникнутое пафосом долга детей перед родителями, необходимости воскрешения умерших отцов своими сыновьями, — это философия бессмертия человеческого рода, устремлённого ко всемирному братству и восстановлению всех своих поколений в преображённом, совершенном виде. Это учение можно сравнить с многогранником, поворачивающимся то своей религиозной стороной, то научной, то проективно-технической, то этической, то культурно-воспитательной, то натурфилософской, какими-то другими сторонами. Н. Коротков указывает на параллели между идеями Фёдорова (регуляция природы, полноорганность, возможность физического бессмертия, наука как дело не только профессиональных учёных, но и всех людей и др.) и новейшими научно-техническими понятиями, разработками, проектами и прогнозами (астроинженерия, нанотехнология, крионика, теория квантовой телепортации, Интернет и др.). Нам представляется вполне правомерным утверждение автора о том, что «идеи Фёдорова до сих пор остают-

ся в авангарде технонауки, выступают предельным заданием для неё» (с. 87).

Но проект борьбы со смертью и всеобщего воскрешения — это дело не только людей и их научно-технического и духовного творчества. Проект предполагает участие Бога, поскольку воскрешение есть таинство, которое не может быть полностью технологизировано. И вот в связи с этим неясно, каким образом будет осуществляться божественное участие в проекте. По Фёдорову, фундаментальной задачей человечества является предотвращение Страшного суда, Апокалипсиса, а это возможно только на пути выхода людей из падшего состояния, где царят смерть, война, сиротство, погоня за низменными чувственными удовольствиями и культ вещей. И прав Н. Коротков, утверждая, что оригинальность проекта Общего дела состоит не в том, что «все спасутся», а в требовании от каждого сделать для этого всё возможное. Необходимо, чтобы все (во всяком случае большинство) захотели преодолеть свой эгоизм, не вести потребительский образ жизни, изменить господствующую утилитарную систему ценностных ориентаций, бездушный характер общественных отношений.

Может ли художественная фантастика действенно служить цели облагораживания человека, культуры, общества? Автор считает, что положительный ответ вполне возможен. Заключительная часть книги во многом посвящена этой возможности. В ней представлены рассуждения в русле известной традиции русской литературы, когда писатели хотели видеть в своих произведениях нечто большее, чем просто художественные сочинения, а именно — пути и практические средства преображения человеческих душ и одухотворения общественной жизни.

Фантастика как литература о будущем рисует человека и общество не такими, какими они есть, а какими они должны быть. Идеалы фантастики, несомненно, имеют мировоззренческое значение. В монографии дан интересный сопоставительный анализ философии Общего дела Н. Фёдорова с космической философией К. Циолковского, с фантастикой И. Ефремова, Г. Уэллса и О. Стэплдона, затрагивается тема влияния фёдоровских идей на творчество некоторых русских писателей (В. Маяковский, А. Платонов и др.). На этом я не сосредоточиваю внимание, перейду к главным выводам монографии.

По мнению Н. Короткова, фантастику конца XIX–XXI вв. (добавим — в своих лучших образцах) можно назвать саморефлексией фантазии и оценить в качестве «коперниканского искусства» (понятие, введённое Н. Фёдоровым), совмещающего познание природы и общества с возможностью их кардинальной трансформации, первоначально на виртуальном уровне. Что же касается философии Общего дела Н. Федорова, то её правомерно интерпретировать в качестве апологии творческого воображения и предельного философского основания фантастики, поскольку эта философия не позволяет последней замыкаться в одной из своих функций и жанровых форм. В свою очередь фантастика позволяет с разных сторон и более глубоко осмысливать содержание федоровского учения.

Соглашаясь в принципе с выводами автора, можно тем не менее высказать некоторые сомнения: не преувеличены ли возможности фантастики как «коперниканского искусства»? И как совместить философию Н. Фёдорова с мистической фантастикой субъективного толка? Ведь автору проекта всеобщего воскрешения явно был чужд мистицизм. Мысль Н. Короткова о том, что в период всеобщего спасения и преображения всего падшего бытия неизбежно встанет задача спасения и бесов во главе с Сатаной, а это автоматически вводит в учение Н. Фёдорова мистико-религиозный контекст, не слишком убеждает.

В книге содержатся три приложения. Первое посвящено фильму «Аватар», в котором, по мнению Н. Короткова, использован метод радикальной вестернизации, утверждающий с помощью виртуалистики иллюзию безальтернативности американского (западного) типа цивилизационного развития. Два других даны автором, чтобы покать возможность разворачивания фантастического сюжета в неожиданных направлениях (речь идет о ситуации вторжения дьявольских сил в реализацию федоровского проекта воскрешения, а также о возможной деградации космической цивилизации Великого Кольца из романа И. Ефремова в ситуацию Звездных войн фантастической саги Дж. Лукаса).

В заключение скажу, что монография Н. Короткова читается с большим интересом, её следует отнести к весьма небольшому числу работ, теоретически осмысливающих феномен фантастики. В то же время следует признать, что Н. Коротков в строгом смысле онтологии и гносеологии фантастики не создал. Ведь онтология и гносеология — это философские теории, выступающие как системы взаимосвязанных идей, принципов и закономерностей. А такие системы, по крайней мере, в развернутом виде в книге от-

сутствуют. Скорее всего исследование Н. Короткова следует рассматривать как разработку подходов к созданию онтологии и гносеологии фантастики, как выявление элементов будущей философской теории фантастики и начертание контуров этой теории как целостного образования. На наш взгляд, в книге Н. Короткова большее развитие получило то, что можно было бы назвать антропологическим аспектом фантастики.

Хотелось бы пожелать молодому талантливому автору новых творческих успехов в трудном деле философского осмысления фантастики, этого весьма своеобразного феномена человеческой культуры.

Список литературы

1. *Коротков Н.В.* Онтология и гносеология фантастики. Киров: Радуга–ПРЕСС, 2014. 155 с.

Получено 26.01.2015

References

1. Korotkov N.V. *Ontologiya i gnoseologiya fantastici* [Ontology and gnoseology of fiction]. Kirov, Raduga–PRESS Publ., 2014, 155 p. (In Russian).

The date of the manuscript receipt 26.01.2015

N.V. KOROTKOV. ONTOLOGY AND GNOSEOLOGY OF FICTION. KIROV: RADUGA-PRESS, 2014. 155 p.

Kamil H. Khajrullin

13a–19, Krasnaya Pozitsiya str., Kazan, 420073, Republic of Tatarstan, Russia

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:
Хайруллин К.Х. Н.В. Коротков. Онтология и гносеология фантастики. Киров: Радуга–ПРЕСС, 2014. 155 с. // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2015. Вып. 1(21). С. 110–113.

Please cite this article in English as:
Khajrullin K.H. N.V. Korotkov. Ontology and gnoseology of fiction. Kirov: Raduga-PRESS, 2014. 155 p. // Perm University Bulletin. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2015. Iss. 1(21). P. 110–113.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Редакционная коллегия научного журнала **«Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология» (ISSN 2078-7898)** приглашает опубликовать статьи, содержащие оригинальные идеи и результаты исследований, а также переводы и литературные обзоры. Журнал включен в международные базы данных **Ulrich's Periodicals Directory и EBSCO Discovery Service,** в электронные библиотеки **«IPRbooks»**, **«Университетская библиотека on-line», «КиберЛенинка», «Руконт»,** а также в электронную систему **Российский индекс научного цитирования (РИНЦ**).

Правила оформления текста

При подготовке статей используется редактор Microsoft Word (версия 2003 и ниже). Статья представляется в электронном виде (в формате RTF). Имя файла — фамилия автора (первого из соавторов).

Параметры страницы. Формат страниц А4, поля по 2 см с каждой стороны. Расстояние до верхнего и нижнего колонтитулов — 1,25 см.

Заглавие статьи набирается большими буквами жирным шрифтом и форматируется по центру.

Основной текст статьи оформляется стилем «Обычный/Normal»: шрифт — Times New Roman, 11 pt, интервал — 1, абзацный отступ — 1 см. Объем статьи от 20000 знаков до 40000 знаков с пробелами. Допускаются выделения курсивом и полужирным шрифтом, а также вставка в текст специальных символов (с использованием шрифтов Symbol). В тексте следует четко различать О (букву) и 0 (ноль); 1 (арабскую цифру), I (римскую цифру) и l (латинскую букву); а также дефис (-) и тире (—). Обозначение веков следует писать римскими цифрами (XIX в.). Рекомендуемые кавычки «…», при выделениях внутри цитат следует использовать другой тип кавычек, например: «…“…”…».

Заголовки к основным разделам статьи необходимо оформлять в едином стиле. Использование автоматических списков не допускается. Нумерованные списки набираются вручную.

Таблицы должны сопровождаться заголовком вида «Таблица 1. Название таблицы». Слова в таблицах должны быть написаны полностью. В конце заголовков и ячеек таблицы точка не ставится.

Рисунки должны быть размещены в тексте статьи в виде внедренных объектов. Под рисунками должны располагаться подписи типа «Рис. 1. Название рисунка». В конце всех заголовков и подписей к рисункам точка не ставится.

Формулы выполняются в редакторе формул Microsoft Word Equation, версия 3.0 и ниже.

Библиографический список оформляется в соответствии с ГОСТом Р 7.0.5-2008. Номер источника указывается в квадратных скобках: [1] — на одну работу; [3; 5; 7–10] — на несколько работ. Если ссылку приводят на конкретный фрагмент источника, в скобках указывают порядковый номер источника и его страницы, разделив их запятой: [1, с. 81] или [1, с. 81–82]. Каждая публикация приводится в списке только один раз — при повторной ссылке на тот же источник в тексте указывается присвоенный ранее номер. Недопустимо объединять несколько источников под одним номером. В списке литературы не должно быть источников, на которые отсутствуют ссылки в тексте статьи. В списке литературы должны быть все источники, на которые дается ссылка в тексте статьи. При оформлении источника списка литературы обязательно указывается: для ***книг*** — фамилия и инициалы автора, название, город, издательство, год издания, том, количество страниц; ***для журнальных статей***, ***сборников трудов*** — фамилия и инициалы автора, название статьи, полное название журнала, серия, год, том, номер, выпуск, страницы; для ***материалов конференций*** — фамилия и инициалы автора, название статьи, название издания, время и место проведения конференции, город, издательство, год, страницы.

Постраничные сноски для ссылок на литературу не допускаются. Не допускаются и другие постраничные сноски — за исключением указания на **программу**, в рамках которой выполнена работа, или наименования **фонда поддержки**.

Статья должна сопровождаться:

- **индексом УДК.**
- **аннотацией** 500–600 знаков с пробелами.
- **ключевыми словами** (до 15 слов) на русском и английском языках.
- **информацией об авторе** (на русском и английском языках): фамилия, имя, отчество, место работы и должность, ученая степень, ученое звание, полный почтовый адрес (с индексом) — рабочий и адрес, на который будет выслан авторский экземпляр журнала, телефон, адрес электронной почты.
- **рецензией** научного руководителя (только для аспирантов и соискателей).

Рукопись, полученная редакцией, не возвращается. Редакция оставляет за собой право проводить редакторскую правку текстов статей, не изменяющую их основного смысла, без согласования с автором. Мнение членов редколлегии может не совпадать с мнением авторов статей.

Статьи и сопутствующие материалы отправляются автором на **электронный адрес** fsf-vestnik@yandex.ru. Датой поступления статьи считается день получения рукописи статьи редакцией.

Автор, направляя рукопись в редакцию, принимает личную ответственность за оригинальность исследования и достоверность представленной в нем информации. Автор несет ответственность за неправомерное использование в научной статье объектов интеллектуальной собственности, объектов авторского права в полном объеме в соответствии с действующим законодательством РФ. Направляя статью в редакцию, автор подтверждает, что направляемая статья нигде ранее не была опубликована, не направлялась и не будет направляться для опубликования в другие научные издания. Направляя статью в редакцию, автор подтверждает, что ознакомлен и согласен с приведенными выше требованиями.

В случае предоставления скан-копии справки об обучении в аспирантуре, заверенной руководителем учреждения, **плата с аспирантов (единственный автор) за публикацию рукописей не взимается.**

Сроки представления рукописей статей и запланированные сроки выхода издания в 2015 году:

Сроки представления рукописей статей	**Запланированный срок выхода соответствующего номера Вестника**
в № 1(21) — до 01 февраля	31 марта
в № 2(22) — до 01 мая	30 июня
в № 3(23) — до 01 августа	30 сентября
в № 4(24) — до 01 октября	28 декабря

С электронными версиями опубликованных ранее выпусков Вестника можно ознакомиться в сети Интернет по адресу: **http://philsoc.psu.ru/science/nauchnyj-zhurnal-fsf.html**

Контактная информация редколлегии:

e-mail: fsf-vestnik@yandex.ru, тел. +7(342) 2396-823, +7(342) 2396-392

GUIDELINES FOR ENGLISH-SPEAKING AUTHORS

The Editorial Board of ***The Perm University Bulletin. Philosophy. Psychology. Sociology*** **(ISSN 2078-7898)** invites authors of original research to publish their findings in the journal. *The Perm University Bulletin* is included in the international databases ***Ulrich's Periodicals Directory*** **and** ***EBSCO Discovery Service***, in the digital libraries ***IPRbooks, University Library On-line***, ***CyberLeninka***, ***Rucont*** and also it is included in **Russian Science Citation Index.**

Guidelines for submission

Articles should be submitted electronically in Microsoft Word (version 2003 or earlier) as a Rich Text File (rtf). The file should be named after the surname of the author (or the first coauthor).

Page Parameters. Please use A4 page size with 2 cm margins on each side with 1.25 cm to headers and footers.

The title of your contribution should be placed centrally in capital letters and in bold type.

The main text of your contribution should be typed in Normal style: Times New Roman, 11 pt, interval — 1, paragraph spacing — 1 cm. Articles should aim for a target length of 20 000 to 40 000 characters with spaces. You may use **boldface** or *italics*. Special symbols should be introduced by means of Symbol fonts. Please make sure that the distinctions between O (the letter) and 0 (zero); 1 (one), I (Roman figure) and l (Latin letter); intra-word hyphen (-) and dash (—) are observed. Centuries are written with Roman figures (e.g. XIX century). Recommended quotation marks are «…»; inside the quotations please use a different type of quotation marks (e.g. «…"…"…»).

Headings of the main sections of your contribution should be done in one style. Please do not use automatic lists. Numbered lists are done manually.

Tables should be signed as follows «Table 1. Name of Table». Words in tables should not be contracted. Full stop should not be used at the end of headings and in table cells.

Pictures should be placed in the text as embedded objects. Captions are to be placed under the pictures (e.g. «Pic. 1. Name of the picture»). Full stop should not be used at the end of headings and captions to pictures.

Formulas should be done in Microsoft Word Equation, version 3.0 and earlier.

References should be presented as follows. Number of the source is indicated in square brackets: [1] for one source, [3; 5; 7–10] for several sources. If a quotation is included, the page of the source should also be mentioned (e.g. [1, p. 81] or [1, p. 81–82]). Each source is to be mentioned in the list of references only once. Repeated references in the text should be indicated by the same number in the list of references. Please do not unite several sources in the list of references under one number. The list of references should only contain the sources cited in the text. All the sources cited in the text should be included in the list of references.

Please do not use footnotes. You may only use a footnote to indicate a **project, scholarship** or **foundation**, which supported your research.

Your contribution should be accompanied by

- the index of the Universal Decimal Classification;
- abstract of 500–600 characters with spaces;
- key words (up to 15);
- information about the author: surname and first name, place of work and position, academic degree, academic title, mail address (with postal code) for your author's copy to be sent to; phone number and e-mail address;
- reference letter of the academic supervisor (for doctorate students).

Please take notice that submissions received by the Editorial Board are not returned to the authors. The editors may edit the text of the contribution and make minor amendments, which do not change the general meaning of the text, without the author's consent. Opinions of the Editorial Board may not coincide with the opinion of the author.

Submissions should be sent to the e-mail address of the *Bulletin*: fsf-vestnik@yandex.ru.

The date when the Editorial Board receives the manuscript is considered to be the date of the submission receipt.

The author of the article is responsible for the originality of research and authenticity of the information presented. The author is equally responsible for all copyright permissions in accordance with national and international legislation. By sending his or her contribution the author confirms that the paper has not been previously published nor is it before another journal for consideration and will not be sent to other journals for publication. Sending the manuscript the author confirms that he or she has been informed of the requirements for publication and agrees to act in accordance with them.

There is no fee for the publication of manuscript for doctorate students.

Submission deadlines in 2015

Submission deadlines	**Planned date of publication**
No 1(21) February 1	March 31
No 2(22) May 1	June 30
No 3(23) August 1	September 30
No 4(24) October 1	December 28

Electronic versions of the previously published issues of *The Perm University Bulletin. Philosophy. Psychology. Sociology* may be found here: **http://philsoc.psu.ru/science/nauchnyj-zhurnal-fsf.html**

Contacts

Phone: +7(342) 2396-823, +7(342) 2396-392

E-mail: fsf-vestnik@yandex.ru

Вестник Пермского университета

ФИЛОСОФИЯ. ПСИХОЛОГИЯ. СОЦИОЛОГИЯ

2015
Выпуск 1 (21)

Редакторы *Л.П. Сидорова*
Корректор *Л.П. Северова*
Компьютерная верстка *И.Н. Черемных*
Макет обложки *Н.С. Щеколовой*

Подписано в печать 30.03.2015. Формат 60Х84/8. Усл. печ. л. 13,49.
Тираж 500 экз. Заказ

Издательский центр
Пермского государственного
национального исследовательского университета.
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15